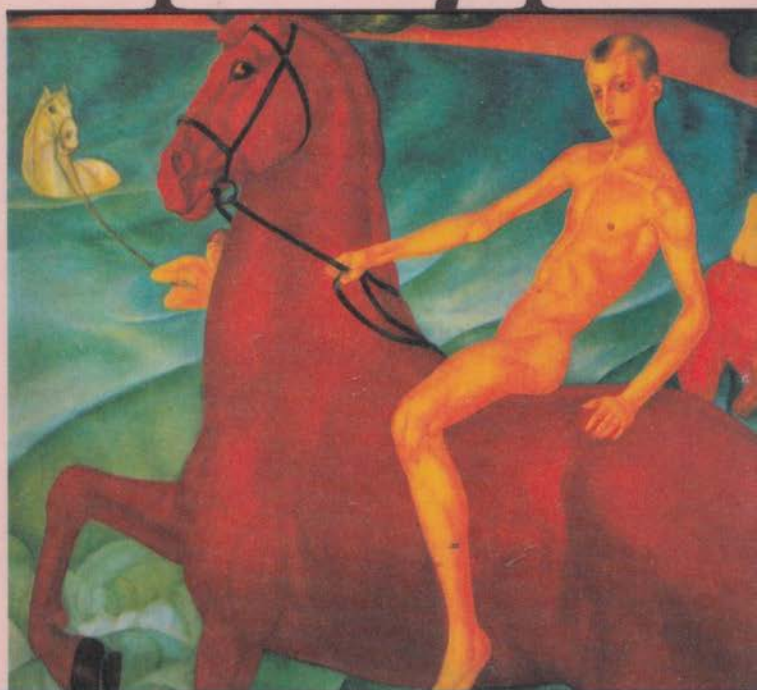

А

Российская академия наук
Российская академия образования
Издательство «Просвещение»

Академический школьный учебник

Литература

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

часть
вторая 6

*Серия «Академический школьный учебник»
основана в 2005 году*

Проект «Российская академия наук, Российская академия образования, издательство „Просвещение“ — российской школе»

Руководители проекта: вице-президент РАН, акад. **В. В. Коалов**, президент РАО, акад. **Н. Д. Никандров**, генеральный директор издательства «Просвещение», д-р пед. наук **А. М. Кондаков**

Научные редакторы серии: акад.-секретарь РАО, д-р пед. наук **А. А. Кузнецов**, акад. РАО, д-р пед. наук **М. В. Рыжаков**, д-р экон. наук **С. В. Сидоренко**

Линия учебно-методических комплектов под редакцией **В. Г. Маранцмана**

На переплете — **К. П. Петров-Водкин**. Купание красного коня.

Авторы-составители:

Маранцман Владимир Георгиевич — Человек и его поступок. Мифы Древней Греции. Героический эпос русского народа. Былины. Ф. Шиллер. «Перчатка». А. С. Пушкин. В. Кольцов. «Соловей». М. Ю. Лермонтов. И. С. Тургенев. Н. А. Некрасов. Л. Н. Толстой. А. П. Чехов. В. В. Маяковский. М. А. Светлов. Б. Л. Пастернак. Самостоятельная работа.

Маранцман Елена Константиновна — М. Е. Салтыков-Щедрин. Н. С. Лесков. М. Горький. В. В. Набоков. М. М. Зощенко. А. де Сент-Экзюпери.

Полонская Ольга Дмитриевна — Библейские сказания. Летопись. А. К. Толстой. О. Генри. К. Г. Паустовский.

Белова Анна Викторовна — Д. Хармс.

Коновалова Людмила Ивановна — Героический эпос. «Калевала, или Старые руны Карелии о Древних Временах Финского народа». В. Г. Распутин.

Ядровская Елена Робертовна — Д. Дефо. «Робинзон Крузо».

На учебник получены положительные заключения Российской академии наук (№ 10106-5215/15 от 31.10.07) и Российской академии образования (№ 01-254/5/7д от 15.10.07)

Литература. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. Л64 64 дений. В 2 ч. Ч. 2 / [авт.-сост. В. Г. Маранцман и др.]; под ред. В. Г. Маранцмана; Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». — 2-е изд. — М.: Просвещение, 2009. — 303 с.: ил. — (Академический школьный учебник). — ISBN 978-5-09-022079-8.

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83.3(0)я72

ISBN 978-5-09-022079-8(2)
ISBN 978-5-09-022078-1(общ.)

© Издательство «Просвещение», 2008
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2008
Все права защищены

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

(1818—1883)

16 апреля 1852 года молодой писатель И. С. Тургенев был арестован и посажен на «съезжую», т. е. в полицейскую часть. Власти обвиняли его в нарушении цензурных правил, в том, что Тургенев напечатал в Москве слово о Гоголе, смерть которого взволновала современников. Правительство боялось любых потрясений и запретило упоминать в печати имя великого писателя. Целый месяц Тургенева держали в заключении, но он времени не терял и не был сломлен. Он писал «Муму» и призывал литераторов и читателей любить Родину, уважать свой народ и ценить человеческое достоинство. «Знайте, что без веры, без глубокой и сильной веры не стоит жить...» И эта вера в благородство человека, в свободу и силы Родины была самым глубоким убеждением Тургенева.

Тургенева сослали в деревню, запретив ему выезжать из Спасского-Лутовинова. Суровость наказания не соответствовала провинности, и это случилось потому, что не только за горестное слово о Гоголе преследовали молодого писателя, но более — за его веру, выразившуюся в цикле рассказов и очерков о русской деревне. Первый из них, «Хорь и Калиныч», появился в 1847 году в журнале «Современник», редакторами которого были Н. А. Некрасов и И. И. Панаев и в работе которого молодой Тургенев принимал деятельное участие. Все они были дружны с критиком В. Г. Белинским, который был страстным защитником правдивого искусства и непримиримым врагом крепостного права. Белинский писал: «Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек? — Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? — Как что? — Его душа, ум, сердце, страсти, склонности...»

Тургенев уже в первом очерке «Хорь и Калиныч», которому Панаев дал подзаголовок «Из записок охотника», показал русский народ с такой стороны, с которой прежде к нему никто не подходил. Это было открытие в простом человеке такой глубины ума, чувства, таланта, что крепостное право предстало жестокой несправедливостью. Когда «мерзавец с тонкими манерами» помещик Пеночкин (рассказ «Бурмистр») распоряжается людьми, стоящими неизмеримо выше его по душевному складу, очевидна преступность всего строя жизни.

Когда талант Якова-Турка, в голосе которого «была и неподдельная глубокая страсть, и моло-

дость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь», когда этот талант, «правдивая, горячая душа», гибнет и обесцвечивается в тупом разгуле «притынного кабака», читателям «Записок охотника» становилось ясно, что «неладно что-то» в Русском государстве.

Когда «Записки охотника» в 1852 году вышли из печати, цензор доносил министру: «Книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра... Полезно ли, например, показывать нашему грамотному народу, что... крестьяне наши, которых автор до того опоэтизировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных, что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми издевается автор, выставляя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противозаконно, что сельское духовенство раболепствует перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки или, наконец, что крестьянину жить на свободе привольнее, лучше».

Опасения цензора были ненапрасны. Книга имела огромный успех и вскоре была переведена на многие европейские языки. Это было открытием глубинной и незнакомой России с ее могучей и ласковой природой, с ее неожиданными людьми и бесправным положением народа.

Охота была для И. С. Тургенева не промыслом, а погружением в родную природу и подлинным узнаванием своего народа. Но книга эта, основанная на русских впечатлениях, писалась за границей, где Тургенев жил рядом с больным Белинским, а потом с семейством Виардо. Полине Виардо, певице, которую Тургенев любил всю жизнь, и хотел он посвя-

тить «Записки охотника», как бы даря ей сокровенное — образ своей Родины.

Другой великий русский писатель, Иван Александрович Гончаров, отправившийся на фрегате «Паллада» в кругосветное путешествие, захватил с собой «Записки охотника». За много тысяч верст от Родины книга воскрешала ее образ: «...заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, поля, нивы и... прощай, Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орел, Курск, Жиздра, Бежин луг — так и ходят около». Позднее Гончаров так определил секрет и значение этой книги: «Тургенев, создавший в „Записках охотника“ ряд живых миниатюр крепостного быта, конечно, не дал бы литературе тонких, мягких, полных классической простоты и истинно реальной правды очерков мелкого барства, крестьянского люда и неподражаемых пейзажей русской природы, если бы с детства не пропитался любовью к родной почве своих полей, лесов и не сохранил в душе образа страданий населяющего их люда».

Любовь Тургенева к Родине включала в себя и любовь к языку, в котором проявляются глубинные свойства русского народа. На закате жизни уже больной писатель воскрешал в своей памяти самые дорогие для него и пронзительные по чувству впечатления. Свои записи он назвал стихотворениями в прозе не только потому, что мелодия речи в этих прозаических миниатюрах была ритмизирована. Открытая взволнованность автора, порыв чувств поднимали прозу до вдохновенной лирики. Одно из стихотворений в прозе написано в июне 1882 года.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Задания

1. Выучите наизусть стихотворение в прозе «Русский язык».
2. Попробуйте оправдать своими наблюдениями, примерами каждый из эпитетов, которые Тургенев дал русскому языку: «великий, могучий, правдивый и свободный».
3. Вспомните случаи из жизни, когда русский язык утешал или восхищал вас.

Задание для самостоятельного чтения

Прочтите очерки «Хорь и Калиныч», «Певцы» и подумайте, что дорого Тургеневу в русском человеке и русской природе и в чем писатель видит причины неблагополучия русской жизни.

БИРЮК

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому еще было верст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени

быстро густели. Я ударил вожжой по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозниками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперед с трудом. Дрожки прыгали по твердым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колес; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принужден был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я здешний лесник.

Я назвал себя.

— А, знаю! Вы домой едете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза, — отвечал голос.

Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой.

— Не скоро пройдет, — продолжал лесник.

— Что делать!

— Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

— Извольте сидеть.

Он подошел к голове лошади, взял ее за узду и сдернул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок», и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжело шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка заскрипела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и при свете молнии увидал небольшую избушку посреди обширного двора, обнесенного плетнем. Из одного окошечка тускло светил огонек. Лесник довел лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, послышался топот босых ног, засов заскрипел, и девочка лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покроемкой, с фонарем в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю.

Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я по-

смотрел кругом — сердце во мне заныло: не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребенок в люльке дышал тяжело и скоро.

— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

— Лесникова, — прошептала она.

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошел к столу и зажег свечу.

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и потрянул кудрями.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка уперся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу Бирюк¹.

— А, ты Бирюк?

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы с леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись как огня. По их словам, не бывало еще на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову,

¹ Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый. (Прим. И. С. Тургенева.)

и ты не думай сопротивляться, — силен, дескать, и ловок как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идет. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет — не дается».

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

— Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слышал про тебя. Говорят, ты никому спуска не даешь.

— Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохожим мещанином сбежала, — произнес он с жестокой улыбкой. Девочка потупилась; ребенок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке.

— На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребенка. Он подошел к двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, барин, — начал он, — нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба...

— Я не голоден.

— Ну, как знаете. Самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне еще печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и

не поднимала глаз; изредка подталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ее голые ноги висели, не шевелясь.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Улитой, — проговорила она, еще более понутив свое печальное личико.

Лесник вошел и сел на лавку.

— Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчания, — коли прикажете, я вас из лесу провожу.

Я встал. Бирюк взял ружье и осмотрел полку.

— Это зачем? — спросил я.

— А в лесу шалят... У Кобыльского Верху¹ дерево рубят, — прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии; но над нашими головами уже виднелось кое-где темно-синее небо, звездочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — вишь какую ночку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листьев. Бирюк вывел лошадь из-под навеса. «А этак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и прозеваю его». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и попятил лошадь назад, — мы его духом поймаем, а там я вас провожу. Пойдемте».

¹ «Верхом» называется в Орловской губернии овраг. (Прим. И. С. Тургенева.)

Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того, чтобы прислушиваться к стуку топора. «Вишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновение — мерные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался...

— Повалил... — пробормотал Бирюк.

Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались наконец из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружье кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колеса скрипели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, — твердил, задыхаясь, Бирюк, — не уйдешь...» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошел. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидел мужика, мокрого, в лохмотьях, с длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой; стояла тут же вместе с тележным ходом. Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

— Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево.

Бирюк молча взял лошадь за холку левой рукой: правой он держал вора за пояс. «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвил он сурово. «Топорик-то вон возьмите», — пробормотал мужик. «Зачем ему пропадать!» — сказал лесник и поднял топор. Мы отправились. Я шел позади... Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошадедку посреди двора, ввел мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку.

— Эх его, какой полил, — заметил лесник, — переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, — продолжал он, указывая на мужика, — да вишь, засов...

— Оставь его тут, не трогай, — перебил я Бирюка. Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренно дал себе слово, во что бы то ни стало, освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщинистое лицо, нависшие желтые брови, беспокойные глаза, худые члены... Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

— Фома Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, — а, Фома Кузьмич.

— Чего тебе?

— Отпусти.

Бирюк не отвечал.

— Отпусти... с голодухи... отпусти.

— Знаю я вас, — угрюмо возразил лесник — ваша вся слобода такая — вор на воре.

— Отпусти, — твердил мужик, — приказчик... разорены, во как... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не след.

— Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно.

— Отпусти, — повторял он с унылым отчаяньем, — отпусти, ей-богу, отпусти! Я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с голодухи... детки пищат, сам знаешь. Круто, во как, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжал мужик, — лошаде-ну-то, хоть ее-то... один живот и есть... отпусти!

— Говорят, нельзя. Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того... отпусти!

— Знаю я вас!

— Да отпусти!

— Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бедняк потупился... Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик все не переставал. Я ждал, что будет.

Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну на, ешь, на, подавись, на, — начал он, прищулив глаза и опустив

углы губ, — на, душегубец окаянный: пей христианскую кровь, пей...»

Лесник обернулся.

— Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!

— Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? — заговорил с изумлением лесник. — С ума сошел, что ли?

— Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!

— Ах ты... да я тебя!..

— А мне что? Всё едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду! что так — всё едино. Пропадай всё: жена, дети — околевай всё... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюк приподнялся.

— Бей, бей, — подхватил мужик свирепым голосом, — бей, на, на, бей... (Девочка торопливо вскочила с полу и уставилась на него.) Бей! бей!

— Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза.

Полно, полно, Фома, — закричал я, — оставь его... Бог с ним.

— Не стану я молчать, — продолжал несчастный. — Всё едино — околевать-то. Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету... Да постой, недолго тебе царствовать! затянут тебе глотку, постой!

Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку; но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, расстворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к чёрту с своей лошастью! — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня...

Он вернулся в избу и стал копать в углу.

— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец, — удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он, — знать, дождика-то вам не переждать...

На дворе застучали колеса мужицкой телеги.

— Вишь, поплелся! — пробормотал он, — да я его!.. Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

Вопросы и задания

1. Что для вас было неожиданным в этом рассказе и чем он взволновал вас?
2. Почему охотник называет Бирюка «славным малым»?
3. Как выглядит мужик?
4. Нарисуйте словесно портрет Бирюка, когда он отпускает мужика.
5. Почему рассказ начинается с описания грозы?
6. Что общего в сравнениях, характеризующих Бирюка, которого «все окрестные мужики боялись как огня» и который «...в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову»?
7. Почему Бирюк отпустил мужика?
8. Посмотрите на сказителя былин Н. Богданова, изображенного В. Д. Поленовым. (См. цветную вклейку.) Кого из героев рассказа И. С. Тургенева напоминает вам этот человек?

КОНФЛИКТ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Вы уже знаете, что основой литературного произведения является сюжет — цепь событий, в которых участвуют герои. Развитие событий определяется от-

ношениями героев и той логикой жизни, которую автор стремится открыть читателю. Столкновение интересов, чувств, характеров героев принято называть конфликтом. Конфликт — противоречие, которое оказывается движущей силой, пружиной сюжета. Поединок Ильи Муромца и Соловья-разбойника — очевидный конфликт былины, соперничество Сильвио и графа лежит в основе сюжета пушкинской повести «Выстрел». В «Песне... про купца Калашникова» сталкиваются любовь Кирибеевича и правила чести мужа Алёны Дмитриевны. При этом далеко не всегда герои вступают в прямую борьбу. Царевна в сказке Пушкина не бросает вызова мачехе, но несовпадение их облика, качеств, привязанностей приводит к конфликту героинь.

Таким образом, конфликт — это не только прямой поединок героев, но и разность их убеждений и чувств.

В рассказе Тургенева «Бирюк», написанном в 1848 году и тогда же напечатанном в журнале «Современник», мы можем заметить прямой конфликт лесника, честно выполняющего свою обязанность стеречь лес, и мужика, которого нужда заставила лес воровать. Но если бы рассказ ограничился наблюдением за этим конфликтом, вряд ли таким неожиданным был бы его финал. Ведь Бирюк преследует вора, презирает его за нечестность. Лесник сам беден, но знает, что «воровать никому не след». Что же заставляет его отпустить мужика? Просьбы охотника-барина? Мольбы и проклятия доведенного до отчаяния крестьянина? Чем поколеблена непреклонная сила Бирюка?

Понаблюдаем за тем, как развивается сюжет. Усталость рассказчика, возвращающегося с охоты,

казалось бы, могла привести к равнодушному отталиванию от всех впечатлений. Но «гроза надвигалась», и природа будто хотела сообщить что-то важное и тревожное. Охотник и лошадь оказываются беспомощны перед природной стихией, действия которой раздражительно резки: «Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась». Мы выделили глаголы, которые передают действия, изменения, которые происходят в природе, чтобы вы заметили, каким сильным гневом рождена гроза. Фигура лесника, словно вырастая из земли, полна силы, равной могуществу природы. Бирюк выводит охотника из растерянности и предлагает переждать ненастье в своей избе. Лесник своей силой, решительностью, дерзостью и яростью преследования воров напоминает природные явления. Недаром появляются в его характеристике такие сравнения: «окрестные мужики боялись как огня», «нагрянет как снег на голову». Слух Бирюка чуток, как у зверя. Природная сила Бирюка не спасает его, однако, ни от бедности, ни от несчастий. Бедность мужицкой избы так пронзительна, что у охотника при виде этой нищеты «сердце... заныло». И хлеб у Бирюка такой, что барин есть не станет, а чая вовсе нет. Печальна и вся жизнь Бирюка, оставленного женой, бросившей и мужа, и своих детей. Угрюм и немногословен Бирюк и искренние признания делает с трудом. Он недоверчив, и недаром его зовут Фомой. Но искры теплоты мелькают в его движениях и словах. Он дал охотнику приют. Он готов проводить его до дома, потому что «в лесу шалят». Но к мужику, ворующему лес, Бирюк суров и беспощаден. Правда,

в его действиях нет жестокости. Его суровость и презрительная реплика, обращенная к мужику: «Ну, поворачивайся, ворона!» — будто продиктованы внутренним усилием над собой. Ему трудно совершать эти жестокие действия. И он охотно выполняет просьбу мужика подобрать топорик.

Слушая сбивчивую, лихорадочную мольбу мужика, «глухим и разбитым голосом» объясняющего свое преступление, Бирюк сначала молчит, потом бранит воров, затем отворачивается и наконец оправдывает свои действия обязанностью: «Я тоже человек подневольный: с меня взыщут». Тургенев приоткрывает нам в этих репликах и движениях внутреннюю борьбу, которая идет в душе Бирюка. Писатель только в жестах героя позволяет нам увидеть, как жалость к мужику подтачивает непреклонную решимость наказать вора: «Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки...», «Бирюк зевнул и положил голову на стол».

Внутренний конфликт в душе героя разрешается в пользу добра. Мужик называет Бирюка «душегубцем окаянным», «зверем», и могучий лесник в негодовании готов раздавить его. Но мужик готов к смерти, потому что так жить нельзя: «Всё едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что так — всё едино. Пропадай всё: жена, дети — околевай всё... А до тебя, погоди, доберемся!» Не угрозы мужика подействовали на Бирюка, а крайнее его отчаяние. И будто освобождая себя от невыносимой сердцу обязанности быть притеснителем нищих, Бирюк разрывает цепь долга: «...к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на

глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон». И лошадь мужику отдал, но, будто оправдываясь, Бирюк с горечью и сочувствием, угрозой и примирением «пробормотал»: «Вишь, поплелся! Да я его!..» Это глухое рокотание уходящего грома. В душе Бирюка разразилась гроза, когда мужик обвинил его в бесчеловечности: «Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза».

Гроза в природе по ходу рассказа затихает, небо проясняется: «Дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии; но над нашими головами уже виднелось кое-где темно-синее небо, звездочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать во мраке». И далее: «Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело».

Гроза, пронесшаяся в душе Бирюка, освободила добрые чувства, сломала навязанную долгом его службы жестокость. Правда, дождик время от времени продолжает стучать по крыше, и его, как говорит Бирюк охотнику, «не переждать». Рассказ не обещает безоблачного будущего, но убеждает нас в душевной силе человека, сумевшего благоразумно разрешить внутренний конфликт.

Вопросы и задания

1. *Составьте монтаж картин природы, представленных в рассказе, и попытайтесь оправдать появление пейзажей соответствующими событиями сюжета.
2. Подготовьте выразительное чтение диалога мужика и Бирюка и постарайтесь при чтении подчеркнуть, как изменялись интонации героев от начала к концу диалога.

3. *Что в характере и судьбе Бирюка напоминает Герасима — героя повести «Муму»?
4. Как связаны внешний (борьба Бирюка и мужика) и внутренний (борьба чувств в душе лесника) конфликты рассказа?
5. Попробуйте по жестам героев и интонациям определить их мысли и чувства:

— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохожим мещанином сбежала, — произнес он с жестокой улыбкой. Девочка потупилась; ребенок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке. — На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребенка.

6. Напишите сочинение на одну из тем: «Гроза», «Затишье», «Поступок, который изумил меня».

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

(1821—1878)

Детство Н. А. Некрасова прошло на Волге в родовом поместье его отца Грешнево Ярославской губернии. Вольная природа среднерусской полосы, могучая река, простор вселяли веру в то, что и люди, живущие здесь, должны быть сильны, бодры и свободны.

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес

Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть...

.
О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я!
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит,
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке;
Брожу с ружьем по островам.

С юности Некрасов чувствовал себя родным народу. Гуманность матери поэта Елены Андреевны, ее образованность и человеческая теплота помогали верить в светлые возможности человека, искренне и заинтересованно относиться к крестьянам. Известный некрасовед В. Евгеньев-Максимов писал: «В то время как отец Некрасова не позволял своим детям сходить с крестьянскими ребятами, „мать часто отпускала их в деревню, когда отец уезжал: но только заслышит рог охотников, как уже посылает девушку, чтобы скорее шли дети; если же долго не идут, а рог уже слышен близко, то бежала встречать детей сама“» (из воспоминаний Торчина).

Общество грешневских детей, по словам сестры поэта, притягивало Некрасова как магнит. Мальчик проделал в решетке сада особую лазейку и при каждом удобном случае присоединялся к ребятам и принимал участие в их забавах.

Дружба Некрасова с его сверстниками — деревенскими мальчиками — была настолько прочной, что не оборвалась и впоследствии. Некрасов и ярославским гимназистом, в каникулярное время, и петербургским литератором, во время побывок у родных, не прекращал этой дружбы.

В стихотворении «Крестьянские дети» говорится не только о совместных забавах и развлечениях маленького Некрасова с крестьянской детворой, но и о других формах общения с крестьянством, шире — с народом.

У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа...

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.

Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет...

Случалось, тут целые дни пролетали,
Что новый прохожий, то новый рассказ.

Но далеко не все впечатления от общения с крестьянской средой были таковы. Жизнь народа в то время являла гораздо больше мрачных сторон, чем светлых, и Некрасов не мог их не видеть.

Отец поэта Алексей Сергеевич Некрасов был грубым крепостником, жестоко обращавшимся с крестьянами. Его постоянным занятием была псовая

охота, и людей он травил, как зверей, которых преследовал!

В стихотворении «Родина» Некрасов с отвращением описывает крепостной быт, проклятие которого он чувствовал всю жизнь. Дружба с людьми из народа всегда была для Некрасова радостью и искуплением помещичьих грехов жестокости и равнодушия. В стихотворении «Деревенские новости» поэт описывает встречу с знакомыми крестьянами по дороге на охоту:

Вот и Качалов лесок,
Вот и пригорок последний.
Как-то шумлив и легок,
Дождь начинается летний.
И по дороге моей,
Светлые, словно из стали,
Тысячи мелких гвоздей
Шляпками вниз поскакали —
Скучная пыль улеглась...
Благодарение Богу,
Я совершил еще раз
Милую эту дорогу.
Вот уж запасный амбар,
Вот уж и риги... как сладок
Теплого колоса пар!
— Останови же лошадок!
Видишь: из каждых ворот
Спешно идет обыватель.
Все-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.

Творчество стало для Некрасова способом духовного очищения себя и защиты родного народа от притеснения.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выражение,
Его я узнаю всегда.
Я замер; коснулось души умиление...
Чу! шёпот опять!

Первый голос
Борода!

Второй
А барин, сказали!..

Третий
Потише вы, черти!

Второй
У бар борода не бывает — усы.

Первый
А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!

Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,

Замочки резные...

Третий (с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои

И кинулись прочь: человека слышит,

Так стайей с мякины летят воробы.

Затих я, прищурился — снова явились,

Глазенки мелькают в щели.

Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
— Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой... — «Услышит, молчи!

О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай Бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.

.
Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если Богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.

И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет по уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо,
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья?
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? — «Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и легонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдистой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,

Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..
1861

Вопросы и задание

1. Чем интересна для вас жизнь крестьянских детей?
2. Как относится поэт к крестьянским детям и почему сравнивает их с полевыми цветами?
3. Опишите выражения лиц детей в момент произнесения ими реплик.
4. Что вызывает радость и что — сочувствие и тревогу в картинах, нарисованных Некрасовым?
5. Как вы понимаете выражение «зимнего солнца холодный огонь»? Почему поэт ввел в стихотворение этот образ, желая показать «настоящее русское»?

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила,
Отвечал: Нет лесу, и не жди — не будет!
«Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне. — Скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
 Да перечит девке немец сердобольный,
 Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
 Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
 Малые, большие — дело чуть за спором —
 «Вот приедет барин!» — повторяют хором...

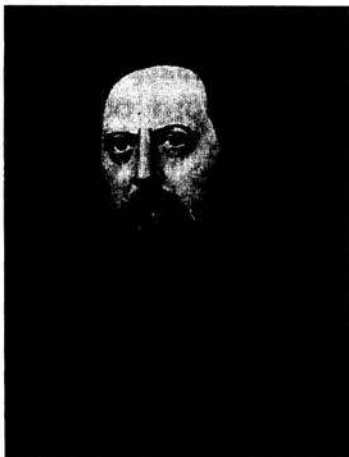
Умерла Ненила; на чужой земле
 У соседа-плута — урожай сторицей;
 Прежние парнишки ходят бородаты;
 Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
 И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
 Барина все нету... барин все не едет!

Наконец однажды среди дороги
 Шестернею цугом показались дроги:
 На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
 А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
 Старого отпели, новый слезы вытер,
 Сел в свою карету — и уехал в Питер.

1855

Вопросы и задание

1. Чем запомнились вам люди, живущие в забытой деревне, и как вы к ним относитесь?
2. Как поэт относится к крестьянам и к барину?
3. Нарисуйте героев стихотворения в пору их надежд.
4. Почему настойчиво повторяется рефрен стихотворения «Вот приедет барин — барин нас рассудит»?
5. Зачем немцу дан эпитет «сердобольный»?
6. Почему не сбылись надежды крестьян?

*Михаил Евграфович
Салтыков (Н. Щедрин)*

(1826—1889)

Михаил Евграфович Салтыков воспитывался в доме своих родителей до десяти лет и за «особые успехи в науках» через два года был переведен из Московского Дворянского института в Императорский Царскосельский лицей, тот самый, в первом выпуске которого был Пушкин. Салтыков был в тринадцатом выпуске, но дух великого русского поэта и тогда в Лицее был еще очень властен. И конечно же юный Салтыков стал писать стихи. Однако трепетное отношение к поэзии и к Пушкину, критический взгляд на собственное творчество заставили его прекратить «поэтические опыты». Позже он напишет: «После Лицея больше стихов никогда не писал».

После выпуска началась государственная карьера Салтыкова, ведь Лицей был призван готовить «под-

линно государственных людей, болеющих за Отечество». Судьба Салтыкова-чиновника подтверждает эффективность лицейского образования. Он начал служить помощником секретаря военного министра, с должности самой низкой, как было в то время положено любому чиновнику. Ведь, как писал Салтыков впоследствии, «руководство делами предполагает знание и самих этих дел». Стремление к доскональному изучению дела, служению народу, а не своим интересам всегда отличало Салтыкова — государственного чиновника.

Когда за первые вольнодумные повести, а также за причастность к революционному кружку петрашевцев Салтыкова уволили и сослали в Вятку, он не отошел от дел, не перестал верить в необходимость служения государству, а наоборот, старался помогать людям «по мере сил своих и разумения». Сам он считал период служения в Вятке очень полезным для себя как писателя. Там он, по его собственному признанию, «увидел настоящую Россию». Боль за народ, бесправный и униженный, бедность, невежество и покорность народа вызывали у юного Салтыкова сочувствие и возмущение.

Наглый произвол власти видел Салтыков везде и на всех уровнях. Он служил во многих российских губерниях. Был вятским и тверским вице-губернатором, затем председателем казенной палаты в Пензе, Туле и Рязани. С горечью отмечал он, что все его старания помочь изменению страны натываются не только на сопротивление чиновников, но и на равнодушие народа и всего общества.

Салтыков много пишет и публикует свои произведения под псевдонимом Н. Щедрин. В повестях и романах, критических статьях и рецензиях он стара-

ется как можно более полно описать русскую жизнь и разобраться в причинах невзгод народа. Но произведения Н. Щедрина не плач по невозможно горькой и тяжелой народной доле, а смех над недостатками и нелепостями русской жизни.

Над «Сказками», которые вы будете читать, писатель работал уже в последние годы жизни. В них смешное и трагическое смешивается с фантастическим. Подумайте, почему писатель выбрал именно такую форму для своих произведений.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подьяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое! где мы! — вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстиралось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слезы, — ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов учителем каллиграфии и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошел один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, так и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

— Да вот нашел старый номер «Московских ведомостей», и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

— Как все это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом, — ведь этак мы друг друга съедим! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором, развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Странный вы человек, ваше превосходительство, но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить, и, вспомнив о найденном номере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут была и „шекснинска стер-

лядь золотая“, и питомец лесов кавказских — фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

— Тыфу ты, господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее:

«Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочел:

«Из Вятки пишут: один из здешних старожилов изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, — все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него, — небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стрелка, но они так и закочнели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблок, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии,

что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадешь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужичина-лежебок.

— Довольны, любезный друг, видим твое усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру веревка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убежал, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение, или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

— Стало быть, и потоп был?

— И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в «Московских ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаше и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? — спрашивал один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! все сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

— Еще как жалко-то! Особливо, как четвертого класса, так на одно шитье посмотреть, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет, или по крыше словно муха ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунецца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль — не корабль, а такую

посудину, что можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего, мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет, да кормит генералов селедками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако, и об мужике не забыли; послали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

1869

Вопросы и задания

1. Сочувствуете ли вы мужику и почему?
2. Почему автор называет в начале сказки генералов «легкомысленными»?
3. Представьте себе генералов на необитаемом острове до того, как они нашли мужика, и после того. Как они изменились?
4. Нарисуйте портрет мужика до встречи с генералами. Что изменилось в его облике после встречи с ними?

5. Подходит ли к этой сказке пословица «Без труда не выловишь и рыбку из пруда»? Какую пословицу вы бы выбрали эпиграфом к сказке?
6. Почему мужик исправно стал работать на генералов и даже позволил привязать себя к дереву?
7. Почему мужик радовался и благодарил генералов за то, что они его «жаловали и мужицким его трудом не гнушались»?
8. Почему в этой сказке настоящие тунеядцы не наказаны, ведь в сказке добро должно победить зло?

Прочитайте самостоятельно сказку «Премудрый пискарь» и ответьте на вопросы.

Вопросы и задания

1. Как менялось у вас отношение к пискарю по мере чтения сказки?
2. Почему автор называет пискаря «умным»?
3. Как вы поняли слова «Жизнь прожить — не то, что мутовку облизать». Какая пословица положена в основу этого выражения?
4. Представьте пискаря дрожащим в своей норе и его отца в неводе рыбаков. Чем различались чувства отца и сына?
5. Почему рыбы не называли пискаря премудрым, хотя он и не поддался ни на какие уловки, а считали «остолопом»?
6. Найдите в тексте слова, которые показывают, что пискарь осознал свою ошибку, но исправить ее не сумел. Почему так случилось?
7. Какое не ироническое название вы бы дали сказке?

Прочитайте самостоятельно сказку «Медведь на воеводстве» и ответьте на вопросы.

Вопросы и задания

1. Как вы относитесь к Топтыгиным? В чем вы видите различия между ними?
2. Автор по-разному употребляет слово «умный». Как вы думаете, почему Чижика, несмотря на то что не уберется от

зубов Топтыгина Первого, автор называет умным? Почему умным называет он и Топтыгина Третьего?

3. Представьте себе жизнь в лесах, где воеводою были Топтыгины. Чем различалась жизнь в этих трех лесах?
4. Как могут злодейства быть блестящими? Как вы поняли словосочетание «блеск кровопролитий»?
5. Чему научился Топтыгин Третий у первых двух?
6. Почему Топтыгина Третьего, несмотря на то что никому в лесу не мешал, одобрен был начальством, постигла участь «всех пушных зверей»?
7. Как вы поняли слова Льва: «Нехорошо в зверином образе на скрижали попасть»?

ПОНЯТИЕ О ГРОТЕСКЕ

Это новое для вас слово в переводе с французского языка означает «смешной» и «причудливый», «необычный». Главным орудием создания гротесковой формы становится уже известная вам гипербола — преувеличение. Причем такое преувеличение, что становится и смешно и страшно одновременно. Вот, например, в сказке «Премудрый пискарь» страх героя преувеличен многократно, он боялся всего: «Жил — дрожал, и умирал — дрожал». Представьте себе этого пискаря; и жалко его и смешно, но страшно, если все так будут жить.

Невероятна глупость генералов и покорность мужика, который сам себе веревку свил, чтобы на привязи сидеть да генералам служить. Но здесь нам совсем не смешно. Ведь преувеличение выделяет, выявляет и обнажает страшную правду. Генералы должны жиреть и глупеть от лени, а настоящий труженик — мужик обозван ими тунеядцем и безропотно работает, обслуживая лентяев, да еще и справедливым считает их претензии к нему. А уж в конце и вовсе нарисована идиллия: генералы отблагодари-

ли мужика, не забыли его благодетелей: «выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!» Подумайте, почему генералы не забыли о мужике.

А вот совсем фантастическая картина, которую вычитали генералы из сказки «Как мужик двух генералов прокормил»: «Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...» Люди приняли пристава Б. за осетра и, даже когда «опознали» его, все равно вели себя как с рыбой: съели как ни в чем не бывало с подливкой. Это тоже смешно, но если представить себе — страшно. С одной стороны, этот частный пристав Б., может быть, и не мог по своим качествам называться человеком, но все же он человек, а его съели, да еще доктор (человек самой гуманной профессии) смотрел, чтобы каждому досталось по куску.

Еще одно свойство гротеска — фантастическое представление действительности. Причем автор не только не хочет убедить нас в том, что все описанное правда, а напротив, усиливает неправдоподобие ситуаций. Тем более откровенно выступает суть происходящего. Неважно, как и когда попадают генералы на необитаемый остров, сколько времени они плывут

и каким образом прямо из океана попадают на Большую Подъяческую в Санкт-Петербурге. При любых самых неправдоподобных обстоятельствах все остается на своих местах: мужик кормит генералов и безропотно терпит их притеснения. И даже весел.

Попробуйте найти в прочтенных вами сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина элементы гротеска и подумайте, почему автор использует его.

Николай Семенович Лесков

(1831—1895)

Николай Семенович Лесков происходил из семьи мелкого чиновника. После выхода отца в отставку жили Лесковы очень бедно, их быт ничем не отличался от жизни крестьян. В орловской гимназии, куда Лесков поступает в возрасте 10 лет, мальчик не смог найти понимания ни у учителей, ни у учеников. В 15 лет он, не окончив курса, поступает служить писцом в орловскую уголовную палату. Он сменил много занятий, путешествовал, писал обо «всем, что видел». «Душа моя болит за все русское, такое беспомощное и беззащитное», — писал Лесков другу. Герои Лескова истово преданы родине и вере. Но автор видит и описывает их униженное, бесправное существование и нечеловеческие условия жизни, в которых они не ропщут, а остаются добрыми, остроумными, талантливыми людьми. М. Горький

писал о Лескове: «Основная черта его героев — самопожертвование, но жертвуют они собой ради какой-либо правды не из соображений идейных, а бессознательно, потому что их тянет к правде, к жертве».

Прочитайте сказ Н. С. Лескова «Левша» и подумайте над вопросами.

Вопросы и задания

1. Когда, читая сказ, вы испытали чувство гордости за русского левшу и когда чувство неловкости за него?
2. Как автор относится к царю Александру Павловичу и к царю Николаю Павловичу?
3. Почему такой искусный мастер был человеком нескладным: «косой левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны»?
4. Опишите жизнь в столице России и в столице Англии глазами левши. В чем он увидел разницу жизни русских и англичан и в чем видит эту разницу автор?
5. Почему левша не сказал Платову сразу, что он сделал с блохой?
6. Как вы поняли слова англичанина про левшу: «У него... хоть и шуба овечкина, так душа человечкина»?
7. Почему историю левши Лесков поручает поведать нам рассказчику. Чем рассказчик отличается от автора?
8. Автор пишет: «Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства». Как вы думаете, почему?
9. Какова «правда» левши?

(СКАЗ О ТУЛЬСКОМ КОСОМ ЛЕВШЕ
И О СТАЛЬНОЙ БЛОХЕ)
(фрагменты)

Глава первая

Когда император Александр Павлович окончил венский совет¹, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры² со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нем был донской казак Платов³, который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома свое не хуже есть, — и чем-нибудь ответит.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить; но он этим мало интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие

¹ *Вѣнский совет* — после победы русского войска над Наполеоном на Венском конгрессе были установлены новые границы государств.

² *Междоусобные разговоры* — здесь: разговоры между разными людьми.

³ Платов Матвей Иванович — атаман донских казаков, один из героев Отечественной войны 1812 года.

свои цейгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать свое над нами во всех вещах преимущество и тем славиться, — Платов сказал себе:

— Ну уж тут шабаш. До этих пор еще я терпел, а дальше нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам.

И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит:

— Так и так, завтра мы с тобою едем их оружейную кунсткамеру смотреть. Там, — говорит, — такие природы совершенства, что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся.

Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый¹ нос в лохматую бурку спустил, а пришел в свою квартиру, велел денщику подать из погребца фляжку кавказской водки-кислярки², дерябнул хороший стакан, на дорожный складень³ Богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всем доме англичанам никому спать нельзя было.

Думал: утро ночи мудренее. <...>

Глава третья

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит:

— Пусть сейчас заложат двухсестную⁴ карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть.

Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не

¹ *Грабоватый* (искаж.) — горбатый.

² *Водка-кислярка* (искаж.) — кизлярка, крепкий напиток, изготавливаемый на Кавказе в городе Кизляр.

³ *Складень* — складная походная икона.

⁴ *Двухсестная* — вместо двухместная.

лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит:

— Нет, я еще желаю другие новости видеть: мне хвалили, как у них первый сорт сахар делают.

Поехали.

Англичане всё государю показывают: какие у них разные первые сорта, а Платов смотрел, смотрел да вдруг говорит:

— А покажите-ка нам ваших заводов сахар молво¹?

А англичане и не знают, что это такое молво. Перешептываются, перемигиваются, твердят друг дружке: «Молво, молво», а понять не могут, что это у нас такой сахар делается, и должны сознаться, что у них все сахара есть, а «молво» нет.

Платов говорит:

— Ну, так и нечем хвастаться. Приезжайте к нам, мы вас напоим чаем с настоящим молво Бобринского завода².

А государь его за рукав дернул и тихо сказал:

— Пожалуста, не порть мне политики.

Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни и нимфозории³, начиная с самой огромнейшей египетской керамиды⁴ до закожной блохи, которую глазам видеть невозможно, а угрызение ее между кожей и телом.

Государь поехал.

¹ *Молво* (искаж.) от Мольво — фамилия известного в Петербурге сахарозаводчика.

² *Бобринский завод* — сахарный завод графа А. А. Бобринского.

³ *Нимфозория* — соединение двух слов: «инфузория» — простейшее животное и «нимфа» — в греческой мифологии божества, олицетворяющие различные силы природы.

⁴ *Керамида* (искаж.) — пирамида.

Осмотрели керамиды и всякие чучелы и выходят вон, а Платов думает себе:

«Вот, славу Богу, все благополучно: государь ничему не удивляется».

Но только пришли в самую последнюю комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором ничего нет.

Государь вдруг и удивился, что ему подают пустой поднос.

— Что это такое значит? — спрашивает; а аглицкие мастера отвечают:

— Это вашему величеству наше покорное поднесение.

— Что же это?

— А вот, — говорят, — извольте видеть сориночку?

Государь посмотрел и видит: точно, лежит на серебряном подносе самая крошечная соринка.

Работники говорят:

— Извольте пальчик послюнуть и ее на ладошку взять.

— На что же мне эта соринка?

— Это, — отвечают, — не соринка, а нимфозория.

— Живая она?

— Никак нет, — отвечают, — не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. Извольте ключиком повернуть: она сейчас начнет тансе¹ танцевать.

Государь залюбопытствовал и спрашивает:

— А где же ключик?

А англичане говорят:

— Здесь и ключ перед вашими очами.

¹ *Дансе* — от англ. *dance* — танец.

— Отчего же, — государь говорит, — я его не вижу?

— Потому, — отвечают, — что это надо в мелко-скоп.

Подали мелкоскоп¹, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит.

— Извольте, — говорят, — взять ее на ладошечку — у нее в пузичке заводная дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдет дансе...

Насилу государь этот ключик ухватил и насилу его в щепотке мог удержать, а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции² в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кавриль³ станцевала.

Государь сразу же велел англичанам миллион дать, какими сами захотят, деньгами, — хотят серебряными пяточками, хотят мелкими ассигнациями.

Англичане попросили, чтобы им серебром отпустили, потому что в бумажках они толку не знают; а потом сейчас и другую свою хитрость показали: блоху в дар подали, а футляра на нее не принесли: без футляра же ни ее, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются и в сору их так и выбросят. А футляр на нее у них сделан из цельного бриллиантового ореха — и ей местечко в середине выдавлено. Этого они не подали, потому что футляр, говорят, будто казенный, а у них насчет казенного строго, хоть и для государя — нельзя жертвовать.

¹ *Мелкоскоп* (искаж.) — микроскоп.

² *Верояция* (искаж.) — вариация.

³ *Кавриль* — танец кадриль.

Платов, было, очень рассердился, потому что, говорит:

— Для чего такое мошенничество? Дар сделали и миллион за то получили, и все еще недостаточно! Футляр, — говорит, — всегда при всякой вещи принадлежит.

Но государь говорит:

— Оставь, пожалуйста, это не твое дело — не порть мне политики. У них свой обычай. — И спрашивает: — Сколько тот орех стоит, в котором блоха мещится?

Англичане положили за это еще пять тысяч.

Государь Александр Павлович сказал: «Выплатить», а сам спустил блошку в этот орешек, а с нею вместе и ключик, а чтобы не потерять самый орех, опустил его в свою золотую табакерку, а табакерку велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана преламутом¹ и рыбьей костью. Аглицких же мастеров государь с честью отпустил и сказал им: «Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что «он сюда же, — говорит, — принадлежит, а денег вы и без того у нас много взяли».

Государь этого не знал до самого приезда в Россию, а уехали они скоро, потому что у государя от военных дел сделалась меланхолия и он захотел духовную исповедь иметь в Таганроге у попа Федота².

¹ Преламут (искаж.) — перламутр.

² «Поп Федот» не с ветра взят — император Александр Павлович перед своею кончиною в Таганроге исповедовался у священника Алексея Федотова-Чеховского, который после того именовался «ду-

Дорогой у них с Платовым очень мало приятного разговора было, потому они совсем разных мыслей сделали: государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши на что взглянут — всё могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на всё другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл.

Государь этого не хотел долго слушать, а Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, соленым бараночком закусит, закурит свою корешковую трубку¹, в которую сразу целый фунт Жукова табаку² входило, а потом сядет и сидит рядом с царем в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, а к попу Федоту государь Платова уже совсем не взял.

— Ты, — говорит, — к духовной беседе невоздержен и так очень много куришь, что у меня от твоего дыму в голове копоть стоит.

Платов остался с обидою и лег дома на досадную укушетку³, да так все и лежал да покушивал Жуков табак без перестачи.

ковником его величества» и любил ставить всем на вид это совершенно случайное обстоятельство. Вот этот-то Федотов-Чеховский, очевидно, и есть легендарный «поп Федот». (Прим. автора.)

¹ *Корешковая трубка* — выточенная из корня дерева, обычно из можжевельника.

² *Жуков табак* — табак фабрики В. Жукова, особенно славившийся в Петербурге.

³ *Укушетка* (искаж.) — кушетка.

1. Что вам показалось смешным в прочитанных главах?
2. Как вы думаете, рассказчик был образованным человеком или нет?
3. Что сделал атаман Платов, чтобы «не выдать своих людей»?
4. Как вы считаете, на чьей стороне автор: на стороне Платова или императора Александра I?
5. Почему Платов считал, что русским умельцам не нужно «полезного ученья»?
6. На что обиделся Платов, когда «лег на досадную укушетку» дома?

Глава четвертая

Удивительная блоха из аглицкой вороненой стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав ее попу Федоту, чтобы сдал после государыне, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексеевна¹ посмотрела блохины верояции и усмехнулась, но заниматься ею не стала.

— Мое, — говорит, — теперь дело вдовье, и мне никакие забавы не обольстительны, — а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями в наследство новому государю.

Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение², но потом один раз стал пересматривать доставшуюся ему от брата шкатулку и достал из нее табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нем нашел стальную блоху, которая уже давно не была заведена

¹ Императрица Елисавета Алексеевна — вдова Александра I.

² Смятение — имеется в виду восстание декабристов 14 декабря 1825 года.

потому не действовала, алежала смирно, как кочене-
лая¹.

Государь посмотрел и удивился.

— Что это еще за пустяковина и к чему она тут у
моего брата в таком сохранении?

Придворные хотели выбросить, но государь говорит:

— Нет, это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной апте-
ки² химика, который на самых мелких весах яды
взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху,
положил на язык и говорит: «Чувствую холод, как от
крепкого металла». А потом зубом ее слегка помял и
объявил:

— Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а
нимфозория, и она сотворена из металла, и работа
эта не наша, не русская.

Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что
такое означает?

Бросились смотреть в дела и в списки, — но в де-
лах ничего не записано. Стали того, другого спраши-
вать, — никто ничего не знает. Но, по счастью, дон-
ской казак Платов был еще жив и даже все еще на
своей досадной укушетке лежал и трубку курил. Он
как услышал, что во дворце такое беспокойство, сей-
час с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к
государю во всех орденах. Государь говорит:

— Что тебе, мужественный старик, от меня на-
добно?

А Платов отвечает:

— Мне, ваше величество, ничего для себя не
надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а

¹ Кочене́лая — здесь: мертвая.

² Аничкина мостá из противной аптеки — в Петербурге Аничков
мост через реку Фонтанку, аптека была напротив моста.

я, — говорит, — пришел доложить насчет этой нимфозории, которую отыскиали: это, — говорит, — так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии, — и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в который можно его видеть, и сим ключом через пузичко эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны верояции делать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит:

— Это, говорит, — ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть ее русским пересмотрам в Туле или в Сестербеке, — (тогда еще Сестрорецк Сестербеком звали,) — не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвзвышались.

Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

— Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю поверить. Мне эта коробочка все равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми ее с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают. <...>

1. Почему обиженный прошлым государем Платов новому царю говорит, что «всем доволен»?
2. Как различается отношение к Платову и к русским людям у императора Александра I и Николая I?

Глава шестая

Платов из Тулы уехал, а оружейники три человека, самые искусные из них, один косой левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, попрощались с товарищами и с своими домашними да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съестного и скрылись из города.

Заметили за ними только то, что они пошли не в Московскую заставу¹, а в противоположную, киевскую сторону, и думали, что они пошли в Киев почивающим угодникам поклониться или посоветовать там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии.

Но это было только близко к истине, а не самая истина. Ни время, ни расстояние не позволяли тульским мастерам сходить в три недели пешком в Киев да еще потом успеть сделать посрамительную² для аглицкой нации работу. Лучше бы они могли сходить помолиться в Москву, до которой всего «два девяносто верст», а святых угодников и там почивает немало. А в другую сторону, до Орла, такие же «два девяносто», да за Орел до Киева снова еще добрых пять сот верст. Этакого пути скоро не сделаешь, да и

¹ *Московская застава в Туле* — конец города, обращенный к Москве. Другой конец города находился по дороге на Киев.

² *Посрамительную* — то есть посрамить.

сделавши его, не скоро отдохнешь — долго еще будут ноги остекливши и руки трястись.

Иным даже думалось, что мастера набахвалили¹ перед Платовым, а потом как пообдумались, то и трусили и теперь совсем сбежали, унеся с собою и царскую золотую табакерку, и бриллиант, и наделавшую им хлопот аглицкую стальную блоху в футляре.

Однако такое предположение было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивала надежда нации.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, верит ли рассказчик в возможность тульских мастеров «сделать посрамительную» англичанам? И верит ли в мастерство туляков автор?
2. Почему мастера работали секретно?
3. Как вы поняли слова автора о том, что на тульских мастерах «теперь почивала надежда нации»?

Глава десятая

Свистовые подбежали к Платову и говорят:

— Вот они сами здесь!

Платов сейчас к мастерам:

— Готово ли?

— Всё, — отвечают, — готово.

— Подавай сюда.

Подали.

А экипаж уже запряжен, и ямщик и фореитор на месте. Казаки сейчас же рядом с ямщиком уселись и нагайки над ним подняли и так, замахнувши, держат.

Платов сорвал зеленый чехол, открыл шкатулку, вынул из ваты золотую табакерку, а из табакерки

¹ Набахвалили — похвастали.

бриллиантовый орех, — видит: аглицкая блоха лежит там, какая была, а кроме ее ничего больше нет.

Платов говорит:

— Это что же такое? А где же ваша работа, которую вы хотели государя утешить?

Оружейники отвечали:

— Тут и наша работа.

Платов спрашивает:

— В чем же она себя заключает?

А оружейники отвечают:

— Зачем это объяснять? Всё здесь в вашем виду, — и предусматривайте.

Платов плечами вздвинул и закричал:

— Где ключ от блохи?

— А тут же, — отвечают. — Где блоха, тут и ключ, в одном орехе.

Хотел Платов взять ключ, но пальцы у него были куцапые¹: ловил, ловил, — никак не мог ухватить ни блохи, ни ключика от ее брюшного завода и вдруг рассердился и начал ругаться словами на казацкий манер.

Кричал:

— Что вы, подлецы, ничего не сделали, да еще, пожалуй, всю вещь испортили! Я вам голову сниму!

А туляки ему в ответ:

— Напрасно так нас обижаете, — мы от вас, как от государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны, — мы вам секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти — он увидит, каковы мы у него люди и есть ли ему за нас постыждение.

¹ Куца́ный — неумелый.

А Платов крикнул:

— Ну, так врете же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет, и я его там допытаюсь, какие есть ваши хитрости.

И с этим протянул руку, схватил своими куцалыми пальцами за шивороток косого левшу, так что у того все крючочки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

— Сиди, — говорит, — здесь до самого Петербурга вроде пубеля, — ты мне за всех ответишь. А вы, — говорит свистовым, — теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастера ему только осмелились сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента¹ увозите? ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак — такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся — и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» А казакам говорит:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони — все враз заработало и умчали левшу без тугамента, а через день, как приказал Платов, так его и подкатили к государеву дворцу и даже, рассказавшись, как следует, мимо колонн проехали.

Платов встал, подцепил на себя ордена и пошел к государю, а косого левшу велел свистовым казакам при подъезде караулить.

Вопросы и задания

1. Почему мастера не раскрыли своего секрета Платову, даже когда левшу увозили без документов?
2. Как вы думаете, верил ли в мастерство левши Платов, когда он вез его и блоху в Петербург?

¹ Тугамэнт (искаж.) — документ.

Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный — ничего не забывал. Платов знал, что он непременно его о блохе спросит. И вот он хоть никакого в свете неприятеля не пугался, а тут струсил: вошел во дворец со шкатулочкою да потихонечку ее в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответить, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского левшу в крепостной каземат¹ без сроку посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павлович ни о чем не забывал, и чуть Платов насчет междоусобных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает:

— А что же, как мои тульские мастера против английской нимфозории себя оправдали?

Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось.

— Нимфозория, — говорит, — ваше величество, все в том же пространстве, и я ее назад привез, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли.

Государь ответил:

— Ты — старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может.

Платов стал его уверять и рассказал, как все дело было, и как досказал до того, что туляки просили его

¹ Казамат (искаж.) — каземат, тюрьма.

блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.

Вопросы

1. Почему Платов испугался идти к императору Николаю I, хоть ничего никогда не боялся?
2. Чем различается отношение к левше Платова и императора Николая I?

Глава двенадцатая

Вынесли из-за печки шкатулку, сняли с нее суконный покров, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орех, — а в нем блоха лежит, какая прежде была и как лежала.

Государь посмотрел и сказал:

— Что за лихо! — Но веры своей в русских мастеров не убавил, а велел позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказал ей:

— У тебя на руках персты тонкие — возьми маленький ключик и заведи поскорее в этой нимфозории брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключиком, и блоха сейчас усиками зашевелила, но ногами не трогает. Александра Николаевна весь завод натянула, а нимфозория все-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает.

Платов весь позеленел и закричал:

— Ах они, шельмы собаческие! Теперь понимаю, зачем они ничего мне так сказать не хотели. Хорошо еще, что я одного ихнего дурака с собой захватил.

С этими словами выбежал на подъезд, словил левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что

ключья полетели. А тот, когда его Платов перестал бить, поправился и говорит:

— У меня и так все волосья при учебе выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повторение?

— Это за то, — говорит Платов, — что я на вас надеялся и заручался, а вы редкостную вещь испортили.

Левша отвечает:

— Мы много довольны, что ты за нас ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, в самый сильный мелкоскоп смотрите.

Платов назад побежал про мелкоскоп сказывать, а левше только погрозился:

— Я тебе, — говорит, — такой-сякой-этакой, еще задам.

И велел свистовым, чтобы левше еще крепче локти назад закрутить, а сам поднимается по ступеням, запыхался и читает молитву: «Благого царя благая мати, пречистая и чистая», и дальше, как надобно. А царедворцы, которые на ступенях стоят, все от него отворачиваются, думают: попался Платов и сейчас его из дворца вон погонят, — потому они его терпеть не могли за храбрость.

Глава тринадцатая

Как довел Платов левшины слова государю, тот сейчас с радостью говорит:

— Я знаю, что мои русские люди меня не обманут. — И приказал подать мелкоскоп на подушке.

В ту же минуту мелкоскоп был подан, и государь взял блоху и положил ее под стекло сначала кверху спинкою, потом бочком, потом пузичком, — словом сказать, на все стороны ее повернули, а видеть нече-

го. Но государь и тут своей веры не потерял, а только сказал:

— Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платов докладывает:

— Его бы приодеть надо — он в чем был взят, и теперь очень в злом виде.

А государь отвечает:

— Ничего — ввести, как он есть.

Платов говорит:

— Вот иди теперь сам, такой-этакой, перед очами государю отвечай.

А левша отвечает:

— Что ж, такой и пойду, и отвечу.

Идет в чем был: в опорочках¹, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик² старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думает. — Если государю угодно меня видеть, я должен идти; а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было».

Как взошел левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит:

— Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под мелкоскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем?

А левша отвечает:

— Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть?

Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или с хитростью, а говорит просто.

¹ Опорки — надевались на ноги.

² Озямчик — крестьянская верхняя одежда.

Государь говорит:

— Оставьте над ним мудрить, — пусть его отвечает, как он умеет.

И сейчас ему пояснил:

— Мы, — говорит, — вот так клали. — И положил блоху под мелкоскоп. — Смотри, — говорит, — сам — ничего не видно.

Левша отвечает:

— Этак, ваше величество, ничего и невозможно видеть, потому что наша работа против такого размера гораздо секретнее.

Государь спросил:

— А как же надо?

— Надо, — говорит, — всего одну ее ножку в подробности под весь мелкоскоп подвести и отдельно смотреть на всякую пяточку, которой она ступает.

— Помилуй, скажи, — говорит государь, — это уже очень сильно мелко!

— А что же делать, — отвечает левша, — если только так нашу работу и заметить можно: тогда все и удивление окажется.

Положили, как левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просился — взял левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал:

— Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

Вопросы и задания

1. Представьте себе левшу перед императором Николаем I. Как вы думаете, испугался ли царя левша?
2. Почему левше не нужно было говорить по-придворному?

Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а левша доложил, что и это еще не все удивительное.

— Если бы, — говорит, — был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, — говорит, — увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

— И твое имя тут есть? — спросил государь.

— Никак нет, — отвечает левша, — моего одного и нет.

— Почему же?

— А потому, — говорит, — что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, — там уже никакой мелкоскоп взять не может.

Государь спросил:

— Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление?

А левша ответил:

— Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши.

Тут и другие придворные, видя, что левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит:

— Прости меня, братец, что я тебя за волосы отодрал.

Левша отвечает:

— Бог простит, — это нам не впервые такой снег на голову.

А больше и говорить не стал, да и некогда ему было ни с кем разговаривать, потому что государь

приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и отослать назад в Англию — вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно. И велел государь, чтобы вез блоху особый курьер, который на все языки учен, а при нем чтобы и левша находился и чтобы он сам англичанам мог показать работу и каковые у нас в Туле мастера есть.

Платов его перекрестил.

— Пусть, — говорит, — над тобою будет благословение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно¹.

Так и сделал — прислал.

А граф Кисельвроде² велел, чтобы обмыли левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нем какой-нибудь жалованный чин есть.

Как его таким манером обформировали, напоили на дорогу чаем с платовскою кисляркою, затянули ремненным поясом как можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли в Лондон. Отсюда с левшой и пошли заграничные виды.

Вопросы и задания

1. Найдите в тексте подтверждение, что Платов взял из Тулы самого главного мастера.
2. Как характеризует левшу и Платова их диалог?
— Прости меня, братец, что я тебя за волосы отодрал.
Левша отвечает:
— Бог простит, — это нам не впервые такой снег на голову.

¹ *Средственно* — здесь: умеренно.

² *Кисельвроде* — граф Карл Васильевич Нессельроде был министром иностранных дел России (1822—1856).

Ехали курьер с левшою очень скоро, так что от Петербурга до Лондона нигде отдыхать не останавливались, а только на каждой станции пояса на один значок еще уже перетягивали, чтобы кишки с легкими не перепутались; но как левше после представления государю, по платовскому приказанию, от казны винная порция вволю полагалась, то он, не евши, этим одним себя поддерживал и на всю Европу русские песни пел, только припев делал по-иностранию: «Ай люли — се тре жули».

Курьер как привез его в Лондон, так появился кому надо и отдал шкатулку, а левшу в гостинице в номер посадил, но ему тут скоро скучно стало, да и есть захотелось. Он постучал в дверь и показал служащему себе на рот, а тот сейчас его и свел в пищеприемную комнату.

Сел тут левша за стол и сидит, а как чего-нибудь по-аглички спросить — не умеет. Но потом догадался: опять просто по столу перстом постучит да в рот себе покажет, — англичане догадываются и подают, только не всегда того, что надобно, но он, что ему не подходящее, не принимает. Подали ему ихнего приготовления горячий студинг¹ в огне, — он говорит: «Это я не знаю, чтобы такое можно есть», и вкушать не стал; они ему переменили и другого кушанья поставили. Также и водки их пить не стал, потому что она зеленая — вроде как будто купоросом заправлена, а выбрал, что всего натуральнее, и ждет курьера в прохладе за баклажечкой².

А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту ее рассмотрели в самый сильный мел-

¹ Студинг (искаж.) — пудинг.

² Баклажечка — небольшая деревянная фляжка.

коскоп и сейчас в публицейские¹ ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон² вышел. — А самого этого мастера, — говорят, — мы сейчас хотим видеть.

Курьер их препроводил в номер, а оттуда в пишеприемную залу, где наш левша порядочно уже подрумянился, и говорит: «Вот он!»

Англичане левшу сейчас хлоп-хлоп по плечу и как ровного себе — за руки. «Камрад, — говорят, — камрад — хороший мастер, — разговаривать с тобой со временем, после будем, а теперь выпьем за твое благополучие».

Спросили много вина, и левше первую чарку, а он с вежливостью первый пить не стал: думает, — может быть, отравить с досады хотите.

— Нет, — говорит, — это не порядок: и в Польше нет хозяина больше, — сами вперед кушайте.

Англичане всех вин перед ним опробовали и тогда ему стали наливать. Он встал, левой рукой перекрестился и за всех их здоровье выпил.

Они заметили, что он левой рукою крестится, и спрашивают у курьера:

— Что он — лютеранец или протестантист?

Курьер отвечает:

— Нет, он не лютеранец и не протестантист, а русской веры.

— А зачем же он левой рукою крестится?

Курьер сказал:

— Он — левша и все левой рукою делает.

Англичане еще более стали удивляться, начали накачивать вином и левшу и курьера и так це-

¹ Публицейские — здесь соединено два слова: «полицейские» и «публичные».

² Клеветон (искаж.) — фельетон.

лые три дня обходились, а потом говорят: «Теперь довольно». По симфону¹ воды с ерфиксом приняли и, совсем освеживши, начали расспрашивать левшу: где он и чему учился и до каких пор арифметику знает?

Левша отвечает:

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем.

Англичане переглянулись и говорят:

— Это удивительно.

А левша им отвечает:

— У нас это так повсеместно.

— А что же это, — спрашивают, — за книга в России «Полусонник»?

— Это, — говорит, — книга, к тому относящая, что если в Псалтире что-нибудь насчет гаданья царь Давид неясно открыл, то в Полусоннике угадывают дополнение.

Они говорят:

— Это жалко, лучше бы, если б вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник. Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчет силы есть, а то вот хоша вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и ее подковок несть не может. Через это теперь нимфозория и не прыгает и дансе не танцует.

Левша согласился.

— Об этом, — говорит, — спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные.

¹ Симфón (искаж.) — сифон, графин для жидкости.

А англичане рассказывают ему:

— Оставайтесь у нас, мы вам большую образованность передадим, и из вас удивительный мастер выйдет.

Но на это левша не согласился.

— У меня, — говорит, — дома родители есть.

Англичане назвались, чтобы его родителям деньги посылать, но левша не взял.

— Мы, — говорит, — к своей родине привержены, и тятенька мой уже старичок, а родительница — старушка и привыкши в свой приход в церковь ходить, да и мне тут в одиночестве очень скучно будет, потому что я еще в холостом звании.

— Вы, — говорят, — обвыкнете, наш закон примете, и мы вас женим.

— Этого, — ответил левша, — никогда быть не может.

— Почему так?

— Потому, — отвечает, — что наша русская вера самая правильная, и как верили наши правотцы¹, так же точно должны верить и потомцы.

— Вы, — говорят англичане, — нашей веры не знаете: мы того же закона христианского и то же самое Евангелие содержим.

— Евангелие, — отвечает левша, — действительно у всех одно, а только наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее.

— Почему вы так это можете судить?

— У нас тому, — отвечает, — есть все очевидные доказательства.

— Какие?

— А такие, — говорит, — что у нас есть и боготворные иконы и гроботочивые главы, и мощи, а у

¹ Правотцы (искаж.) — праотцы.

вас ничего, и даже, кроме одного воскресенья, никаких экстренных праздников нет, а по второй причине — мне с англичанкою, хоть и повенчавшись в законе, жить конфузно будет.

Ничем его англичане не могли сбить, чтобы он на их жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его в это время по разным заводам водить будут и все свое искусство покажут.

— А потом, — говорят, — мы его на своем корабле привезем и живого в Петербург доставим.

На это он согласился.

Вопросы и задания

1. Почему левша не ел совсем в дороге до Лондона?
2. Почему в Англии голодный левша не стал есть английскую пищу и пить английскую водку?
3. Как вы отнеслись к словам левши: «Спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные»?
4. Как левша объясняет преимущества православной веры англичанам? Что вам показалось смешным в его словах?
5. Почему левша сказал, что ему с англичанкой даже в законном браке «конфузно» будет жить?

Глава шестнадцатая

Взяли англичане левшу на свои руки, а русско-го курьера назад в Россию отправили. Курьер хотя и чин имел и на разные языки был учен, но они им не интересовались, а левшою интересовались, — и пошли они левшу водить и все ему показывать. Он смотрел все их производство: и металлические фабрики, и мыльно-пильные заводы, и все хозяйственные порядки их ему очень нравились, особенно насчет рабочего содержания. Вся-

кий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые шиглеты¹ с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с болом², а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица³ умножения, а под рукою стирабельная дощечка: все, что который мастер делает, — на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит: что на цыфриях написано, то и на деле выходит. А придет праздник, соберутся по парочке, возьмут в руки по палочке и идут гулять чинно-благородно, как следует.

Левша на все их житье и на все их работы на-смотрелся, но больше всего внимание обращал на такой предмет, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, как новые ружья делают, сколько, как старые в каком виде состоят. Все обойдет и хвалит, и говорит:

— Это и мы так можем.

А как до старого ружья дойдет, — засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнет:

— Это, — говорит, — против нашего не в пример превосходнейше.

Англичане никак не могли отгадать, что такое левша замечает, а он спрашивает:

— Не могу ли, — говорит, — я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядели или нет?

Ему говорят:

— Которые тут были, те, должно быть, глядели.

¹ Шиглэты (искаж.) — штиблеты, ботинки.

² Бóйло — здесь соединено два слова: «кайло» и «бить».

³ Дóлбица (искаж.) — таблица.

— А как, — говорит, — они были: в перчатке или без перчатки?

— Ваши генералы, — говорят, — парадные, они всегда в перчатках ходят; значит, и здесь так были.

Левша ничего не сказал. Но вдруг начал беспокойно скучать. Затосковал и затосковал и говорит англичанам:

— Покорно благодарствуйте на всем угощении, и я всем у вас очень доволен и все, что мне нужно было видеть, уже видел, а теперь я скорее домой хочу.

Никак его более удержать не могли. По суше его пустить нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпустите.

— Мы на буреметр, — говорят, — смотрели: буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас Финский залив, а тут настоящее Твердиземное¹ море.

— Это все равно, — отвечает, — где умереть, — все единственно, воля Божия, а я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать.

Его силом не удерживали: напители, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы с трепетиром², а для морской прохлады на поздний осенний путь дали байковое пальто с ветряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одели и отвезли левшу на корабль, который в Россию шел. Тут поместили левшу в лучшем виде, как настоящего барина, но он с другими господами в закрытии сидеть не любил и совестился, а уйдет на палубу, под презент³ сядет и спросит: «Где наша Россия?»

¹ *Твердиземное море* (искаж.) — Средиземное море.

² *Трепетир* — часы с репетиром, то есть с боем.

³ *Презент* (искаж.) — презент.

Полшкипер его и спрашивает:

— Ты какой от нашего государства в Россию секрет везешь?

Левша отвечает:

— Это мое дело.

— А если так, — отвечал полшкипер, — так давай держать с тобой аглицкое парей.

Левша спрашивает:

— Какое?

— Такое, чтобы ничего в одиночку не пить, а все-го пить заровно: что один, то непременно и другой, и кто кого перепьет, того и горка.

Левша думает: небо тучится, брюхо пучится, — скука большая, а путина длинная, и родного места за волною не видно — пари держать все-таки веселее будет.

— Хорошо, — говорит, — идет!

— Только чтоб честно.

— Да уж это, — говорит, — не беспокойтесь.

Согласились и по рукам ударили. <...>

Глава восемнадцатая

Англичанина как привезли в посольский дом, сейчас сразу позвали к нему лекаря и аптекаря. Лекарь велел его при себе в теплую ванну всадить, а аптекарь сейчас же скатал гуттаперчевую пилюлю и сам в рот ему всунул, а потом оба вместе взялись и положили на перину и сверху шубой покрыли и оставили потеть, а чтобы ему никто не мешал, по всему посольству приказ дан, чтобы никто чихать не смел. Дождались лекарь с аптекарем, пока полшкипер заснул, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, возле его изголовья на столик положили и ушли.

А левшу свалили в квартале на пол и спрашивают:

— Кто такой и откуда, и есть ли паспорт или какой другой тугамент?

А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет.

Тогда его сейчас обыскали, пестрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрали, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить.

Повел городской левшу на санки сажать, да долго ни одного встречника поймать не мог, потому извозчики от полицейских бегают. А левша все это время на холодном парате¹ лежал; потом поймал городской извозчика, только без теплой лисы, потому что они лису в санях в таком разе под себя прячут, чтобы у полицейских скорей ноги стыли. Везли левшу так, непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, всё роняют, а поднимать станут — ухи рвут, чтобы в память пришел. Привезли в одну больницу — не принимают без тугамента, привезли в другую — и там не принимают, и так в третью, и в четвертую — до самого утра его по всем отдаленным кривопуткам таскали и все пересаживали, так что он весь избился. Тогда один подлекарь сказал городовому везти его в простонародную Обухвинскую² больницу, где неведомого сословия всех умирать принимают.

Тут велели расписку дать, а левшу до разборки на полу в коридор посадить.

¹ Парат — крыльцо.

² Обухвинская больница — Обуховская больница в Санкт-Петербурге для бедных.

А аглицкий подшкипер в это самое время на другой день встал, другую гуттаперчевую пиллюлю в нутро проглотил, на легкий завтрак курицу с рысью¹ съел, ерфиксом запил и говорит:

— Где мой русский камрад²? Я его искать пойду. Одедся и побежал.

Вопросы и задания

1. Почему англичанину пригласили лекаря и аптекаря и подняли на ноги, а левшу бросили умирать в Обуховской больнице?
2. Какова разница между отношением англичанина и русских людей к своему соотечественнику?

Глава девятнадцатая

Удивительным манером полшкипер как-то очень скоро левшу нашел, только его еще на кровать не уложили, а он в коридоре на полу лежал и жаловался англичанину.

— Мне бы, — говорит, — два слова государю непременно надо сказать.

Англичанин побежал к графу Клейнмихелю³ и зашумел:

— Разве так можно! У него, — говорит, — хоть и шуба овечкина, так душа человечкина.

Англичанина сейчас оттуда за это рассуждение вон, чтобы не смел поминать душу человечкину. А потом ему кто-то сказал: «Сходил бы ты лучше к казаку Платову — он простые чувства имеет».

¹ *Ку́рица с ры́сью* — курица с рисом.

² *Камра́д* — в переводе с английского «товарищ».

³ Клейнмихель Петр Андреевич — граф, главный управляющий путями сообщения и публичными зданиями.

Англичанин достиг Платова, который теперь опять на укушетке лежал. Платов его выслушал и про левшу вспомнил.

— Как же, братец, — говорит, — очень коротко с ним знаком, даже за волоса его драл, только не знаю, как ему в таком несчастном разе помочь; потому что я уже совсем отслужился и полную пуплекцию¹ получил — теперь меня больше не уважают, — а ты беги скорее к коменданту Скобелеву, он в силах и тоже в этой части опытный, он что-нибудь сделает.

Поликипер пошел и к Скобелеву² и все рассказал: какая у левши болезнь и отчего сделалась. Скобелев говорит:

— Я эту болезнь понимаю, только немцы ее лечить не могут, а тут надо какого-нибудь доктора из духовного звания, потому что те в этих примерах выросли и помогать могут; я сейчас пошлю туда русского доктора Мартын-Сольского³.

Но только когда Мартын-Сольский приехал, левша уже кончался, потому что у него затылок о парат раскололся, и он одно только мог внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся.

И с этою верностью левша перекрестился и помер.

Мартын-Сольский сейчас же поехал, об этом графу Чернышеву⁴ доложил, чтобы до государя довести, а граф Чернышев на него закричал:

¹ Пуплэкция — апоплексия, паралич.

² Скобелев Иван Никитич (1778—1849) — русский генерал.

³ Мартын-Сольский — Мартын Дмитриевич Сольский (1798—1881) служил врачом при русской гвардии.

⁴ Чернышев Александр Иванович (1786—1857) — военный министр России.

— Знай, — говорит, — свое рвотное да слабительное, а не в свое дело не мешайся: в России на это генералы есть.

Государю так и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдашнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены.

Тут Мартын-Сольский Чернышеву о левше и напомнил, а граф Чернышев и говорит:

— Пошел к черту, плезирная трубка, не в свое дело не мешайся, а не то я отопрусь, что никогда от тебя об этом не слыхал, — тебе же и достанется.

Мартын-Сольский подумал: «И вправду отопрется», — так и молчал.

А доведи они левшины слова в свое время до государя, — в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был.

Вопросы и задания

1. Почему англичанину понадобилось ходить к разным генералам, чтобы помочь левше?
2. Почему генерал Скобелев решил пригласить к левше врача «из духовного звания»? Как вы могли бы охарактеризовать Мартын-Сольского?
3. Почему граф Чернышев не доложил царю слова левши, сказанные им Мартын-Сольскому?
4. Почему левша умер?

Глава двадцатая

Теперь все это уже «дела минувших дней» и «преданья старины»¹, хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря

¹ «Дела давно минувших дней» и «преданья старины» — неточная цитата из поэмы «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина.

на баснословный склад легенды и эпический характер ее главного героя. Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народною фантазиею миф он интересен, а его похождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно.

Таких мастеров, как баснословный левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд.

Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной душою».

Вопросы и задания

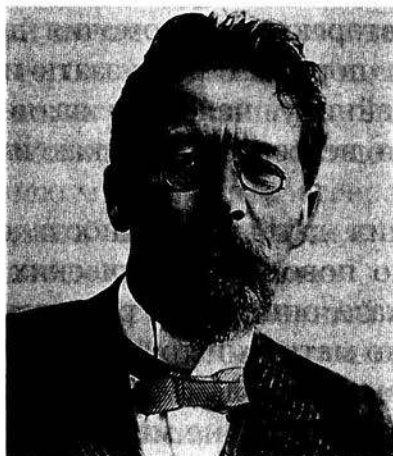
1. Как вы поняли слова: «Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали»?
2. Почему характер своего героя автор называет эпическим?
3. Можно ли сказать, что автор согласен с англичанином: левша был с «человечкиной душой»?

ПОНЯТИЕ О СКАЗЕ

Произведение Н. С. Лескова «Левша» названо не повестью и не рассказом, а сказом. Этим автор подчеркивает особый тип повествования. Он не просто

отдает свои авторские полномочия другому лицу — рассказчику, а поручает рассказать историю левши старому оружейнику, человеку из народа, который видит события не совсем так, как их представляет себе автор.

Автор решил дать возможность самому народу высказаться по поводу исторических событий, упоминаемых в сказе, описать их разговорным, не всегда правильным, но метким и точным языком. Н. С. Лесков писал: «Язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинен не мною, а подслушан у мужика... Ведь я собирал его много лет по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям... все говорят у меня по-своему, а не по-литературному». Рассказчик не записывает, по всей вероятности, свои слова, а говорит, сказывает их, устно передавая историю левши другим людям. Со времени описываемых событий прошли годы, многие факты обросли полуфантастическими деталями, и перед нами, как пишет автор в последней главе сказа, «олицетворенный народною фантазиею миф». Автор отмечает, что «общий дух» эпохи «схвачен» рассказчиком «метко и верно». Лесков твердо верил в то, что народный ум обладает «замечательной оригинальностью и проницательностью».

Антон Павлович Чехов

(1860—1904)

Детство и юность, проведенные в Таганроге, дали Чехову много смешных и горьких впечатлений о жизни русского провинциального города. Переехав в Москву и став студентом медицинского факультета университета, ведя врачебную практику, Чехов был переполнен сюжетами из жизни настолько, что, по его признанию, мог написать рассказ о любой вещи. «Поставьте передо мной чернильницу, и я тут же сочиню рассказ», — говаривал писатель. В рассказах Чехова нет ничего лишнего. Фразы сжаты, как пружины, но за каждой деталью читатель угадывает значительное содержание. Чехов настаивал на лаконизме, краткости, заостренности представления жизни читателю: «Искусство писать состоит не в искусстве писать, а в искусстве вычеркивать плохо написанное». Способность легко превращать увиденное

и услышанное в комические сценки не освобождала Чехова от желания дать общую оценку жизни. «Писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими, — говорил Чехов, — имеют один и тот же общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же... Лучшие из них реальные, и пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас».

Вернувшись в Таганрог уже известным писателем, Чехов с горечью чувствовал прикосновение знакомой тоски, которая рождается от бессмысленности существования: «60 000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов никаких... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников». От скуки, унижения человека и бесцельности жизни возникала жестокость. Мальчиком Чехов не раз сталкивался с жестокостью отца, который заставлял его сидеть в лавке вместе с нанятыми за пропитание Андрюшкой и Гаврюшкой. Брат Александр вспоминал: «Антону Павловичу приходилось с грустью и со слезами отказываться от всего того, что свойственно и даже действительно необходимо детскому возрасту, и проводить время в лавке, которая была ему ненавистна. В ней он, с грехом пополам, учил и недоучивал уроки, в ней переживал зимние морозы и коченел, и в ней же тоскливо, как узник в четырех стенах, должен был проводить золотые дни гимназических каникул... Сидя у конторки за прилавком, получая от покупателей деньги и давая сдачу, Антоша видит постоянно одни и те же, давно знакомые и давно уже

надоевшие, лица с одними и теми же речами. Это мелкие хлебные маклера-завсегдатаи, свившие себе гнездо в лавке Павла Егоровича. Лавка служит для них клубом, в котором они за рюмкой водки празднично убивают время».

В лавке было, кроме продуктов, и много снадобий на все случаи жизни от разных болезней. «Помнил Антон Павлович, — продолжает Александр Чехов, — также и „всеисцеляющий пластырь доктора Алякринского“, продававшийся в круглых картонных коробочках. С этим пластырем, между прочим, на глазах у Антоши был произведен эксперимент. По Таганрогу ходил и нищенствовал дурачок Климка. Зашел он за милостыней и в лавку к Павлу Егоровичу как раз в то время, когда компания пьяных маклеров-завсегдатаев была уже порядочно навеселе. От нечего делать эта милая компания предложила Климке стакан водки и пятак под условием, что он закусит выпивку пластырем Алякринского. Дурачок согласился и съел целую коробочку. После этого его еще много лет видели на похоронных и свадебных процессиях здоровым и невредимым...

Несмотря, однако же, на такой удачный исход, пластырь этот находил себе мало покупателей. Одну коробку его взял полицейский чиновник для своей опаршивевшей охотничьей собаки, но денег не заплатил, а Павел Егорович напомнить ему о долге не решался и только однажды, при встрече на базаре, заискивающим тоном спросил:

— Что, как собачка ваша, поправились ли от пластыря?

— Издохла, — отвечал угрюмо полицейский. — У нее в животе завелись черви...»

1. Почему Чехов не любил обывателей?
2. В чем писатель видел назначение искусства?
3. Чем смешон и страшен эпизод из таганрогской жизни, рассказанный Александром Чеховым?

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубахе и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстегнутой жилетке и,

подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопылив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезаясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчет дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелиху... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пущай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — черт знает что! ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И такую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и все.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, Господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, Господи... Соскучился по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцик этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Вопросы

1. Что в рассказе Чехова «Хамелеон» вам показалось смешным, а что — страшным?
2. Кому сочувствует автор рассказа?
3. Какой вам представляется базарная площадь и каким шествующий по ней Очумелов?
4. В чем смысл сравнения: «Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти...»?
5. Сколько раз и почему меняется отношение Очумелова к собаке?
6. Как выглядит Очумелов, произнося: «...Шельма... цуцик этакий...»?
7. К кому относится название рассказа?

ЮМОР И САТИРА

Мы любим смеяться над разными нелепостями. Когда человек, беседуя в тихом парке наедине со своим знакомым, громогласен, как будто перед ним целая площадь народа, мы непременно засмеемся над несообразностью его поведения.

Когда впервые оказавшийся в метро человек боится ступить на эскалатор и суетливо напряжен в жестах, мы тоже добродушно улыбнемся. Это смех не злой, не воинственный, не горький, а скорее сочувственный, вызванный несопадением поведения и обстоятельств. И его принято называть **юмором**.

В ранних рассказах А. П. Чехова немало безобидных насмешек. Вот, например, рассказ «Лист», в котором говорится о пасхальном обычае записывать в

передней дома, принадлежащего значительному лицу, праздничные поздравления. Обратимся к одному из эпизодов этого рассказа:

«Еще передняя... Стол и лист. В углу на табурете сидит швейцар, старый, как „Сын Отечества“¹, и худой, как щепка... В одиннадцать часов открывается дверь из апартаментов. Высовывается лысая голова.

— Что, еще никого не было, Ефимушка? — спрашивает голос.

— Никого-с, ваше-ство²...

В первом часу высовывается та же голова.

— Что, еще никого не было, Ефимушка?

— Ни единой души, ваше-ство!

— Гм... Ишь ты... Гм...

Во втором часу то же, в третьем то же... В четвертом — из апартаментов высовывается все туловище, с ногами и руками. Старичок подходит к столику и долго глядит на пустой лист. На лице его написана великая скорбь.

— Гм... не то, что в прошлые годы, Ефимушка! — говорит он вздыхая. — Так... Гм... И на лбу, значит, роковые слова: „в отставке“!!! У Некрасова, кажется, так... Чтoб моя старуха не смеялась надо мной, давай хоть мы распишемся за них!.. Бери перо...»

Это незлобивый смех. С юмором Чехов пишет о некогда почтенном старике, с нетерпением ожидающем знаков внимания и боящемся насмешек жены. И нам смешно и даже немного грустно оттого, что старика забыли.

Таков ли смех в рассказе Чехова «Хамелеон»?

Появление полицейского надзирателя на базарной площади смешно, потому что важность стража

¹ «Сын Отечества» — журнал первой половины XIX века.

² Ваше-ство — почтительное обращение: ваше превосходительство.

порядка («в новой шинели») сразу опровергается «узелком в руках», в котором, очевидно, скрывается еще кое-что, кроме конфискованного крыжовника в решете городского.

Заметив толпу около дровяного склада и «беспорядок», Очумелов становится грозным и воинственным. Сохраняя важность, он «делает полуоборот налево» и «врезывается» в толпу. Его вопросы-окрики, состоящие из неоконченных предложений, резки, как плеть: «Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?»

Выслушав рассказ Хрюкина, Очумелов «говорит... строго» и все больше одушевляется возможностью расправы над собакой, которую, по его словам, «истребить надо», а хозяина ее называет «мерзавцем».

Однако стоило кому-то из толпы предположить, что собака принадлежит генералу Жигалову, как Очумелову стало «ужас, как жарко», и, велев снять с себя шинель, он обрушивается на Хрюкина, обвиняя его в желании «сорвать» деньги за палец, который он сам «расковырял гвоздиком».

Перемены в отношении Очумелова к Хрюкину и к собаке следуют одна за другой в зависимости от того, кому принадлежит этот «бродячий скот». И то Хрюкин «свинья», а собака «нежная тварь», то, наоборот, Хрюкин «пострадал», а собака, «наверное, бешеная». Меняя, как хамелеон свой цвет, отношение к участникам скандала, взволновавшего сонный городишко, Очумелов в конце концов запутывается и соединяет в обращении к собаке брань и ласку: «Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуик этакий...»

Как ни смешны эти перемены, но весело нам быть не может, потому что сквозь смех здесь слы-

шится возмущение. Грубая жажда расправы в Очумелове борется с подобострастием, страж порядка растерян от страха потревожить начальство, он «очумел», лишился разума.

Хамелеоном оказывается и Хрюкин. От наглого желания «сорвать» вознаграждение за палец, укушенный собакой, которую он преследовал, этот «человек, который работающий», переходит к униженной лести и угрозам («У меня у самого брат в жандармах...»).

Хамелеонствует и толпа, то наслаждаясь скандалом, то предполагая, что собака генеральская, то хоча над проигравшим Хрюкиным.

И только «виновник скандала», «белый борзой щенок», который «в центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле», а «в слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса», оказывается существом, заслуживающим сочувствия в жестоком обществе хамелеонов.

Такой смех, смешанный с негодованием, смех, разоблачающий пороки, страшные для общества, в искусстве называют **сатирой**.

О. Генри

(1862—1910)

Раннее сиротство, а он остался без матери трех лет от роду, а может быть, врожденная застенчивость, от которой проистекала его замкнутость, сделали Уильяма Сидни Портера — таково было настоящее имя будущего писателя — большим любителем чтения и рисования. Правда, так же сильно он любил своих приبلудных кошек, а их у него однажды набралось целых девять штук, и он сохранил к ним глубокую привязанность на всю свою жизнь.

Как позже О. Генри писал о себе, книги он читал запоем, а наиболее полно познакомился с литературой в возрасте от 13 до 19 лет, с жадностью прочитав не только сказки, приключенческие романы, но и энциклопедические и толковые словари. Его острая наблюдательность уже в детстве отразилась в его детских карикатурах. Позже его товарищ по парте писал: «Обычно ... он рисовал на своей грифельной

доске комические картинки. Он умел несколькими штрихами схватить повадку или типичную черточку внешности любого из нас, к нашему вящему удовольствию». Впоследствии он станет очень популярен благодаря своим карикатурам не только в родном городе Гринсборо в штате Северная Каролина, но и в его окрестностях.

Эта наблюдательность, способность подмечать детали, мельчайшими штрихами передавать существенные и значимые черты человека пригодятся ему не только как карикатуристу, но и как писателю. Но прежде чем стать профессиональным автором, О. Генри сменил много профессий: был аптекарем, служащим, иллюстратором, работал на ранчо. Попытки О. Генри, оставаясь банковским клерком, заняться журналистской или издательской деятельностью успеха не имели. Драматические обстоятельства его жизни привели к тому, что известность пришла к нему только в сорок лет, в 1903 году. Буквально за семь лет он издал семь сборников своих рассказов, в которых создал целый мир американской жизни начала XX века.

Вы встретитесь в его рассказах с миллионерами и бродягами, кладоискателями и мошенниками, продавщицами, певицами, кассиршами и актрисами. О. Генри с нежностью и улыбкой, а иногда с юмором и легкой насмешкой говорит о своих героях, заставляя нас, своих читателей, не только любить его героев, но и скорбеть и переживать вместе с ними.

Вашему вниманию предлагается рассказ «Дары волхвов», в котором автор вспоминает о древнем христианском предании — рождественских подарках волхвов. В Евангелии говорится о том, как по явлению чудесной звезды Вифлеема мудрецы-звездочеты

узнали, где родился младенец Христос. В благоговейной радости они пришли и поклонились ему, принеся с собой золото и благовония. В память об этих благодатных дарах до сих пор на Рождество христиане обмениваются подарками, которые «несут чистую радость и тем, кто их получает, и тем, кто их делает». Прочитайте рассказ и подумайте над вопросом: «Бессмысленна или оправданна была жертва героев?»

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слез, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука. К сему присовокуплялась карточка с надписью: «М-р Джеймс Диллингхем Юнг». «Диллингхем»

развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингхем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и непритязательное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у нее только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот все, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Ее Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой меблированной квартиры? Очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о соб-

ственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза ее сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявшие предмет их гордости. Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения ее величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвет на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю ее фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блестками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос»,

Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпу, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощения за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец, она нашла. Без сомнения, что было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она все в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Ее, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела ее, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восьмьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчету. Она достала

щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причиненные великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как ее голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали ее удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьет меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, раскаленная сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стула поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У нее была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась.

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелегкое дело в двадцать два года быть обремененным семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мерзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей

стало страшно. Это не были ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на нее, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так. Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердишься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он все еще не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня все равно будешь любить? Я ведь все та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдешь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня Сочельник, Джим. Будь со мной по-ласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и ее нежный голос вдруг зазвучал серьезно: — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколь-

ко секунд займемся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намеки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто сверток и бросил его на стол.

— Не пойми меня ложно, Делл, — сказал он. — Никакая прическа и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот сверток, и тогда ты поймешь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечевку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увы! — чисто по-женски сменившийся потоком слез и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет ее каштановых волос. Они стоили дорого... Делла знала это, — и сердце ее долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их возжеланный блеск.

Все же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слезы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котенок, и воскликнула:

— Ах, боже мой!

Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах ее бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть все вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лег на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — придется нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

1. Постарайтесь описать настроение, которое возникло у вас после прочтения рассказа.
2. В рассказе очень подробно описано, как Делла задумала сделать подарок мужу. Попробуйте описать мысли и чувства Джима, когда он обдумывал подарок для жены.
3. Используя прием словесного рисования, опишите комнату Джима и Деллы.
4. Чем руководствуются герои при выборе своих подарков?
5. Какие чувства испытали супруги, узнав о подарках, которые каждый из них купил?
6. Что позволяет вам обнаружить авторскую иронию в рассказе? Что скрывается за этой иронией?
7. Как вы понимаете слова автора «красноречиво молчащая бедность»?
8. Что дает право автору сказать, что «из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы».
9. Как вы думаете, можно ли назвать героев рассказа счастливыми людьми?
10. Что вы больше любите: делать подарки или получать их? Напишите новеллу «Мой подарок родному человеку».

Максим Горький

(1868—1936)

В обращении к редакции журнала «Сибирские огни» в 1933 году всемирно известный писатель Максим Горький (литературный псевдоним Алексея Максимовича Пешкова) писал: «Люблю человека. „Люблю“ — это у меня не слово, а, так сказать, излюбленное мое ремесло и даже, может быть, искусство... люблю человека, который для меня издревле — Чудо и Творец всех чудес. Тут, видите ли, дело в том, что я никогда не забываю о себе — малограмотном парнишке 12—16 лет и неуклюжем парне 17—22-х. Сейчас мне — 60... Знали бы вы, сколько на путях моих я встретил замечательно талантливых людей, которые погибли лишь потому, что в момент наивысшего напряжения их стремлений они не встретили опоры, поддержки». Сам он всегда старал-

ся поддержать молодых, начинающих писателей. Эта «изумительная ласка и трогательная забота» о молодых, наверное, потребность М. Горького, выросшая из трудного и не всегда справедливого к нему детства, в котором были любовь и ласка бабушки и матери, жестокость и самодурство деда, страшные, кровавые ссоры дядьев и «подавляющий человеческое достоинство гнет мещанского быта» старой России, который Горький так страстно ненавидел и гневно обличал в своих произведениях.

Воспоминания и размышления о собственном жизненном пути стали основой трилогии М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты». Писатель считал, что именно из детства человек вырастает «чутким к чужим страданиям». Происходит это потому, что он помнит свои страдания, но и потому, что «детским ясным и ярким взглядом» видит мир и людей вокруг себя, учится сострадать чужому горю и ценить и отзываться добром на ласку и любовь.

Прочитайте фрагменты из автобиографической повести М. Горького «Детство» и постарайтесь ответить на вопросы.

ДЕТСТВО (Фрагменты)

II

Началась и потекла со страшной быстротой густая, пестрая, невыразимо странная жизнь. Она вспоминается мне, как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением. Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что всё было именно так, как было, и многое хо-

чется оспорить, отвергнуть, — слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени».

Но правда выше жалости, и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил, — да и по сей день живет, — простой русский человек.

Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми; она отравляла взрослых, и даже дети принимали в ней живое участие. Впоследствии из рассказов бабушки я узнал, что мать приехала как раз в те дни, когда ее братья настойчиво требовали у отца раздела имущества. Неожиданное возвращение матери еще более обострило и усилило их желание выделиться. Они боялись, что моя мать потребует приданого, назначенного ей, но удержанного дедом, потому что она вышла замуж «самокруткой», против его воли. Дядья считали, что это приданое должно быть поделено между ними. Они тоже давно и жестоко спорили друг с другом о том, кому открыть мастерскую в городе, кому — за Окой, в слободе Кунавине.

Уже вскоре после приезда, в кухне во время обеда, вспыхнула ссора: дядья внезапно вскочили на ноги и, перегибаясь через стол, стали выть и рычать на дедушку, жалобно скаля зубы и встряхиваясь, как собаки, а дед, стуча ложкой по столу, покраснел весь и звонко — петухом — закричал:

— По миру пуцу!

Болезненно искривив лицо, бабушка говорила:

— Отдай им всё, отец, — спокойней тебе будет, отдай!

— Цыц, потатчица! — кричал дед, сверкая глазами, и было странно, что, маленький такой, он может кричать столь оглушительно.

Мать встала из-за стола и, не торопясь отойдя к окну, повернулась ко всем спиною.

Вдруг дядя Михаил ударил брата наотмашь по лицу; тот взвыл, сцепился с ним, и оба покатались по полу, хрипя, охая, ругаясь.

Заплакали дети, отчаянно закричала беременная тетка Наталья; моя мать потащила ее куда-то, взяв в охапку; веселая рябая нянька Евгенья выгоняла из кухни детей; падали стулья; молодой широкоплечий подмастерье Цыганок сел верхом на спину дяди Михаила, а мастер Григорий Иванович, плешивый, бородатый человек в темных очках, спокойно связывал руки дяди полотенцем.

Вытянув шею, дядя терся редкой черной бородою по полу и хрипел страшно, а дедушка, бегая вокруг стола, жалобно вскрикивал:

— Братья, а! Родная кровь! Эх вы-и...

Я еще в начале ссоры, испугавшись, вскочил на печь и оттуда в жутком изумлении смотрел, как бабушка смывает водою из медного рукомойника кровь с разбитого лица дяди Якова; он плакал и топал ногами, а она говорила тяжелым голосом:

— Окаянные, дикое племя, опомнитесь!

Дед, натягивая на плечо изорванную рубаху, кричал ей:

— Что, ведьма, народила зверья?

Когда дядя Яков ушел, бабушка сунулась в угол, потрясая воя:

— Пресвятая мати божия, верни разум детям моим!

Дед встал боком к ней и, глядя на стол, где всё было опрокинуто, пролито, тихо проговорил:

— Ты, мать, гляди за ними, а то они Варвару-то изведут, чего доброго...

— Полно, бог с тобой! Сними-ка рубаху-то, я зашью...

И, сжав его голову ладонями, она поцеловала деда в лоб; он же, маленький против нее, — ткнулся лицом в плечо ей:

— Надо, видно, делиться, мать...

— Надо, отец, надо!

Они говорили долго; сначала дружелюбно, а потом дед начал шаркать ногой по полу, как петух перед боем, грозил бабушке пальцем и громко шептал:

— Знаю я тебя, ты их больше любишь! А Мишка твой — езуит, а Яшка — фармазон! И пропьют они добро мое, промотают...

Неловко повернувшись на печи, я свалил утюг; загремев по ступеням влаза, он шлепнулся в лохань с помоями. Дед впрыгнул на ступень, стащил меня и стал смотреть в лицо мне так, как будто видел меня впервые.

— Кто тебя посадил на печь? Мать?

— Я сам.

— Врешь.

— Нет, сам. Я испугался.

Он оттолкнул меня, легонько ударив ладонью в лоб.

— Весь в отца! Пошел вон...

Я был рад убежать из кухни.

Вопросы

1. Почему жизнь в доме деда маленький Алеша вспоминает «как суровую сказку, хорошо рассказанную добрым, но мучительно правдивым гением»? Что в этой жизни было сказочного?
2. Как дед относится к Алеше?
3. Почему, несмотря на гневные слова в свой адрес, бабушка после ссоры братьев «поцеловала деда в лоб»?

III

Когда я выздоровел, мне стало ясно, что Цыганок занимает в доме особенное место: дедушка кричал на него не так часто и сердито, как на сыновей, а за глаза говорил о нем, жмурясь и покачивая головой:

— Золотые руки у Иванка, дуй его горой! Помните мое слово: не мал человек растет!

Дядья тоже обращались с Цыганком ласково, дружески и никогда не «шутили» с ним, как с мастером Григорием, которому они почти каждый вечер устраивали что-нибудь обидное и злое: то нагреют на огне ручки ножниц, то воткнут в сиденье его стула гвоздь вверх острием или подложат, полуслепому, разноцветные куски материи, — он сошьет их в одну «штуку», а дедушка ругает его за это.

Однажды, когда он спал после обеда в кухне на полатах, ему покрасили лицо фуксином, и долго он ходил смешной, страшный: из серой бороды тускло смотрят два круглых пятна очков, и уныло опускается длинный багровый нос, похожий на язык.

Они были неистощимы в таких выдумках, но мастер всё сносил молча, только крякал тихонько да, прежде чем дотронуться до утюга, ножниц, щипцов или наперстка, обильно смачивал пальцы слюною. Это стало его привычкой; даже за обедом, перед тем как взять нож или вилку, он муслил пальцы, возбуждая смех детей. Когда ему было больно, на его большом лице являлась волна морщин и, странно скользнув по лбу, приподняв брови, пропадала где-то на голом черепе.

Не помню, как относился дед к этим забавам сыновей, но бабушка грозила им кулаком и кричала:

— Бесстыжие рожи, злыдни!

Но и о Цыганке за глаза дядья говорили сердито, насмешливо, порицали его работу, ругали вором и лентяем.

Я спросил бабушку, отчего это.

Охотно и понятно, как всегда, она объяснила мне:

— А видишь ты, обоим хочется Ванюшку себе взять, когда у них свои-то мастерские будут, вот они друг перед другом и хают его: дескать, плохой работник! Это они врут, хитрят. А еще боятся, что не пойдет к ним Ванюшка, останется с дедом, а дед — своенравный, он и третью мастерскую с Иванкой завести может, — дядьям-то это невыгодно будет, понял?

Она тихонько засмеялась:

— Хитрят всё, Богу на смех! Ну, а дедушка хитрости эти видит да нарочно дразнит Яшу с Мишей: «Куплю, говорит, Ивану рекрутскую квитанцию, чтобы его в солдаты не забрали: мне он самому нужен!» А они сердятся, им этого не хочется, и денег жаль, — квитанция-то дорогая!

Теперь я снова жил с бабушкой, как на пароходе, и каждый вечер перед сном она рассказывала мне сказки или свою жизнь, тоже подобную сказке. А про деловую жизнь семьи, — о выделе детей, о покупке дедом нового дома для себя, — она говорила посмеиваясь, отчужденно, как-то издали, точно соседка, а не вторая в доме по старшинству.

Я узнал от нее, что Цыганок — подкидыш; ранней весной, в дождливую ночь, его нашли у ворот дома на лавке.

— Лежит, в запон обернут, — задумчиво и таинственно рассказывала бабушка, — еле попискивает, закоченел уж.

— А зачем подкидывают детей?

— Молока у матери нет, кормить нечем; вот она узнает, где недавно дитя родилось да померло, и подсунет туда своего-то.

Помолчав, почесавши голову, она продолжала, вздыхая, глядя в потолок:

— Бедность всё, Олеша; такая бывает бедность, что и говорить нельзя! И считается, что незамужняя девица не смей родить, — стыдно-де! Дедушка хотел было Ванюшку-то в полицию нести, да я отговорила: возьмем, мол, себе; это Бог нам послал в тех место которые померли. Ведь у меня восемнадцать было рожено; кабы все жили, — целая улица народу, восемнадцать-то домов! Я, гляди, на четырнадцатом году замуж отдана, а к пятнадцати уж и родила; да вот полюбил господь кровь мою, всё брал да и брал ребятишек моих в ангелы. И жалко мне, а и радостно!

Сидя на краю постели в одной рубаше, вся осыпанная черными волосами, огромная и лохматая, она была похожа на медведицу, которую недавно приводил на двор бородатый, лесной мужик из Сергача. Крестья снежно-белую, чистую грудь, она тихонько смеется, колышется вся:

— Получше себе взял, похуже мне оставил. Очень я обрадовалась Иванке, — уж больно люблю вас, маленьких! Ну, и приняли его, окрестили, вот он и живет, хорош. Я его вначале Жуком звала, — он, бывало, ужжал особенно, — совсем жук, ползет и ужжит на все горницы. Люби его — он простая душа!

Я и любил Ивана, и удивлялся ему до немоты.

По субботам, когда дед, перепоров детей, нагрешивших за неделю, уходил ко всенощной, в кухне начиналась неописуемо забавная жизнь: Цыганок доставал из-за печи черных тараканов, быстро делал

нитяную упряжь, вырезывал из бумаги сани, и по желтому, чисто выскобленному столу разъезжала четверка вороных, а Иван, направляя их бег тонкой лучиной, возбужденно визжал:

— За архереем поехали!

Приклеивал на спину таракана маленькую бумажку, гнал его за санями и объяснял:

— Мешок забыли. Монах бежит, тащит!

Связывал ножки таракана ниткой; насекомое ползло, тыкаясь головой, а Ванька кричал, прихлопывая ладонями:

— Дьячок из кабака к вечерней идет!

Он показывал мышат, которые под его команду стояли и ходили на задних лапах, волоча за собою длинные хвосты, смешно мигая черненькими бусинами бойких глаз. С мышами он обращался бережно, носил их за пазухой, кормил изо рта сахаром, целовал и говорил убедительно:

— Мышь — умный житель, ласковый, ее домовый очень любит! Кто мышей кормит, тому и дед-домовик мирволит...

Он умел делать фокусы с картами, деньгами, кричал больше всех детей и почти ничем не отличался от них. Однажды дети, играя с ним в карты, оставили его «дураком» несколько раз кряду, — он очень опечалился, обиженно надул губы и бросил игру, а потом жаловался мне, шмыгая носом:

— Знаю я, они уговорились! Они перемигивались, карты совали друг другу под столом. Разве это игра? Жульничать я сам умею не хуже...

Ему было девятнадцать лет, и был он больше всех нас четверых, взятых вместе.

Но особенно он памятен мне в праздничные вечера; когда дед и дядя Михаил уходили в гости, в кух-

не являлся кудрявый, востроухий дядя Яков с гитарой, бабушка устраивала чай с обильной закуской и водкой в зеленом штофе с красными цветами, искусно вылитыми из стекла на дне его; волчком вертелся празднично одетый Цыганок; тихо, боком приходил мастер, сверкая темными стеклами очков; нянька Евгенья, рябая, краснорожая и толстая, точно кубышка, с хитрыми глазами и трубным голосом; иногда присутствовали волосатый успенский дьячок и еще какие-то темные, скользкие люди, похожие на щук и налимов.

Все много пили, ели, вздыхая тяжело, детям давали гостинцы, по рюмке сладкой наливки, и постепенно разгоралось жаркое, но странное веселье.

Дядя Яков любовно настраивал гитару, а настроив, говорил всегда одни и те же слова:

— Ну-с, я начну-с!

Встряхнув кудрями, он сгибался над гитарой, вытягивал шею, точно гусь; круглое, беззаботное лицо его становилось сонным; живые, неуловимые глаза угасали в масляном тумане, и, тихонько пощипывая струны, он играл что-то размычное, невольно поднимавшее на ноги.

Его музыка требовала напряженной тишины; торопливым ручьем она бежала откуда-то издали, просачивалась сквозь пол и стены и, волнуя сердце, выманивала непонятное чувство, грустное и беспокойное. Под эту музыку становилось жалко всех и себя самого, большие казались тоже маленькими, и все сидели неподвижно, притаясь в задумчивом молчании.

Особенно напряженно слушал Саша Михайлов; он всё вытягивался в сторону дяди, смотрел на гитару, открыв рот, и через губу у него тянулась слюна.

Иногда он забывался до того, что падал со стула, тыкаясь руками в пол, и, если это случалось, он так уж и сидел на полу, вытаращив застывшие глаза.

И все застывали, очарованные; только самовар тихо поет, не мешая слушать жалобу гитары. Два квадрата маленьких окон устремлены во тьму осенней ночи, порою кто-то мягко постукивает в них. На столе качаются желтые огни двух сальных свеч, острые, точно копыя.

Дядя Яков всё более цепенел; казалось, он крепко спит, сцепив зубы, только руки его живут отдельной жизнью: изогнутые пальцы правой неразличимо дрожали над темным голосником, точно птица порхала и билась; пальцы левой с неуловимою быстротой бегали по грифу.

Выпивши, он почти всегда пел сквозь зубы голосом, неприятно свистящим, бесконечную песню:

Быть бы Якову собакою —
Выл бы Яков с утра до ночи:
 Ой, скушно мне!
 Ой, грустно мне!
По улице монахиня идет;
На заборе ворона сидит.
 Ой, скушно мне!
 За печкою сверчок торохтит,
Тараканы беспокоятся.
Ой, скушно мне!
 Нищий вывесил портянки сушить,
 А другой нищий портянки украл!
Ой, скушно мне!
Да, ох, грустно мне!

Я не выносил этой песни и, когда дядя запевал о нищих, буйно плакал в невыносимой тоске.

Цыганок слушал музыку с тем же вниманием, как все, запустив пальцы в свои черные космы, глядя в угол и посапывая. Иногда он неожиданно и жалобно восклицал:

— Эх, кабы голос мне, — пел бы я как, господи! Бабушка, вздыхая, говорила:

— Будет тебе, Яша, сердце надрывать! А ты бы, Ванятка, поплясал...

Они не всегда исполняли просьбу ее сразу, но бывало, что музыкант вдруг на секунду прижимал струны ладонью, а потом, сжав кулак, с силою отбрасывал от себя на пол что-то невидимое, беззвучное и ухарски кричал:

— Прочь, грусть-тоска! Ванька, становись!

Охорашиваясь, одергивая желтую рубаху, Цыганок осторожно, точно по гвоздям шагая, выходил на середину кухни; его смуглые щеки краснели, и, сконфуженно улыбаясь, он просил:

— Только почаще, Яков Васильич!

Бешено звенела гитара, дробно стучали каблуки, на столе и в шкапу дребезжала посуда, а среди кухни огнем пылал Цыганок, реял коршуном, размахнув руки, точно крылья, незаметно передвигая ноги; гикнув, приседал на пол и метался золотым стрижом, освещая всё вокруг блеском шёлка, а шёлк, содрогаюсь и струясь, словно горел и плавился.

Цыганок плясал неумоимо, самозабвенно, и казалось, что, если открыть дверь на волю, он так и пойдет плясом по улице, по городу, неизвестно куда...

— Режь поперек! — кричал дядя Яков, притопывая, и пронзительно свистел и раздражающим голосом выкрикивал прибаутки:

Эхма! Кабы не было мне жалко лаптей,
Убежал бы от жены и от детей!

Людей за столом подергивало, они тоже порою вскрикивали, подвизгивали, точно их обжигало; бородатый мастер хлопал себя по лысине и урчал что-то. Однажды он, наклонясь ко мне и покрыв мягкой бородою плечо мое, сказал прямо в ухо, обращаясь, словно к взрослому:

— Отца бы твоего, Алексей Максимыч, сюда, — он бы другой огонь зажег! Радостный был муж, утешный. Ты его помнишь ли?

— Нет.

— Ну? Бывало, он да бабушка, — стой-ко, погоди!

Он поднялся на ноги, высокий, изможденный, похожий на образ святого, поклонился бабушке и стал просить ее необычно густым голосом:

— Акулина Ивановна, сделай милость, пройдишь разок! Как, бывало, с Максимом Савватеевым хаживала. Утешь!

— Что ты, свет, что ты, сударь, Григорий Иванович? — посмеиваясь и поеживаясь, говорила бабушка. — Куда уж мне плясать! Людей смешить только...

Но все стали просить ее, и вдруг она молодо встала, оправила юбку, выпрямилась, вскинув тяжелую голову, и пошла по кухне, вскрикивая:

— А смейтесь, ино, на здоровье! Ну-ка, Яша, перетряхни музыку-то!

Дядя весь вскинулся, вытянулся, прикрыл глаза и заиграл медленнее; Цыганок на минуту остановился и, подскочив, пошел вприсядку кругом бабушки, а она плыла по полу бесшумно, как по воздуху, разводя руками, подняв брови, глядя куда-то вдаль темными глазами. Мне она показалась смешной, я фыркнул; мастер строго погрозил мне пальцем, и все взрослые посмотрели в мою сторону неодобрительно.

— Не стучи, Иван! — сказал мастер, усмехаясь; Цыганок послушно отскочил в сторону, сел на порог, а нянька Евгенья, выгнув кадык, запела низким приятным голосом:

Всю неделю, до субботы,
Плела девка кружева,
Истомилася работой, —
Эх, просто чуть жива!

Бабушка не плясала, а словно рассказывала что-то. Вот она идет тихонько, задумавшись, покачиваясь, поглядывая вокруг из-под руки, всё ее большое тело колеблется нерешительно, ноги щупают дорогу осторожно. Остановилась, вдруг испугавшись чего-то, лицо дрогнуло, нахмурилось и тотчас засияло доброй, приветливой улыбкой. Откачнулась в сторону, уступая кому-то дорогу, отводя рукой кого-то; опустив голову, замерла, прислушиваясь, улыбаясь всё веселее, — и вдруг ее сорвало с места, закружило вихрем, вся она стала стройней, выше ростом, и уж нельзя было глаз отвести от нее — так буйно красива и мила становилась она в эти минуты чудесного возвращения к юности!

А нянька Евгенья гудела, как труба:

В воскресенье от обедни
До полуночи плясала.
Ушла с улицы последней,
Жаль, — праздника мало!

Кончив плясать, бабушка села на свое место к самовару; все хвалили ее, а она, поправляя волосы, говорила:

— А вы полноте-ка! Не видали вы настоящих-то плясуней. А вот у нас в Балахне была девка од-

на, — уж и не помню чья, как звали, — так иные, глядя на ее пляску, даже плакали в радости! Глядишь, бывало, на нее, — вот тебе и праздник, и боле ничего не надо! Завидовала я ей, грешница!

— Певцы да плясуны — первые! люди на миру! — строго сказала нянька Евгенья и начала петь что-то про царя Давида, а дядя Яков, обняв Цыганка, говорил ему:

— Тебе бы в трактирах плясать, — с ума свел бы ты людей!..

— Мне голос иметь хочется! — жаловался Цыганок. — Ежели бы голос Бог дал, десять лет я бы по-пел, а после — хоть в монахи!

Все пили водку, особенно много — Григорий. Наливая ему стакан за стаканом, бабушка предупреждала:

— Гляди, Гриша, вовсе ослепнешь!

Он отвечал солидно:

— Пускай! Мне глаза больше не надобны, — всё видел я...

Пил он, не пьянея, но становился всё более разговорчивым и почти всегда говорил мне про отца:

— Большого сердца был муж, дружок мой, Максим Савватеич...

Бабушка вздыхала, поддакивая:

— Да, господне дитя...

Всё было страшно интересно, всё держало меня в напряжении, и от всего просачивалась в сердце какая-то тихая, неутомляющая грусть. И грусть и радость жили в людях рядом, нераздельно почти, заменяя одна другую с неуловимой, непонятной быстротой.

Однажды дядя Яков, не очень пьяный, начал рвать на себе рубаху, яростно дергать себя за кудри, за редкие белесые усы, за нос и отвисшую губу.

— Что это такое, что? — выл он, обливаясь слезами. — Зачем это?

Бил себя по щекам, по лбу, в грудь и рыдал:

— Негодяй и подлец, разбитая душа!

Григорий рычал:

— Ага-а! То-то вот!..

А бабушка, тоже нетрезвая, уговаривала сына, лоя его руки:

— Полно, Яша, Господь знает, чему учит!

Выпивши, она становилась еще лучше: темные ее глаза, улыбаясь, изливали на всех греющий душу свет, и, обмахивая платком разгоревшееся лицо, она певуче говорила:

— Господи, господи! Как хорошо всё! Нет, вы глядите, как хорошо-то всё!

Это был крик ее сердца, лозунг всей жизни.

Меня очень поразили слезы и крики беззаботного дяди. Я спросил бабушку, отчего он плакал и ругал и бил себя.

— Всё бы тебе знать! — неохотно, против обыкновения, сказала она. — Погоди, рано тебе торкаться в эти дела...

Это еще более возбудило мое любопытство. Я пошел в мастерскую и привязался к Ивану, но и он не хотел ответить мне, смеялся тихонько, искоса поглядывая на мастера, и, выталкивая меня из мастерской, кричал:

— Отстань, отойди! Вот я тебя в котел спущу, выкрашу!

Мастер, стоя пред широкой низенькой печью, со вмазанными в нее тремя котлами, помешивал в них длинной черной мешалкой и, вынимая ее, смотрел, как стекают с конца цветные капли. Жарко горел огонь, отражаясь на подоле кожаного передника,

пестрого, как риза попа. Шипела в котлах окрашенная вода, едкий пар густым облаком тянулся к двери, по двору носился сухой поземок.

Мастер взглянул на меня из-под очков мутными, красными глазами и грубо сказал Ивану:

— Дров! Али не видишь?

А когда Цыганок выбежал на двор, Григорий, присев на куль сандала, поманил меня к себе:

— Подь сюда!

Посадил на колени и, уткнувшись теплой, мягкой бородой в щеку мне, памятно рассказал:

— Дядя твой жену насмерть забил, замучил, а теперь его совесть дергает, — понял? Тебе всё надо понимать, гляди, а то пропадешь!

С Григорием — просто, как с бабушкой, но жутко, и кажется, что он из-под очков видит всё насквозь.

— Как забил? — говорит он, не торопясь. — А так: ляжет спать с ней, накроет ее одеялом с головою и тискает, бьет. Зачем? А он, поди, и сам не знает.

И, не обращая внимания на Ивана, который, возвратясь с охапкой дров, сидит на корточках перед огнем, грея руки, мастер продолжает внушительно:

— Может, за то бил, что была она лучше его, а ему завидно. Каширины, брат, хорошего не любят, они ему завидуют, а принять не могут, истребляют! Ты вот спроси-ка бабушку, как они отца твоего со света сжиwali. Она всё скажет — она неправду не любит, не понимает. Она вроде святой, хоть и вино пьет, табак нюхает. Блаженная, как бы. Ты держись за нее крепко...

Он оттолкнул меня, и я вышел на двор, удрученный, напуганный. В сенях дома меня догнал Ванюшка, схватил за голову и шепнул тихонько:

— Ты не бойся его, он добрый; ты гляди прямо в глаза ему, он это любит.

Всё было странно и волновало. Я не знал другой жизни, но смутно помнил, что отец и мать жили не так: были у них другие речи, другое веселье, ходили и сидели они всегда рядом, близко. Они часто и подолгу смеялись вечерами, сидя у окна, пели громко; на улице собирались люди, глядя на них. Лица людей, поднятые вверх, смешно напоминали мне грязные тарелки после обеда. Здесь смеялись мало, и не всегда было ясно, над чем смеются. Часто кричали друг на друга, грозили чем-то один другому, тайно шептались в углах. Дети были тихи, незаметны; они прибиты к земле, как пыль дождем. Я чувствовал себя чужим в доме, и вся эта жизнь возбуждала меня десятками уколов, настраивая подозрительно, заставляя присматриваться ко всему с напряженным вниманием.

Моя дружба с Иваном всё росла; бабушка от восхода солнца до поздней ночи была занята работой по дому, и я почти весь день вертелся около Цыганка. Он всё так же подставлял под розги руку свою, когда дедушка сек меня, а на другой день, показывая опухшие пальцы, жаловался мне:

— Нет, это всё без толку! Тебе — не легче, а мне — гляди-ка вот! Больше я не стану, ну тебя!

И в следующий раз снова принимал ненужную боль.

— Ты ведь не хотел?

— Не хотел, да вот сунул... Так уж, как-то, незаметно...

Вскоре я узнал про Цыганка нечто, еще больше поднявшее мой интерес к нему и мою любовь.

Каждую пятницу Цыганок запрягал в широкие сани гнедого мерина Шарапа, любимца бабушки, хитрого озорника и сластену, одевал короткий, до колен, полушубок, тяжелую шапку и, туго подпоя-

савшись зеленым кушаком, ехал на базар покупать провизию. Иногда он не возвращался долго. Все в доме беспокоились, подходили к окнам и, протаивая дыханием лед на стеклах, заглядывали на улицу.

— Не едет?

— Нет!

Больше всех волновалась бабушка.

— Эхма, — говорила она сыновьям и деду, — погубите вы мне человека и лошадь погубите! И как не стыдно вам, рожи бессовестные? Али мало своего? Ох, неумное племя, жадюги, — накажет вас Господь!

Дедушка хмуро ворчал:

— Ну, ладно. Последний раз это...

Иногда Цыганок возвращался только к полудню; дядья, дедушка поспешно шли на двор; за ними, ожесточенно нюхая табак, медведицей двигалась бабушка, почему-то всегда неуклюжая в этот час. Выбегали дети, и начиналась веселая разгрузка саней, полных поросятами, битой птицей, рыбой и кусками мяса всех сортов.

— Всего купил, как сказано было? — спрашивал дед, искоса острыми глазами ощупывая воз.

— Всё как надо, — весело отзывался Иван и, прыгая по двору, чтобы согреться, оглушительно хлопал рукавицами.

— Не бей голиц, за них деньги даны, — строго кричал дед. — Сдача есть?

— Нету.

Дед медленно обходил вокруг воза и говорил негромко:

— Опять что-то много ты привез. Гляди, однако — не без денег ли покупал? У меня чтобы не было этого.

И уходил быстро, сморщив лицо.

Дядя весело бросались к возу и, взвешивая на руках птицу, рыбу, гусиные потроха, телячьи ноги, огромные куски мяса, посвистывали, одобрительно шумели:

— Ну, ловко отобрал!

Дядя Михаил особенно восхищался: пружинисто прыгал вокруг воза, принюхиваясь ко всему носом дятла, вкусно чмокая губами, сладко жмуря беспокойные глаза, сухой, похожий на отца, но выше его ростом и черный, как головня. Спрятав озябшие руки в рукава, он расспрашивал Цыгана:

— Тебе отец сколько дал?

— Пять целковых.

— А тут на пятнадцать. А сколько ты потратил?

— Четыре с гривной.

— Стало быть, девять гривен в кармане. Видал, Яков, как деньги растут?

Дядя Яков, стоя на морозе в одной рубашке, тихонько посмеивался, моргая в синее холодное небо.

— Ты нам, Ванька, по косушке поставь, — лениво говорил он.

Бабушка распрягала коня.

— Что, дитятко? Что, котенок? Пошалить охота? Ну, побалуй, богова забава!

Огромный Шарап, взмахивая густою гривой, цапал ее белыми зубами за плечо, срывал шёлковую головку с волос, заглядывал в лицо ей веселым глазом и, встряхивая иней с ресниц, тихонько ржал.

— Хлебца просишь?

Она совала в зубы ему большую краюху, круто посоленную, мешком подставляла передник под морду и смотрела задумчиво, как он ест.

Цыганок, играючи тоже, как молодой конь, подскочил к ней.

— Уж так, бабаня, хорош мерин, так умен...

— Поди прочь, не верти хвостом! — крикнула бабушка, притопнув ногою. — Знаешь, что не люблю я тебя в этот день.

Она объяснила мне, что Цыганок не столько покупает на базаре, сколько ворует.

— Даст ему дед пятишницу, он на три рубля купит, а на десять украдет, — невесело говорила она. — Любит воровать, баловник! Раз попробовал, — ладно вышло, а дома посмеялись, похвалили за удачу, он и взял воровство в обычай. А дедушка смолоду бедности-горя досыта отведал — под старость жаден стал, ему деньги дороже детей кровных, он рад даровщины! А Михайло с Яковом...

Махнув рукой, она замолчала на минуту, потом, глядя в открытую табакерку, прибавила ворчливо:

— Тут, Леня, дела-кружева, а плела их слепая баба, где уж нам узор разобрать! Вот поймают Иванку на воровстве, — забьют до смерти...

И еще, помолчав, она тихонько сказала:

— Эхе-хе! Правил у нас много, а правды нет...

На другой день я стал просить Цыганка, чтоб он не воровал больше.

— А то тебя будут бить до смерти...

— Не достигнут, — вывернусь: я ловкий, конь резвый! — сказал он, усмехаясь, но тотчас грустно нахмурился. — Ведь я знаю: воровать нехорошо и опасно. Это я так себе, от скуки. И денег я не коплю, дядья твои за неделю-то всё у меня выманят. Мне не жаль, берите! Я сыт.

Он вдруг взял меня на руки, потряс тихонько.

— Легкий ты, тонкий, а кости крепкие, силач будешь. Ты знаешь что: учись на гитаре играть, проси дядю Якова, ей-богу! Мал ты еще, вот незадача! Мал ты, а сердитый. Дедушку-то не любишь?

— Не знаю.

— А я всех Кашириных, кроме бабани, не люблю, пускай их демон любит!

— А меня?

— Ты — не Каширин, ты — Пешков, другая кровь, другое племя...

И вдруг, стиснув меня крепко, он почти застонал:

— Эх, кабы голос мне певучий, ух ты, господи! Вот ожег бы я народ... Иди, брат, работать надо...

Он спустил меня на пол, всыпал в рот себе горсть мелких гвоздей и стал натягивать, набивать на большую квадратную доску сырое полотнище черной материи.

Вскоре он погиб.

Случилось это так: на дворе, у ворот, лежал, приклонен к забору, большой дубовый крест с толстым суковатым комлем. Лежал он давно. Я заметил его в первые же дни жизни в доме, — тогда он был новее и желтей, но за осень сильно почернел под дождями. От него горько пахло мореным дубом, и был он на тесном, грязном дворе лишний.

Его купил дядя Яков, чтоб поставить над могилою своей жены, и дал обет отнести крест на своих плечах до кладбища в годовщину смерти ее.

Этот день наступил в субботу, в начале зимы; было морозно и ветрено, с крыш сыпался снег. Все из дома вышли на двор, дед и бабушка с тремя внучатами еще раньше уехали на кладбище служить панихиду; меня оставили дома в наказание за какие-то грехи.

Дядя, в одинаковых черных полушубках, приподняли крест с земли и встали под крылья; Григорий и какой-то чужой человек, с трудом подняв тяжелый комель, положили его на широкое плечо Цыганка; он пошатнулся, расставил ноги.

— Не сдюжишь? — спросил Григорий.

— Не знаю. Тяжело будто...

Дядя Михаил сердито закричал:

— Отворяй ворота, слепой чёрт!

А дядя Яков сказал:

— Стыдись, Ванька, мы оба жиже тебя!

Но Григорий, распахивая ворота, строго посоветовал Ивану:

— Гляди же, не перемагайся! Пошли с богом!

— Плешивая дура! — крикнул дядя Михаил с улицы.

Все, кто был на дворе, усмехнулись, заговорили громко, как будто всем понравилось, что крест унесли.

Григорий Иванович, ведя меня за руку в мастерскую, говорил:

— Может, сегодня дедушка не посетит тебя, — ласково глядит он...

В мастерской, усадив меня на грудку приготовленной в краску шерсти и заботливо окутав ею до плеч, он, понюхивая восходивший над котлами пар, задумчиво говорил:

— Я, милый, тридцать семь лет дедушку знаю, в начале дела видел и в конце гляжу. Мы с ним раньше дружки-приятели были, вместе это дело начали, придумали. Он умный, дедушка! Вот он хозяином поставил себя, а я не сумел. Господь, однако, всех нас умнее: он только улыбнется, а самый премудрый человек уж и в дураках мигает. Ты еще не понимаешь, что к чему говорится, к чему делается, а надобно тебе всё понимать. Сиротское житье трудное. Отец твой, Максим Савватеич, козырь был, он всё понимал, — за то дедушка и не любил его, не признавал...

Было приятно слушать добрые слова, глядя, как играет в печи красный и золотой огонь, как над кот-

лами, вздымаются молочные облака пара, оседая сильным инеем на досках косой крыши — сквозь мохнатые щели ее видны голубые ленты неба. Ветер стал тише, где-то светит солнце, весь двор точно стеклянной пылью посыпан, на улице взвизгивают полозья саней, голубой дым вьется из труб дома, легкие тени скользят по снегу, тоже что-то рассказывая.

Длинный, костлявый Григорий, бородатый, без шапки, с большими ушами, точно добрый колдун, мешает кипящую краску и всё учит меня:

— Гляди всем прямо в глаза; собака на тебя бросится, и ей тоже, — отстанет...

Тяжелые очки надавили ему переносье, конец носа налился синей кровью и стал похож на бабушкин.

— Стой-ко? — вдруг сказал он, прислушиваясь, потом прикрыл ногою дверцу печи и прыжками побегал по двору. Я тоже бросился за ним.

В кухне, среди пола, лежал Цыганок, вверх лицом; широкие полосы света из окон падали ему одна на голову, на грудь, другая — на ноги. Лоб его странно светился; брови высоко поднялись; косые глаза пристально смотрели в черный потолок; темные губы, вздрагивая, выпускали розовые пузыри; из углов губ, по щекам, на шею и на пол стекала кровь; она текла густыми ручьями из-под спины. Ноги Ивана неуклюже развалились, и видно было, что шаровары мокрые; они тяжело приклеились к половицам. Пол был чисто вымыт с дресвою. Он солнечно блестел. Ручьи крови пересекали полосы света и тянулись к порогу, очень яркие.

Цыганок не двигался, только пальцы рук, вытянутых вдоль тела, шевелились, цапаясь за пол, и блестели на солнце окрашенные ногти.

Нянька Евгенья, присев на корточки, вставляла в руку Ивана тонкую свечу; Иван не держал ее, свеча

падала, кисточка огня тонула в крови; нянька, подняв ее, отирала концом запона и снова пыталась укрепить в беспокойных пальцах. В кухне плавал качающий шёпот; он, как ветер, толкал меня с порога, но я крепко держался за скобу двери.

— Споткнулся он, — каким-то серым голосом рассказывал дядя Яков, вздрагивая и крутя головою. Он весь был серый, измятый, глаза у него выцвели и часто мигали.

— Упал, а его и придавило, — в спину ударило. И нас бы покалечило, да мы вовремя сбросили крест.

— Вы его и задавили, — глухо сказал Григорий.

— Да, — как же...

— Вы!

Кровь всё текла, под порогом она уже собралась в лужу, потемнела и как будто поднималась вверх. Выпуская розовую пену, Цыганок мычал, как во сне, и таял, становился всё более плоским, приклеиваясь к полу, уходя в него.

— Михайло в церковь погнал на лошади за отцом, — шептал дядя Яков, — а я на извозчика навалил его да скорее сюда уж... Хорошо, что не сам я под комель-то встал, а то бы вот...

Нянька снова прикрепляла свечу к руке Цыгана, капала на ладонь ему воском и слезами.

Григорий громко и грубо сказал:

— Да ты в головах к полу прилепи, чуваша!

— И то.

— Шапку-то сними с него!

Нянька стянула с головы Ивана шапку; он тупо стукнулся затылком. Теперь голова его сбочилась, и кровь потекла обильней, но уже с одной стороны рта. Это продолжалось ужасно долго. Сначала я

ждал, что Цыганок отдохнет, поднимется, сядет на полу и, сплюнув, скажет:

— Ф-фу, жарынь...

Так делал он, когда просыпался по воскресеньям, после обеда. Но он не вставал, всё таял. Солнце уже отошло от него, светлые полосы укоротились и лежали только на подоконниках. Весь он потемнел, уже не шевелил пальцами, и пена на губах исчезла. За темнем и около ушей его торчали три свечи, помахивая золотыми кисточками, освещая лохматые, досиня черные волосы, желтые зайчики дрожали на смуглых щеках, светился копчик острого носа и розовые губы.

Нянька, стоя на коленях, плакала, пришёптывая:

— Голубчик ты мой, ястребенек утешный...

Было жутко, холодно. Я залез под стол и спрятался там. Потом в кухню тяжело ввалился дед в енотовой шубе, бабушка в салопе с хвостами на воротнике, дядя Михаил, дети и много чужих людей.

Сбросив шубу на пол, дед закричал:

— Сволочи! Какого вы парня зря извели! Ведь ему бы цены не было лет через пяток...

На пол валилась одежда, мешая мне видеть Ивана; я вылез, попал под ноги деда. Он отшвырнул меня прочь, грозя дядьям маленьким красным кулаком:

— Волки!

И сел на скамью, упершись в нее руками, сухо всхлипывая, говоря скрипучим голосом:

— Знаю я, — он вам поперек глоток стоял... Эх, Ванюшечка... дурачок! Что поделаешь, а? Что, — говорю, — поделаешь? Кони — чужие, вожжи — гнилые. Мать, не взлюбил нас Господь за последние года, а? Мать?

Распластавшись на полу, бабушка щупала руками лицо, голову, грудь Ивана, дышала в глаза ему, хва-

тала за руки, мяла их и повалила все свечи. Потом она тяжело поднялась на ноги, черная вся, в черном блестящем платье, страшно вытаращила глаза и сказала негромко:

— Вон, окаянные!

Все, кроме деда, высыпались из кухни.

...Цыганка похоронили незаметно, непамятно.

Вопросы и задания

1. Почему Цыганок занимал особое место в доме Кашириных?
2. Как вы поняли слова деда Каширина о Цыганке: «Не мал человек растет»?
3. Почему Цыганок говорит Алеше: «А я всех Кашириных, кроме бабани, не люблю, пускай их демон любит!»?
4. Перечитайте эпизод, где Иван пускается в пляс. Как к его танцу относятся бабушка и дяди Алеши?
5. Как вы поняли слова Цыганка о воровстве: «Ведь я знаю: воровать нехорошо и опасно. Это я так себе, от скуки. И денег я не коплю, дядья твои за неделю-то всё у меня выманят. Мне не жаль, берите! Я сыт»? Почему маленький Алеша после того, как узнал о том, что тот ворует, полюбил Цыганка еще больше?
6. Прав ли был Григорий, обвинив Якова и Михаила в смерти Цыганка? Почему дед Каширин говорит, что Цыганок «поперек глоток» стоял братьям?
7. Почему Цыганка «похоронили незаметно, непамятно»?

<...>

V

... Однажды я спросил бабушку:

— Ты — колдунья?

— Ну, вот еще выдумал! — усмехнулась она и тотчас же задумчиво прибавила: — Где уж мне: колдовство — наука трудная. А я вот и грамоты не знаю — ни аза; дедушка-то вон какой грамотей едучий, а меня не умудрила Богородица.

И открывала предо мною еще кусок своей жизни:
— Я ведь тоже сиротой росла, матушка моя бо-
былка была, увечный человек; еще в девушках ее ба-
рин напугал. Она ночью со страха выкинулась из ок-
на да бок себе и перебила, плечо ушибла тоже, с того
у нее рука правая, самонужная, отсохла, а была она,
матушка, знатная кружевница. Ну, стала она барам
ненадобна, и дали они ей вольную, — живи-де, как
сама знаешь, — а как без руки-то жить? Вот она и по-
шла по миру, за милостью к людям, а в та пора лю-
ди-то богаче жили, добрее были, — славные балахон-
ские плотники да кружевницы, — все напоказ народ!
Ходим, бывало, мы с ней, с матушкой, зимой-осенью
по городу, а как Гаврило архангел мечом взмахнет,
зиму отгонит, весна землю обымет, — так мы подаль-
ше, куда глаза поведут. В Муроме бывали, и в Юрь-
евце, и по Волге вверх, и по тихой Оке. Весной-то да
летом хорошо по земле ходить, земля ласковая, трава
бархатная; пресвятая Богородица цветами осыпала
поля, тут тебе радость, тут ли сердцу простор! А ма-
тушка-то, бывало, прикроет синие глаза да как заве-
дет песню на великую высоту, — голосок у ней не си-
лен был, а звонок — и всё кругом будто задремлет, не
шелохнется, слушает ее. Хорошо было Христа ради
жить! А как минуло мне девять лет, зазорно стало
матушке по миру водить меня, застыдилась она и
осела на Балахне; кувыркается по улицам из дома в
дом, а на праздниках — по церковным папертям со-
бирает. А я дома сижу, учусь кружева плести, тороп-
люсь-учусь, хочется скорее помочь матушке-то; бы-
вало, не удается чего, — слезы лью. В два года с
маленьким, гляди-ка ты, научилась делу, да и в славу
по городу вошла: чуть кому хорошая работа нужна,
сейчас к нам; ну-ка, Акуля, встряхни коклюшки! А я

и рада, мне праздник! Конечно, не мое мастерство, а матушкин указ. Она хоть и об одной руке, сама-то не работница, так ведь показать умела. А хороший указчик дороже десяти работников. Ну, тут загордилась я: ты, мол, матушка, бросай по миру собирать, теперь я тебя одна-сама прокормлю! А она мне: «Молчи-ка знай, это тебе на приданое копится». Тут вскоре и дедушка насунулся, заметный парень был: двадцать два года, а уж водолив! Высмотрела меня мать его, видит: работница я, нищего человека дочь, значит, смирной буду, н-ну... А была она калашница и злой души баба, не тем будь помянута... Эхма, что нам про злых вспоминать? Господь и сам их видит; он их видит, а беси любят.

И она смеется сердечным смешком, нос ее дрожит уморительно, а глаза, задумчиво светясь, ласкают меня, говоря обо всем еще понятнее, чем слова.

Вопросы

1. Почему бабушка, вспоминая свое нищенское детство, говорит: «Хорошо было Христа ради жить!»?
2. Почему мать бабушки застыдилась милостыню просить, когда минуло девочке девять лет?
3. Как вы поняли слова бабушки, когда она рассказывала о своей работе кружевницей: «А я и рада, мне праздник! Конечно, не мое мастерство, а матушкин указ»?
4. Как вы думаете, оправдались ли надежды злой свекрови на «смирную» невестку?
5. О чем говорят Алеше глаза его бабушки?

Владимир Владимирович Маяковский

(1893—1930)

ПОЭТ НЕОБЫЧАЙНОСТИ

Детство Владимира Маяковского прошло на Кавказе. Суровое величие гор и яркость лесов (его отец был лесничий и часто брал его с собой в поездки) были первыми впечатлениями жизни, оставшимися у поэта навсегда. Он не любил обыденности и презирал серость существования. Мать поэта вспоминала: «Володя с четырех лет полюбил книги. Он часто просил меня читать ему. Если я была занята и не могла читать, он расстраивался, плакал. Тогда я бросала все дела и читала ему — сначала сказки, а затем басни Крылова, стихотворения Пушкина, Некрасова, Лермонтова и других поэтов. Читала я ему ежедневно. Сказки его занимали недол-

го — он просил прочесть что-нибудь «правдушное». Особенно любил Володя стихи. Те, что ему нравились, он просил прочесть два-три раза, запоминал с моих слов и хорошо, выразительно читал наизусть».

Гул стихов, пробуждающий энергию и голос, всегда сопровождал его. И свои стихи он читал стремительно и мощно, как текут горные реки. Поэт Павел Антокольский, вспоминая встречу с Маяковским, писал: «Я слушал его в первый раз. Он читал неистово, с полной отдачей себя, с упоительным бесстрашием, рыдая, издеваясь, ненавидя и любя. Конечно, помогал прекрасно натренированный голос, но, кроме голоса, было и другое, несравненно более важное. Не читкой это было, не декламацией, но работой, очень трудной работой шалашинского стиля: демонстрацией себя, своей силы, своей страсти, своего душевного опыта. Все слушали Маяковского, затаив дыхание, а многие — затаив свое отношение к нему. Но слушали одинаково все — и старики и молодые».

Артистка О. В. Гзовская так рисует портрет Маяковского тех лет, когда были написаны стихотворения, которые вам предстоит прочитать: «Сверкающие темные глаза, вихрастые волосы, озорной взгляд, всегда энергичный, с быстрой сменой мимики очень красивого лица — таким я помню тогда Маяковского... На сцене, ярко выделяясь на белом фоне экрана, стоял Маяковский: горящие, огненные глаза, огромный, высокий — он читал свои стихи. Все в нем меня поразило. Все было ново и необычно: и мощь голоса, и красота тембра, и темперамент, и новые слова, и новая форма подачи. Впечатление было огромное».

1. *Послушайте, как Маяковский читает свои стихи (сохранились грамзаписи), и представьте себе портрет поэта, читающего одно из этих стихотворений.

2. *Прочитайте воспоминания художника Юрия Анненкова и сделайте вывод о том, как художник относился к поэту:

«Маяковский принадлежал к группе футуристов. Она была многочисленна: Бурлюк, Крученых, Северянин, Олипов, Хлебников, Зданевич (переименовавший себя в эмиграции в Ильязда), Каменский, Маяковский... Несколько позже к ним примкнули Асеев и Пастернак. Наиболее глубоким был Хлебников, наиболее последовательным, ортодоксальным¹ — Крученых, наиболее патетическим — Пастернак, наиболее сильным и человечным — Маяковский.

Он был огромного роста, мускулист и широкоплеч. Волосы он то состригал наголо, то отращивал до такой степени, что они не слушались уже ни гребенки, ни щетки и упрямо тарасились в беспорядке — сегодня в одном направлении, завтра в другом. Тонкие брови лежали над самыми глазами, придавая им злобный оттенок. Нижняя челюсть плотоядно выдавалась вперед.

Гордый своей внешностью, он писал:

Иду — красивый,
Двадцатидвухлетний.

(«Облако в штанах», 1915 г.)

Маяковский сознательно совершенствовал топорность своих жестов, громоздкость походки, презрительность и сухость складок у губ. К этому выражению не дружелюбности он любил прибавлять надменные колкие вспышки глаз, и это проявлялось особенно сильно, когда он с самодовольным видом подымался на эстраду для чтения (редкого по отточенности ритмов) своих стихов или для произнесения речей, всегда настолько вызывающих, что они непременно сопровождалась шумными протестами и восторженными возгласами публики...»

¹ *Ортодоксальный* — неуклонно придерживающийся какого-либо мировоззрения, учения, направления, не допускающий отклонения от них.

И вот еще один отрывок из воспоминаний Ю. Анненкова:

«Куоккальская ночь, как обычно, закончилась в спорах (Маяковский, Хлебников и я) об искусстве (поэзия, живопись, театр), так как еще за четыре года до революции в нашем маленьком куоккальском еловом лесу, как, впрочем, и в Петербурге, и в Москве, наши встречи, часто — в присутствии других юных представителей «авангардного» искусства, постоянно сопровождались подобными спорами.

Это было время, когда Маяковский писал «А вы могли бы?», или еще: «Скрипка и немножко нервно».

Эти две коротенькие вещи я запомнил наизусть. Маяковский мне читал их, растянувшись на куоккальской траве: первую — с надменностью и грубостью, свойственными Маяковскому; вторую — с незабываемым драматическим патетизмом¹. Марксизм еще не успел проникнуть в его поэзию, тогда еще бесстрашно своеобразную».

Первые стихотворения «А вы могли бы?» и «Скрипка и немножко нервно» написаны до революции в 1913 и 1914 годах.

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.

А вы
ноктюрн² сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?
1913

¹ *Патетизм* — торжественность, приподнятость, взволнованность, восторженность в чем-либо, например в тоне, речи и т. д.

² *Ноктюрн* — небольшое лирическое музыкальное произведение.

1. Как бы вы ответили на вызов поэта?
2. Почему начальную строку черновика («Я стер границы в карте будня») Маяковский заменил: «Я сразу смазал карту будня»?
3. Какой вы представляете себе жизнь, которая окружала поэта, и каким он хочет видеть мир?
4. Какие образы стихотворения противостоят будничным вещам: «на блюде студня», «на чешуе жестяной рыбы»?
5. Почему водосточные трубы поэт называет флейтой и предлагает на них сыграть ноктюрн, музыкальное произведение, буквально означающее: «ночное», обычно исполненное нежности и страсти?
6. Подумайте, как преобразуется будничная картина жизни в стихотворении В. Маяковского «А вы могли бы?».
7. К чему призывает поэт читателей?

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

Скрипка издергалась, упрасивая,
и вдруг разревелась

так по-детски,

что барабан не выдержал:

«Хорошо, хорошо, хорошо!»

А сам устал,

не дослушал скрипкиной речи,

шмыгнул на горящий Кузнецкий¹

и ушел.

Оркестр чужо смотрел, как

выплакивалась скрипка

без слов,

без такта,

и только где-то

глупая тарелка

вылязгивала:

«Что это?»

«Как это?»

¹ *Кузнецкий Мост* — улица в Москве.

А когда геликон¹
меднорожий,
потный,
крикнул:
«Дура,
плакса,
вытри!» —
я встал,
шатаюсь полез через ноты,
стибающиеся под ужасом пюпитры²,
зачем-то крикнул:
«Боже!»
Бросился на деревянную шею.
«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору —
а доказать ничего не умею!»

Музыканты смеются:
«Влип как!
Пришел к деревянной невесте!
Голова!»
А мне — наплевать!
Я — хороший.
«Знаете что, скрипка?
давайте —
будем жить вместе!
А?»

1914

¹ Геликон — медный духовой инструмент.

² Пюпитр — подставка для нот.

1. Какое отношение у вас вызывают скрипка и поэт?
2. Почему поэт «зачем-то крикнул: „Боже!“»?
3. Какими вы видите инструменты оркестра?
4. Найдите метафоры и объясните их значение в строках:

Оркестр чужо смотрел,
как выплакивалась скрипка...

5. Почему в строке черновика «И шатаясь пошел через ноты и сгибающиеся под ужасом пюпитры» Маяковский заменил глагол, поставив вместо «пошел» — «полез»?
6. Как реагируют инструменты на плач скрипки и как музыканты на жест поэта («бросился на деревянную шею»)?
7. Почему поэт предлагает скрипке «жить вместе»?
8. Прочитайте стихотворение А. А. Ахматовой «Маяковский в 1913 году» и ответьте на вопросы.

МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Всё, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, — разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпеньем торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива

Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.

1940

Вопросы

1. Что привлекает Ахматову в юном Маяковском?
2. В каких строках и образах передана энергия Маяковского?
В каких отношениях, по мысли Ахматовой, Маяковский находился с окружающим его миром?

Поэт П. Антокольский пишет о своих двух встречах в 1913 и в 1918 годах с В. Маяковским: «Прошло всего пять лет, но это были годы, решающие не только в жизни отдельного человека. Ясна огромная значимость исторического расстояния между 1913 и 1918 годами. Родился новый мир, и мы в нем жили».

Стихотворение «Хорошее отношение к лошадям» было написано в 1918 году.

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта.

Пели будто:

— Гриб.

Грабь.

Гроб.

Груб. —

Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила;
Лошадь на круп
грохнулась.

И сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились.
Смех зазвенел и зазвякал:
— Лошадь упала! —
— Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошел
и вижу
глаза лошадиные...
Улица опрокинулась,
течет по-своему...
Подошел и вижу —
за каплицей каплица

Ю. Б. Могилевский
«Хорошее отношение к лошадям»

по морде катится,
прячется в шерсти...
И какая-то общая
звериная тоска,
плеща, вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».

Может быть —
старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась
пошла,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.

Хвостом помахивала —
рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило!

1918

1. Что поражает в стихотворении? Какие строки вам хотелось бы выучить наизусть?
2. Как меняются интонации поэта по мере развития сюжета?
3. Каким вы представляете себе поэта, смотрящего на упавшую лошадь?
4. Какой вы видите лошадь в конце стихотворения?
5. Разделите стихотворение на части и составьте цитатный план. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.
6. Почему копыта лошади «Пели будто:
— Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб»?
7. Поясните метафоры и неологизм в строках:
«Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила».
8. Почему лошадь «встала на ноги, ржанула и пошла»?
9. Что изменилось в тоне стихотворения, написанного в 1918 году?

СЛОВОТВОРЧЕСТВО И РИФМА У МАЯКОВСКОГО

Вы, конечно, заметили, что стихи Маяковского необычны. Что их делает непривычными и зачем поэт нарушает традицию напевного стиха, рубя строчки, выделяя слова, заставляя их звучать отдельно?

...Только
лошадь
рванулась,

встала на ноги,
ржанула
и пошла.

От такой разделенности каждое слово становится напряженно звучащим, мощным. В данном случае

это особенно необходимо потому, что здесь переломный момент стихотворения «Хорошее отношение к лошадям». Ведь только что «лошадь на круп грохнулась» и лежала на смеющейся равнодушной улице Москвы, которая до сих пор называется Кузнецкий Мост. Сочувственный и ободряющий голос поэта, так же как упавшая лошадь, тоскующего в равнодушной толпе, возродил силы и надежды. И теперь лошади казалось, что

она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило!

Переход от отчаяния к радости подчеркнуто выделенными в отдельную строку словами о движениях лошади. В статье «Как делать стихи» Маяковский писал: «Ритм — это основная сила, основная энергия стиха». Маяковский вывел поэзию на улицы и площади большого города. Ему важно, чтобы его слышали в шуме, лязге, суете. И потому его голос властен, резок, порой груб. В той же статье Маяковский заметил: «Сразу дать права гражданства новому языку: выкрику — вместо напева, грохоту барабана — вместо колыбельной песни».

В стихотворениях Маяковского много просторечных выражений: «смазал карту будня», «издергалась», «шмыгнул» и т. д. Но рядом с просторечными словами звучат слова высокого слога: «косые скулы океана», «зовы новых губ». Контраст замечен не только в словесных рядах. Маяковский — поэт, противопоставивший пошлomu, серому миру яркость своих чувств, равнодушию толпы нежность своего сердца. И потому каждое стихотворение Маяковского — поединок и призыв к преобразению людей и

мира. «Сбивает противника только неожиданность хода», — говорил Маяковский.

Стихотворение «А вы могли бы?» построено как прямое обращение к читателю. Желание взорвать обыденное, скучное существование так велико, что в самых привычных вещах юный Маяковский открывает поэтические дали, возможность жить не вещами, а чувствами.

Метафоры поэта основаны на случайном сходстве низкого и возвышенного. Мутный студень напоминает взмятенные волны океана, рисунок рыбьей чешуи — губы, а водосточная труба — флейту. При таком взгляде на жизнь рождается нежная музыка ноктюрна — пьесы, пронизанной дыханием ночи. Так в ноктюрнах Шопена взволнованность порыва соединена с нежностью, таинственная притягательность и загадочность ночной природы — с печалью, а свобода ночи — с радостью вдохновения.

Стремление Маяковского обновить мир выливается в создание неологизмов: «чужо смотрел» (отчужденно, вчуже), «вылязгивала», «опита», «медно-рожий». Маяковский хочет, чтобы слово не убаюкивало читателей своей привычностью, а разрывало покровы скуки и равнодушия. Поэтому он выбирает резкий неологизм, который заставит читателя не проскользнуть, а споткнуться и задуматься.

Метафора Маяковского своей непривычностью, открытым вызовом напоминает неологизм, то есть слово, которого не было в языке до этого автора. Но это не просто желание удивить читателя. «Каплища» слез необходима поэту, чтобы передать огромность горя. «Смех зазвенел и зазвякал» потому, что напоминал звон тарелок в оркестре. «Улица опрокинулась» потому, что упавшая лошадь видит ее снизу.

У Маяковского много привычных рифм, но они непременно соединены смысловыми нитями: «невесте» — «вместе», «шею» — «умею» — или игрой контрастного значения: «пошла — пошла». Вместе с тем Маяковский в рифмах передает не только гармонию, но и диссонансы. А потому он пользуется неточными рифмами, основанными на неполных созвучиях: «хорошо» — «ушел», «потный» — «ноты». Все это делает текст Маяковского острым, драматическим. Но и этого Маяковскому мало. Стремление к единству людей в нем так велико, что почти в каждом стихотворении мы слышим прямое обращение поэта к читателю, призыв. Подумайте, к чему призывает вас Маяковский в прочитанных вами стихотворениях.

Вопросы и задания

1. Чем объясняется необычность стихов Маяковского?
2. Найдите примеры просторечья в стихотворениях и объясните, почему они необходимы поэту.
3. Какие слова высокого стиля, поэтические образы вы заметили в этих стихотворениях Маяковского?
4. Чем вызвано соседство просторечий и высокой лексики в поэзии Маяковского?
5. Какую из метафор Маяковского вы считаете самой дерзкой? Объясните ее смысл.
6. Выпишите неологизмы из стихотворений Маяковского и постарайтесь оправдать необходимость их появления. Почему Маяковский назвал рифму «бочкой с динамитом»?

Владимир Владимирович Набоков

(1899—1977)

Там в роще дремлет ангел дикий,
полулавлинье существо.

Ты любознательно потыкай
зеленым зонтиком в него.

В. Набоков. «В раю»

Вряд ли можно найти в русской литературе писателя, который бы с такой тщательностью и любовью описал не только каждый свой детский день, но и каждое свое переживание и все сопутствующие ему детали. Вот он идет по дорожке имения своих родителей и пристально наблюдает за самыми ничтожными существами — маленькими насекомыми пяденицами: «Эти нежные ночные существа, размером с ноготок, днем плотно прикладываются к древесной

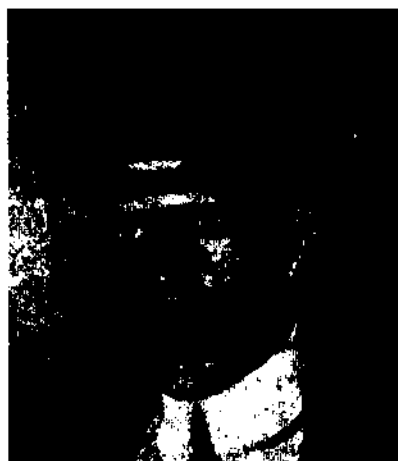
коре, распластав бледные крыльца и приподняв крохотное брюшко». Мать, с которой у будущего писателя была, по его словам, «неразрывная нутряная связь длиною в жизнь», напутствовала его: «Вот запомни» — и предлагала вниманию мальчика «заветную подробность: жаворонка, поднимающегося в мутно-перламутровое небо бессолнечного весеннего дня, вспышки ночных зарниц, снимающих в разных положениях далекую рощу, краски кленовых листьев на палитре мокрой террасы, клинопись птичьей прогулки на свежем снегу». Прочитав это описание, мы сразу очень живо видим и рощу, и следы птиц, и жаворонка не только из-за подробностей, которые не всегда сами замечаем, мы видим мир полноцветным.

Набоков писал о том, что только в детстве «все окрашено так ярко, как не бывает уже потом, когда мы взрослеем». С самого раннего детства запомнил будущий писатель свои ощущения от разных цветов: «...бывало, я упивался восхитительно крепким, гранатово-красным, хрустальным яйцом, уцелевшим с какой-то незапамятной Пасхи! Пожевав уголок простыни так, чтобы он хорошенько намок, я туго заворачивал в него граненое сокровище и... глядел, как горящий румянец постепенно просачивается сквозь влажную ткань со все возрастающей насыщенностью рдения». «Летние сумерки, — считал В. Набоков, — какой это томный сиреневый звук!» Поэтому, думал писатель, сирень особенно пронзительно пахнет в сумерках. У Набокова даже буквы обладали цветом и особыми, только одному ему понятными свойствами. Например, «крепкое, каучуковое Г; Ж, отличающееся от французского J, как горький шоколад от молочного... пушисто-сизое Ш».

Когда вы будете самостоятельно читать рассказ В. В. Набокова «Обида», подумайте над предложенными вопросами и над тем, какой цвет, по вашему мнению, подошел бы к каждому из его героев.

Вопросы и задания

1. Как Путя относится к людям и почему боится их обидеть?
2. Как окружающие относятся к мальчику: кучер Степан, сестра, дети?
3. Вспомните поэму И. А. Бунина «Листопад» и подумайте, почему рассказ посвящен ему.
4. В каком ритме вы бы снимали фильм по рассказу и почему?
5. Почему Путя не хочет ехать в гости?
6. Как соотнесены описание летнего дня и настроения Пути?
7. Какого отношения к себе жаждет Путя?
8. Чем Вася Тучков отличается от Пути и почему всем нравится?
9. Почему девочки решили, что Путя ломака?
10. Как автор относится к Якову Семеновичу?
11. Что мешает Путе быть успешным?
12. Почему Путя решил, что «пикник отняли» и в чем он оказался неправ?

Даниил Хармс

(1905—1942)

Даниил Хармс — наиболее известный псевдоним талантливого писателя, поэта и удивительного человека Даниила Ивановича Ювачёва. По мнению ученых, исходное звуковое ядро в слове «хармс» от французского «шарм» («обаяние», «чары»), поэтому псевдоним можно прочесть как Даниил Чародей или Даниил Колдун. И действительно, Хармс умел творить чудеса и в жизни, и в литературе.

Современники вспоминают, что поэт мог читать свои стихи на эстраде, сидя на шкафу в золотистой шапочке с кисточками, скрестив ноги и попыхивая трубкой, «приплыть» на выступление на бутафорском плоту, а во время делового разговора вынимать изо рта разноцветные шарики. Страсть к театрализо-

ванным шутливым розыгрышам и проделкам проявилась у Даниила Ювачёва еще в детстве. Под каменной лестницей дома, в котором жила семья Дани, он поселил воображаемую «мутерхен». С ней он вел долгие беседы в присутствии пораженных соседей или друзей. В поисках вдохновения он залезал на дерево в городском саду, «поближе к небесам», и мог сидеть там долго, записывая что-то в свою книжечку.

Стихи Хармс начал писать в 1925 году. Они были необычны. Вот, например, отрывок из его стихотворения «Звонитьлететь»:

Дом звенит.
Вода звенит.
Камень около звенит.
Книга около звенит.
Мать и сын и сад звенит.
А. звенит
Б. звенит
ТО летит и ТО звенит.
Лоб звенит и летит.
Грудь звенит и летит.
Эй монахи рот звенит!
Эй монахи лоб летит!
Что лететь, то не звонить?
Звон летает и звинеть.
ТАМ летает и звонит.
Эй монахи! мы летать!
Эй монахи! мы лететь!
Мы лететь и ТАМ летать.
Эй монахи! мы звонить!
Мы звонить и ТАМ звинеть.

В стихотворении нарушены принятые в языке правила. Мы уже знаем, что «все и всяческие правила»

нарушались в литературе нонсенса. Д. Хармс в числе своих любимых писателей называл Эдварда Лира и Льюиса Кэрролла. Но «бессмыслицы» Хармса несколько иные. В начале своего творческого пути Даниил Хармс был близок к поэтам, создававшим новый поэтический язык — заумь. «Заумники» считали, что люди подчинили язык слишком жестким правилам: за словами закрепили определенные значения, установили нормы орфографии, пунктуации, грамматики, тем самым превратили язык в «машину» по производству смыслов-штампов. Поэты-«заумники» хотели освободить язык. Хармс писал: «Сила, заложенная в словах, должна быть освобождена». Он верил, что освобожденные слова сами найдут свои новые связи. Поэт словно подбрасывал слова в небо и ждал, когда они вернутся и заполнят строку, руководствуясь своими симпатиями и антипатиями. Хармс был убежден, что только с помощью освобожденного языка, а не заштампованного можно найти истинный смысл. «Заумники» обратили внимание на то, что слова состоят из одних и тех же звуков, значит, выстраивая новые комбинации звуков, можно создавать новые слова; меняя звуковой состав слова, можно изменить его смысл. Правила грамматики предписывают склонять слова по окончаниям. Поэт Велимир Хлебников, один из создателей зауми, предлагал склонять слова по корням. Он считал, что общепринятый язык не способен выразить вдохновенное. Ощушая себя Председателем Земного Шара, он надеялся, что «заумный язык есть грядущий мировой язык в-зародыше. Только он может соединить людей. Умные языки уже разъединяют». Хармс называл себя Председателем Взорь¹ Зауми.

¹ Взорь — от слова «взирать». Взирать на мир — обязанность поэта.

В 1927 году Хармс со своими друзьями создал литературную группу, которая получила необычное название — ОБЭРИУ, расшифровывающееся как Объединение реального искусства. Обэриуты были убеждены, что у «искусства своя логика, и она не разрушает предмет, но помогает его познать», логика искусства не должна равняться «житейской логике». «Реальное искусство» предоставляет возможность взглянуть на мир «голыми глазами».

Стихи Хармс писал во все времена. Прозу активно начал писать в 30-е годы. Именно в 30-е годы оказалась несостоятельной идея объединения людей. Язык, окончательно «загнанный в машину по производству смысла», стал порождать страшные смыслы-штампы. Катастрофу не удалось предотвратить, битва со смыслами за СМЫСЛ была проиграна. В 1930 году прекратило свое существование Объединение реального искусства. Обэриутов обвинили в том, что «их поэзия... контрреволюционна», что «это поэзия чуждых... людей, поэзия классового врага». Законы жизненной логики оказались сильнее логики искусства. Сменились и жизненные декорации: тюрьма, ссылка... В 1931 году Хармса арестовали за подрывную деятельность в области детской литературы.

Особое место в прозе Хармса занимает цикл «Случаи». В случаях реализуется «наоборотный» смысл поэтических текстов 20-х годов: тему «текучего» времени сменяет тема остановившегося времени, тему полета в небеса — мотив падения, тему радостного восприятия мира — мотив ужаса и одиночества, на смену «бытийным» героям приходит герой-обыватель, поиски глобального смысла приводят к осознанию смысла сиюминутного, человек в своем стремлении к бесконечному сталкивается с миром в его конечном проявлении, объ-

емный беспредметный мир редуцируется до мира предметного. В целом на смену зауми, авангардной поэзии с их «звездным» смыслом приходит литература абсурда с навсегда потерянным смыслом.

Но случаи смешны, и, несмотря на то что в них во многом звучит «смех сквозь страх», именно смех является той очистительной силой, которая оставляет надежду на сохранение «чистоты порядка».

Авангардные стихи и прозу абсурда при жизни Хармса не печатали, печатались лишь его произведения для детей. С конца 20-х годов и все предвоенное десятилетие Даниил Хармс был постоянным автором ленинградских детских журналов «Еж» и «Чиж». Он не только сочинял стихи и рассказы для детей, но и был непременным участником всех редакционных начинаний: придумывал забавные происшествия с постоянными персонажами журналов: Иваном Тапорыжкиным, Умной Машей, публиковал шутки в стихах и прозе за подписью «Карл Иванович Шустерлинг», сочинял рекламы и головоломки.

Судьба Даниила Ивановича Ювачёва сложилась трагично. Он оказался лишним в 30-е годы, как и все необычные люди. В 1937 году им было написано стихотворение о человеке, который вышел из дома и... «и с той поры исчез». Так случилось и с поэтом. В августе 1941 года Хармс был вновь арестован и... «и с той поры исчез». Стихотворение «Из дома вышел человек» заканчивалось строфой:

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей,
Тогда скорей,
Скорей скажите нам.

Радостная встреча поэта со своими читателями
все же состоялась.

Вопросы и задания

1. Почему «заумники» считали, что «заумный» язык объединяет людей, а «умный» разъединяет?
2. Когда и почему в творчестве Хармса на смену зауми приходит абсурд?

ИВАН ТАПОРЫЖКИН

Иван Тапoryжкин пошел на охоту
с ним пудель пошел, перепрыгнув забор,
Иван, как бревно провалился в болото,
А пудель в реке утонул, как топор.

Иван Тапoryжкин пошел на охоту,
с ним пудель вприпрыжку пошел, как топор.
Иван повалился бревном на болото,
а пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Тапoryжкин пошел на охоту,
с ним пудель в реке провалился в забор.
Иван, как бревно, перепрыгнул болото,
а пудель вприпрыжку попал на топор.

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Я шел зимою вдоль болота
В галошах,
В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронесся кто-то
На металлических
Крючках.

Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,
Присел,
Подпрыгнул
И исчез.

И долго я стоял у речки
И долго думал, сняв очки:

«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»

Вопрос

*В чем проявляется близость детских стихов Д. Хармса с фольклорными текстами?

ВО-ПЕРВЫХ И ВО-ВТОРЫХ

ВО-ПЕРВЫХ, запел я песенку и пошел.

ВО-ВТОРЫХ, подходит ко мне Петька и говорит: «Я с тобой пойду». — И оба мы пошли, напевая песенки.

В-ТРЕТЬИХ, идем мы и смотрим, стоит на дороге человек ростом с ведро.

«Ты кто такой?» — спросили мы его. «Я — самый маленький человек в мире». — «Пойдем с нами». — «Пойдем».

Пошли мы дальше, но маленький человек не может за нами угнаться. Бегом бежит, а все-таки отстает. Тогда мы его взяли за руки. Петька за правую, я за левую. Маленький человек повис у нас на руках, едва ногами земли касается. Пошли мы так дальше. Идем все трое и песенки насвистываем.

В-ЧЕТВЕРТЫХ, идем мы и смотрим, лежит возле дороги человек, голову на пенек положил, а сам такой длины, что не видать, где ноги кончаются. Подошли мы к нему поближе, а он как вскочит на ноги, да как стукнет кулаком по пеньку, так пенек в землю и ушел. А длинный человек посмотрел вокруг, увидел нас и говорит: «Вы, — говорит, — кто такие, что мой сон потревожили?» — «Мы, — говорим мы, — веселые ребята. Хочешь, с нами пойдем?» — «Хорошо», — говорит длинный человек, да как шагнет сразу метров на двадцать. «Эй, — кричит ему маленький человек, — обожди нас немного!» Схватили мы маленького человека и побежали к длинному. — «Нет, — говорим мы, — так нельзя, ты маленькими шагами ходи».

Пошел длинный человек маленькими шагами, да что толку? Десять шагов сделает и из вида пропадает. — «Тогда, говорим мы, пусть маленький человек тебе на плечо сядет, а нас ты под мышки возьми». Посадил длинный человек маленького себе на плечо, а нас под мышки взял и пошел.

— «Тебе удобно?» — говорю я Петьке. — «Удобно. А тебе?» — «Мне тоже удобно», — говорю я. И засвистели мы веселые песенки. И длинный человек идет и песенки насвистывает, и маленький человек у него на плече сидит и тоже свистит — заливается.

В-ПЯТЫХ, идем мы и смотрим — стоит поперек нашего пути осел. Обрадовались мы и решили на осле ехать. Первым попробовал длинный человек. Перекинул он ногу через ослицу, а осел ему ниже колена приходится. Только хотел длинный человек на ослицу сесть, а осел взял да и пошел, и длинный человек со всего размаху на землю сел. Попробовали мы маленького человека на ослицу посадить. Но только осел

несколько шагов сделал — маленький человек не удержался и свалился на землю. Потом встал и говорит: «Пусть длинный человек меня опять на плече понесет, а ты с Петькой на осле поезжай». Сели мы, как маленький человек сказал, и поехали. И всем хорошо. И все мы песни насвистываем.

В-ШЕСТЫХ, приехали мы к большому озеру. Глядим, у берега лодка стоит. — «Что ж, поедem на лодке?» — говорит Петька. Я с Петькой хорошо в лодке уселись, а вот длинного человека с трудом усадили. Согнулся он весь, сжался, коленки к самому подбородку поднял.

Маленький человек где-то под скамейкой сел, а вот ослу места-то и не осталось. Если бы еще длинного человека в лодку не сажать, тогда можно было бы и осла посадить. А вдвоем не помещаются. «Вот что, — говорит маленький человек, — ты, длинный, вброд иди, а мы осла в лодку посадим и поедem». Посадили мы осла в лодку, а длинный человек вброд пошел, да еще нашу лодку на веревочке потащил. Осел сидит, пошевеливнуться боится, верно, первый раз в лодку попал. А остальным хорошо. Едем мы по озеру, песни свистим. Длинный человек тащит нашу лодку и тоже песни поет.

В-СЕДЬМЫХ, вышли мы на другой берег, смотрим — стоит автомобиль. — «Что же это такое может быть?» — говорит длинный человек. — «Что это?» — говорит маленький человек. — «Это, — говорю я, — автомобиль». «Это машина, на которой мы сейчас и поедem», — говорит Петька. Стали мы в автомобиле рассаживаться. Я и Петька у руля сели, маленького человека спереди на фонарь посадили, а вот длинного человека, осла и лодку никак в автомобиле не разместить. Положили мы лодку в автомобиль, в лодку

осла поставили, все бы хорошо, да длинному человеку места нет. Посадили мы в автомобиль осла и длинного человека — лодку некуда поставить.

Мы совсем растерялись, не знали, что и делать, да маленький человек совет подал: «Пусть, — говорит, — длинный человек в автомобиль сядет, а осла к себе на колени положит, а лодку руками над головой поднимет».

Посадили мы длинного человека в автомобиль, на колени к нему осла положили. А в руки дали лодку держать. — «Не тяжело?» — спросил его маленький человек. — «Нет, ничего», — говорит длинный. Я пустил мотор в ход, и мы поехали.

Все хорошо, только маленькому человеку впереди на фонаре сидеть неудобно, кувыркает его от тряски, как ваньку-встаньку. А остальным ничего. Едем мы и песни насвистываем.

В-ВОСЬМЫХ, приехали мы в какой-то город. Поехали по улицам. На нас народ смотрит, пальцами показывает: — «Это что, — говорит, — в автомобиле дубина какая стоит, себе на колени осла посадил и лодку руками над головой держит. Ха! ха! ха! А впереди-то какой на фонаре сидит. Ростом с ведерко! Вон его как от тряски-то кувыркает. Ха! ха! ха!»

А мы подъехали прямо к гостинице, лодку на землю положили, автомобиль поставили под навес, осла к дереву подвязали и зовем хозяина. Вышел к нам хозяин и говорит: «Что вам угодно?» — «Да вот, — говорим мы ему, — переночевать нельзя ли у вас?» — «Можно», — говорит хозяин и повел нас в комнату с четырьмя кроватями. Я и Петька легли, а вот длинному человеку и маленькому не на что голову положить. Подушка выше его самого и он мог только стоя к подушке прислониться. Но так как мы

все очень устали, то легли кое-как и заснули. Длинный человек просто на полу лег, а маленький на подушку весь залез, да так и заснул.

В-ДЕВЯТЫХ, проснулись мы утром и решили дальше путь продолжать. Тут вдруг маленький человек и говорит: «Знаете что? Довольно нам с этой лодкой да автомобилем таскаться. Пойдемте лучше пешком». — «Пешком я не пойду, — сказал длинный человек, — пешком скоро устанешь». «Это ты-то, такая детина, устанешь?» — засмеялся маленький человек. — «Конечно, устану, — сказал длинный, — вот бы мне какую-нибудь лошадь по себе найти». — «Какая же тебе лошадь годится? — вмешался Петька. — Тебе не лошадь, а слона нужно». — «Ну, здесь слона-то не достанешь, — сказал я, — здесь не Африка». Только это я сказал, вдруг слышны на улице лай, шум и крики.

Посмотрели в окно, глядим — ведут по улице слона, а за ним народ валит. У самых слоновых ног бежит маленькая собачонка и лает во всю мочь, а слон идет спокойно, ни на кого внимания не обращает. «Вот, — говорит маленький человек длинному, — вот тебе и слон как раз. Садись и поезжай». — «А ты на собачку садись. Как раз по твоему росту», — сказал длинный человек. «Верно, — говорю я, — длинный на слоне поедет, маленький на собачке, а я с Петькой на осле». И побежали мы на улицу.

В-ДЕСЯТЫХ, выбежали мы на улицу. Я с Петькой на осла сели, маленький человек у ворот остался, а длинный за слоном побежал. Добежал он до слона, вскочил на него и к нам повернул. А собачка от слона не отстает, лает и тоже к нам бежит. Только до ворот добежала, тут маленький человек наловчился и прыгнул на собаку. Так мы все и поехали. Впе-

реди длинный человек на слоне, за ним я с Петькой на осле, а сзади маленький человек на собачке. И всем нам хорошо, и все мы песенки насвистываем. Выехали мы из города и поехали, а куда приехали и что с нами приключилось, об этом мы вам в следующий раз расскажем.

Вопросы и задания

1. В чем своеобразие сюжета сказки? Какой басенный сюжет используется в сказке? Какова его роль?
2. С какой целью используются вводные слова, обозначающие порядок счета?
3. Было ли вам смешно, когда вы читали сказку? Почему?
4. Прочитайте сказку по ролям.
5. Нарисуйте иллюстрации к сказке.

Михаил Аркадьевич Светлов

(1903—1964)

Михаил Светлов — поэт и драматург, который занимает особое место в русской литературе XX века. Критик З. Паперный назвал книгу о нем «Человек, похожий на самого себя». Светлов, действительно разделяя все тревоги своего века, был человеком, удивительно способным видеть прекрасное, поэтически воспринимать жизнь, радоваться проявлениям человечности в людях, на войне не становиться злым, быть ироничным и нежным и весело шутить. Он автор песни, которую знает вся наша родина: «Каховка». Вы откроете эти замечательные свойства Светлова, читая его «Заметки о моей жизни». Читая, постарайтесь увидеть, над чем поэт смеется и чему радуется, как он относится к себе и к людям.

ЗАМЕТКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ

Моя культурная жизнь началась с того дня, когда отец приволок в дом огромный мешок с разрозненны-

ми томами сочинений наших классиков. Все это добро вместе с мешком стоило рубль шестьдесят копеек. Отец вовсе не собирался создавать публичную библиотеку. Дело в том, что моя мать славилась на весь Екатеринослав искусством жарить семечки. Книги предназначались на кульки. Я добился, что книги пойдут на кульки только после того, как я их прочту. Тогда я узнал, что Пушкин и Лермонтов погибли на дуэли. И еще меня поразило слово «секундант», — я был убежден, что это часовщик, в совершенстве владеющий секундными стрелками...

Тотчас же по прочтении всех книг я засел за собственный роман. Он был написан в два часа и занимал две с половиной страницы, хотя я старался писать крупными буквами. И сейчас помню название этого романа: «Ольга Мифузорина». Героиня недолго мучилась: она умерла на третьей странице.

Я читал свой роман вслух, и сестра смотрела на меня с восхищением, — приятно, когда в родной семье обнаруживается гений...

В 1919 году я впервые в жизни вступил в должность, — меня назначили заведующим отделом печати Екатеринославского губкома КСМУ. Мы решили издавать первый на Украине комсомольский журнал: «Юный пролетарий». Но журнал, как известно, должен печататься на бумаге. С трудом мы раздобыли конвертную. На ней шрифт был еле различим. Несколько номеров, хоть и со скрипом, но все же вышли в свет.

В то время ко мне — шестнадцатилетнему редактору — пришли со своими стихами два паренька с Александровской улицы: Михаил Голодный и Александр Ясный. В нашей комсомольской организации я был единственным поэтом, теперь нас стало трое.

— Я считаю, что мы пишем не хуже, чем наши столичные поэты. Надо ехать в Харьков, — как-то сказал Михаил Голодный. Сказал и уехал и вскоре стал одним из самых популярных поэтов на Украине.

Переехал в Харьков и я. Здесь в двадцать втором году была издана первая книга моих стихов «Рельсы». Очень смешное и трогательное впечатление она сейчас производит. Никто из нас тогда не имел ясно-го представления о задачах своей профессии. И поэтому мы писали черт знает как. Нам казалось, что, чем замысловатей стихи, тем они художественней. Да и культура наша была слабовата.

Михаил Голодный был неугомонен: «Ты послушай, разве в Москве пишут лучше, чем мы? Едем в Москву!»

И Голодный, Ясный и я — не три сестры, а три брата по поэзии, — поехали в Москву. Мы были бездомны довольно долгое время, пока нам наконец не дали под общежитие какую-то гостиницу. (Это здание и сейчас стоит на улице Чернышевского, и, проезжая мимо, я с грустью смотрю на него, как на памятник своей молодости.)

Шло время, и советская литература по-молодому металась в поисках путей самого близкого общения со своим мужающим читателем. Я участвовал в этих поисках.

Однажды мне сказали, что меня зовет к телефону Маяковский. Я подумал, что разыгрывают, и не сразу взял трубку. Маяковский терпеливо ждал.

— Послушайте, Светлов, я в харьковской гостинице сидел в очереди к парикмахеру и от скуки начал перелистывать журнал «Октябрь». В нем напечатано ваше стихотворение «Пирушка». Оно мне очень понравилось. Я решил послать приветственную теле-

грамму, но потом передумал: позвоню ему лично — так ему будет приятнее. Не забудьте выбросить из стихотворения «влюбленный в звезду». Это литературщина.

— Я уже выбросил, — отвечаю.

— Тогда все прекрасно. Приходите завтра ко мне. Пойдем вместе со мной на мой вечер в Политехнический.

На этом вечере он читал наизусть мою «Гренаду».

Как я жил в те годы? Учился на литературном факультете Московского университета, в Литературно-художественном институте имени Брюсова. Помню такой случай. Я, Голодный и Ясный прохаживались по институтскому коридору (мы не очень энергично посещали лекции). К нам подошел рослый молодой человек и безапелляционно заявил: «Ребята! Сейчас я вам почитаю свои стихи». Мы не выразили особого восхищения (институт навещали полчища графоманов и буквально отравляли жизнь), но незнакомец настоял на своем. Он прочел три стихотворения, и мы сразу поняли, что он пишет лучше нас. Это был Эдуард Багрицкий. С этого дня мы крепко подружились до самой его смерти.

Я давно уже вышел из возраста приобретений и перешел в возраст потерь. Смерть разлучила меня со многими друзьями. Больше я не пожму уже руку Иосифу Уткину, Джеку Алтаузену, Артему Веселому, Борису Левину. Недавно я опять хоронил друга. Вокруг гроба стояли бесконечно дорогие мне комсомольцы девятнадцатого года. Это были старые люди, седые и лысые. Самого себя я, естественно не видел, но, когда состарились твои сверстники, ты не можешь остаться молодым...

Во время Великой Отечественной войны я был военным корреспондентом «Красной звезды» в осаж-

денном Ленинграде. Корреспондент из меня получился неважный, и вскоре я, по приглашению друга, поехал на Северо-Западный фронт в Первую ударную армию. Мне дали звание, но строевой выправки я так и не приобрел до самого конца войны. Затем меня перевели в 9-й танковый корпус на Первый Белорусский фронт. Там я прославился тем, что совершенно непонятным образом взял в плен четырех немцев.

Один случай запомнился мне на всю жизнь. Я возвращался один из разведки, когда начался сильный артоналет. Окопов не было (мы наступали слишком стремительно), и я кое-как укрылся в недорытой яме. Когда налет кончился, и я продолжал путь, меня окликнули. Я подошел.

— Это правда, что вы написали «Каховку»?

— Правда.

— Как же вас сюда пускают?

Он был готов умереть раньше моей песни... Я был так взволнован, что ушел, не узнав его имени и фамилии. Я потом встречал этого бойца, но в образе других.

Как мало мы учитываем резонанс нашего писательского труда, значение его в воспитании благородных человеческих чувств.

За десятилетия моей литературной работы у меня выработалось правило: пиши так, как будто ты сидишь и разговариваешь с читателем за одним столом. Разумеется, не с каждым поговоришь по душам. Иной берется тебя поучать, будто он и есть автор «Евгения Онегина». Зато с какой радостью читаю я письма своих настоящих читателей! Далеко не все стихи мои могут им нравиться, но какое в этих письмах уважение и внимание к моей работе! И столько дельных замечаний в них! Не раз, бывало, напечатав стихи в журнале, я поправлял их для книги, следуя указаниям своих читателей.

И я заметил, что грань между писателем и читателем как-то стирается.

«Разве есть граница между деревом и почвой, на которой оно растет?..»

А теперь прочитайте самые знаменитые стихотворения Михаила Светлова и подумайте, чем он отличается от других поэтов.

ПЕСНЯ О КАХОВКЕ

Каховка, Каховка — родная винтовка.
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Под солнцем горячим, под ночью слепую
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе
сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым
улыбались
Ее голубые глаза...

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила...

Под солнцем горячим, под ночью
 слепою
Немало пришлось нам пройти,
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Вопросы и задания

Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И, Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде

Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипке времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель

И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1925

Вопросы и задания

1. Какое из двух стихотворений Светлова вам ближе и почему?
2. Почему поэту понравился «мечтатель-хохол»?
3. Каким вы видите его, когда он говорит о своих желаниях и когда он мертв?
4. Почему стихотворение пронизано рефреном:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»?
5. Почему поэт называет «язык батарей» «грамматикой боя»?

6. Как вы понимаете строки:

«Восход поднимался
И падал опять»,
«Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен»?

7. Почему в последней строфе поэт призывает:

«Не надо, ребята,
О песне тужить»

и почему рефрен возвращается? Что же побеждает время?

ТРЕХСЛОЖНЫЕ РАЗМЕРЫ СТИХА. МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ РИФМЫ

В русском стихосложении музыка стихотворения создается ритмичным чередованием ударных и неударных слогов. Вы уже знаете двусложные размеры: ямба и хорей, которыми русские поэты пользовались издавна. Трехсложные размеры употребляются реже и в русскую поэзию вошли позднее, в XIX веке. Как отмечает знаток русского стихосложения академик М. Л. Гаспаров, их вводит В. А. Жуковский. Особенно часто их использует Н. А. Некрасов, может быть, потому, что трехсложные размеры естественны для русской речи и приближают стих к прозе.

Дактиль — трехсложный размер с ударением на первом слоге: /— —

Дактилем написана «Морская царевна» М. Ю. Лермонтова, с которой вы уже знакомы:

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! Взгляни на меня!»
/— — /— — /— — /
/— — /— — /— — /

Как вы видите, трижды стопа подчиняется определенному ритму: за первым ударным слогом следует два безударных. Но добавлен еще один ударный слог, которым заканчивается строка. Если на последнее слово строки, которое рифмуется с другой строкой, падает ударение, рифма называется мужской. Такая рифма характерна для баллады, так как в стихотворениях, принадлежащих к этому жанру, заметно драматическое напряжение. Оно создается ударением на рифмующийся слог.

Впрочем, Лермонтов, переводя балладу Шиллера «Перчатка», использовал и мужские и женские рифмы. В женской рифме ударение падает на предпоследний слог: /—

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Как видите, женские рифмы (стояли — ждали, троне — балконе) здесь чередуются с мужскими (сидел — блестел).

Но обратим теперь внимание на размер стиха, расставив ударения в этой строфе:

—/—/—/—/
—/—/—/—/
—/—/
—/—/—/—/
—/—/—/—/
—/—/—/—/

В первой и четвертой строках мы видим откровенно трехсложный размер, в котором ударение па-

дает на средний слог: —/—. Такой размер называется амфибрахий. Чуть видоизмененный, этот размер сохраняется и в остальных строках.

Теперь вспомним знакомое вам по 5 классу стихотворение Н. Заболоцкого «Сентябрь»:

Сыплет дождик большие горошины.

Рвется ветер, и даль нечиста.

Закрывается тополь взъерошенный

Серебристой изнанкой листа.

/—/—/—/—

/—/—/—/

—/—/—/—

—/—/—/

Трехсложный размер, в котором ударение падает на последний слог, называется анапест, по-гречески буквально «отраженный назад», то есть обратный дактилю.

В абсолютно правильном виде анапест представлен в последней строке стихотворения Заболоцкого:

—/—/—/

В первых двух строках первые слоги сделаны ударными, чтобы показать энергию наступающей осени, а в третьей строке добавлены к трехстопному анапесту два безударных слога. Такие подвижки в ударениях делают стих живым, не похожим на автоматический ритм, и соединяют звучание и смысл строки.

Вопросы и задания

1. Поставьте ударения в строках «Песни о Каховке» и «Гренады» и определите, каким размером написаны эти стихотворения.
2. Найдите мужские и женские рифмы в этих стихотворениях.
3. Какое из этих стихотворений можно назвать балладой и почему?

Борис Леонидович Пастернак

(1890—1960)

Он прекрасно играл на фортепьяно, в юности изучал философию в Москве и Марбурге, но стал поэтом. Слово победило все другие пристрастия. Борис Пастернак был сыном художника Леонида Пастернака, близкого Льву Толстому и замечательно иллюстрировавшего его произведения. Классическая культура была для Б. Л. Пастернака родной колыбелью, но жил он в грозное время войн и революций и не прятался от них, напротив, старался их понять, хотя и не участвовал в мятежных действиях. Однако новые течения в искусстве Пастернака волновали, он был хорошо знаком с В. Маяковским и дружен с бунтующей поэтессой Мариной Цветаевой. Б. Л. Пастернак любил прежний мир, его культуру и уют, но требовал от человека движения и порывов. Он был одним из самых странных поэтов XX века,

необычайностью метафор поражающий читателей. Но, несмотря на сложность своего душевного мира, Пастернак тянулся к простодушию народного слога и склада ума.

А теперь прочитаем отрывки из автобиографического очерка Б. Л. Пастернака «Люди и положения». Читая эти фрагменты, подумайте, как повлияли на поэта впечатления детства, которые часто определяют дальнейшую судьбу и характер человека.

ЛЮДИ И ПОЛОЖЕНИЯ

Младенчество

Я родился в Москве 29 января 1890 года по старому стилю в доме Лыжина, против Духовной семинарии, в Оружейном переулке. Необъяснимым образом что-то запомнилось из осенних прогулок с кормилицей по семинарскому парку. Размокшие дорожки под кучами опавших листьев, пруды, насыпные горки и крашенные рогатки семинарии, игры и побоища гогочущих семинаристов на больших переменах.

Прямо напротив ворот семинарии стоял каменный двухэтажный дом с двором для извозчиков и нашею квартирой над воротами, в арке их сводчатого перекрытия.

* * *

Ощущения младенчества складывались из элементов испуга и восторга. Сказочностью красок они восходили к двум центральным образам, надо всем господствовавшим и все объединявшим. К образу медвежьих чучел в экипажных заведениях Каретного ряда и к образу добряка-великана, сутулого, косматого, глухо басившего книгоиздателя П. П. Конча-

ловского, к его семье и к рисункам карандашом, пером и тушью Серова, Врубеля, моего отца и братьев Васнецовых, висевшим в комнатах его квартиры.

Околоток был самый подозрительный — Тверские-Ямские, Труба, переулки Цветного. То и дело оттаскивали за руку. Чего-то не надо было знать, что-то не следовало слышать. Но няни и мамки не терпели одиночества, и тогда пестрое общество окружало нас. И в полдень учили конных жандармов на открытом плацу Знаменских казарм.

Из этого общения с нищими и странниками, по соседству с миром отверженных и их историей и истерик на близких бульварах, я преждевременно рано на всю жизнь вынес пугающую до замирания жалость к родителям, которые умрут раньше меня и ради избавления которых от мук ада я должен совершить что-то неслыханно светлое, небывалое.

Когда мне было три года, переехали на казенную квартиру при доме Училища живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой против Почтамта. Квартира помещалась во флигеле внутри двора, вне главного здания.

Главное здание, старинное и красивое, было во многих отношениях замечательно. Пожар двенадцатого года пощадил его. Веком раньше, при Екатерине, дом давал тайное убежище масонской ложе¹. Боквое закругление на углу Мясницкой и Юшкова переулка заключало полукруглый балкон с колоннами. Вместительная площадка балкона нишею входила в стену и сообщалась с актовым залом Училища. С балкона было видно насквозь продолжение Мясницкой, убегавшей вдаль, к вокзалам.

¹ *Масонская ложа* — сообщество масонов — членов тайной религиозной организации.

Во дворе, против калитки в небольшой сад с очень старыми деревьями, среди надворных построек, служб и сараев возвышался флигель¹. В подвале внизу отпускали горячие завтраки учащимся. На лестнице стоял вечный чад пирожков на сале и жареных котлет. На следующей площадке была дверь в нашу квартиру. Этажом выше жил письмоводитель Училища.

Вот что я прочел пятьдесят лет спустя, совсем недавно, в позднейшее советское время, в книге Н. С. Родионова «Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого», на странице 125-й, под 1894 годом:

«23 ноября Толстой с дочерьми ездил к художнику Л. О. Пастернаку в дом Училища живописи, ваяния и зодчества, где Пастернак был директором, на концерт, в котором принимали участие жена Пастернака и профессора Консерватории скрипач И. В. Гржимали и виолончелист А. А. Брандуков».

Тут все верно, кроме небольшой ошибки. Директором Училища был князь Львов, а не отец.

Записанную Родионовым ночь я прекрасно помню. Посреди нее я проснулся от сладкой, щемящей муки, в такой мере ранее не испытанной. Я закричал и заплакал от тоски и страха. Но музыка заглушала мои слезы, и только когда разбудившую меня часть трио доиграли до конца, меня услышали. Занавеска, за которой я лежал и которая разделяла комнату надвое, раздвинулась. Показалась мать, склонилась надо мной и быстро меня успокоила. Наверное, меня вынесли к гостям, или, может быть, сквозь раму открытой двери я увидел гостиную. Она была полна табачного дыма. Мигали ресницами свечи, точно он ел им глаза. Они ярко освещали красное лакированное

¹ Флигель — жилая пристройка сбоку главного здания или отдельно стоящая дополнительная постройка, дом во дворе большого здания.

дерево скрипки и виолончели. Чернел рояль. Чернели сюртуки мужчин. Дамы до плеч высовывались из платьев, как именинные цветы из цветочных корзин. С кольцами дыма сливались седины двух или трех стариков. Одного я потом хорошо знал и часто видел. Это был художник Н. Н. Ге. Образ другого, как у большинства, прошел через всю мою жизнь, в особенности потому, что отец иллюстрировал его, ездил к нему, почитал его, и что его духом проникнут был весь наш дом. Это был Лев Николаевич.

Отчего же я плакал так и так памятно мне мое страдание? К звуку фортепиано в доме я привык, на нем артистически играла моя мать. Голос рояля казался мне неотъемлемой принадлежностью самой музыки. Тембры струнных, особенно в камерном соединении, были мне непривычны и встревожили, как действительные, в форточку снаружи донесшиеся зовы на помощь и вести о несчастье.

То была, кажется, зима двух кончин — смерти Антона Рубинштейна¹ и Чайковского. Вероятно, играли знаменитое трио последнего.

Эта ночь межевою вехой пролегла между беспмятностью младенчества и моим дальнейшим детством. С нее пришла в действие моя память, и заработало сознание, отныне без больших перерывов и провалов, как у взрослого.

Скрябин²

Два первых десятилетия моей жизни сильно отличаются одно от другого. В девяностых годах Мо-

¹ *Рубинштéйн Анто́н Григо́рьевич* (1829—1894) — русский композитор и пианист.

² *Скря́бин Алекса́ндр Никола́евич* (1872—1915) — русский композитор и пианист, один из первых начал сочинять цветомузыку.

сква еще сохраняла свой старый облик живописного до сказочности захолустья с легендарными чертами третьего Рима или былинного стольного града и всем великолепием своих знаменитых сорока сороков. Были в силе старые обычаи. Осенью в Юшковом переулке, куда выходил двор Училища, во дворе церкви Флора и Лавра, считавшихся покровителями коневодства, производилось освящение лошадей, и ими, вместе с приводившими их на освящение кучерами и конюхами, наводнялся весь переулок до ворот Училища, как в конную ярмарку.

С наступлением нового века на моей детской памяти мановением волшебного жезла все преобразилось. Москву охватило деловое неистовство первых мировых столиц.

Бурно стали строить высокие доходные дома на предпринимательских началах быстрой прибыли. На всех улицах к небу поднялись незаметно выросшие кирпичные гиганты. Вместе с ними, обгоняя Петербург, Москва дала начало новому русскому искусству — искусству большого города, молодому, современному, свежему.

Весной 1903 года отец снял дачу в Оболенском, близ Малоярославца, по Брянской, ныне — Киевской, железной дороге. Дачным соседом нашим оказался Скрябин. Мы и Скрябины тогда еще не были знакомы домами.

Дачи стояли на бугре вдоль лесной опушки, в отдалении друг от друга. На дачу приехали, как водится, рано утром. Солнце дробилось в лесной листве, низко свешивавшейся над домом. Расшивали и пороли рогожные тюки. Из них тащили спальные принадлежности, запасы провизии, вынимали сковороды, ведра. Я убежал в лес.

Боже... чем он в то утро был полон! Его по всем направлениям пронизывало солнце, лесная движущаяся тень то так, то сяк все время поправляла на нем шапку, на его подымающихся и опускающихся ветвях птицы заливались тем всегда неожиданным чириканьем, к которому никогда нельзя привыкнуть, которое поначалу порывисто громко, а потом постепенно затихает и которое горячее и частой своей настойчивостью похоже на деревья вдаль уходящей чащи. И совершенно так же, как чередовались в лесу свет и тень и перелетали с ветки на ветку и пели птицы, носились и раскатывались по нему куски и отрывки Третьей симфонии или Божественной поэмы, которую в фортепианном выражении сочиняли на соседней даче.

Боже, что это была за музыка! Симфония беспрерывно рушилась и обваливалась, как город под артиллерийским огнем, и вся строилась и росла из обломков и разрушений. Ее всю переполняло содержание, до безумия разработанное и новое, как нов был жизнью и свежестью дышавший лес, одетый в то утро, не правда ли, весенней листвой 1903-го, а не 1803 года. И как не было в этом лесу ни одного листика из гофрированной бумаги или крашеной жести, так не было в симфонии ничего ложно глубокого, риторически почтенного, «как у Бетховена», «как у Глинки», «как у Ивана Ивановича», «как у княгини Марьи Алексеевны», но трагическая сила сочиняемого торжественно показывала язык всему одряхлело признанному и величественно тупому и была смела до сумасшествия, до мальчишества, шаловливо стихийная и свободная, как падший ангел.

Предполагалось, что сочинявший такую музыку человек понимает, кто он такой, и после работы бы-

вает просветленно ясен и отдохновенно спокоен, как Бог, в день седьмой почивший от дел своих. Таким он и оказался.

Он часто гулял с отцом по Варшавскому шоссе, прорезавшему местность. Иногда я сопровождал их. Скрыбин любил, разбежавшись, продолжать бег как бы силою инерции вприпрыжку, как скользит по воде пущенный рикошетом камень, точно немногого не доставало, и он отделился бы от земли и поплыл бы по воздуху. Он вообще воспитывал в себе разные виды одухотворенной легкости и неотягощенного движения на грани полета. К явлениям этого рода надо отнести его чарующее изящество, светскость, с какой он избегал в обществе серьезности и старался казаться пустым и поверхностным. Тем поразительнее были его парадоксы¹ на прогулках в Оболенском.

Он спорил с отцом о жизни, об искусстве, о добре и зле, нападал на Толстого, проповедовал сверхчеловека, аморализм, ницшеанство². В одном они были согласны — во взглядах на сущность и задачи мастерства. Во всем остальном расходились.

Мне было двенадцать лет. Половины их споров я не понимал. Но Скрыбин покорял меня свежестью своего духа. Я любил его до безумия. Не вникая в суть его мнений, я был на его стороне. Скоро он на шесть лет уехал в Швейцарию.

¹ *Парадокс* — странное, неожиданное мнение, суждение, резко отличающееся от общепринятого.

² *Ницшеанство* — философское направление, проповедовавшее культ сверхчеловека (по имени основателя, немецкого писателя и философа Фридриха Ницше).

ИЮЛЬ

По дому бродит привиденье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой.

Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате кра́дется к кровати,
Срывает скатерть со стола.

Ног у порога не обтерши,
Вбегает в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.

Кто этот баловник-невежа
И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник-отпускник.

На весь его недолгий роздых
Мы целый дом ему сдаем.
Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаем.

Июль, таскающий в оде́же
Пух одуванчиков, лопух,
Июль, домой сквозь окна вхожий,
Все громко говорящий вслух.

Степной нечесаный растреп,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.

1956

1. Нравится ли вам такой июль, каким он представлен в стихотворении, или вы иначе представляете себе этот месяц?
2. Почему поэт называет июль «баловником-невежей» и чьим двойником считает этот месяц?
3. Нарисуйте портрет июля, каким он представлен в стихотворении.
4. Одинаков ли облик июля в начале и в конце стихотворения?
5. Когда вы догадались, что за привидение бродит по дому, кто этот «дачник-отпускник»?
6. Чем вызвана метафора:

«Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаем»?

7. Что несет июль поэту?

НОЧЬ

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

В пространствах беспредельных
Горят материки.
В подвалах и котельных
Не спят истопники.

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

1956

1. Хотелось бы вам полететь с летчиком и увидеть, что он видит? Почему?
2. Каким чувством поэта наполнены эти строки?

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

3. Каким вы представляете ночной мир по этому стихотворению?
4. Каким вы видите летчика?
5. Как соотносены в стихотворении небо и земля?
6. Почему крен Млечного Пути назван «страшным, страшным»?
7. Чем вызвано сравнение самолета с «крестиком на ткани и меткой на белье»?
8. Какие образы стихотворения относятся к вечности, какие — ко времени жизни летчика?
9. Как можно победить время и прикоснуться к вечности?

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

Вы не раз замечали, что в стихах можно сказать обо всем более свободно, чем в обыденной речи или в прозе. Стихи допускают вольное слово, в котором рождается образ, то есть новое видение предмета. Пушкин в балладе «Песнь о вещем Олеге» назвал руку Олега, расстающегося с конем, «прощальной». Мы видим этот жест князя и понимаем его чувство нерасторжимой связи со своим верным другом. Поэтический образ многозначен, потому что он не только характеризует предмет, но и выражает отношение к нему говорящего. Поэтический образ емко, он рождает в читателе рой смыслов и значений. «Прощальная рука» и нежна, и печальна,

и неотрывна, и ласкова, и бессильна в предчувствии разлуки. Поэтический образ объединяет в себе множество значений, но обладает силой «взрыва», потому что он лаконичен и неожидан. Поэтический образ рожден жизнью, но окрашен, пропитан чувством и мыслью художника, его ассоциациями, сближающими душевную жизнь человека и явления природы. Б. Л. Пастернак сравнивал поэзию с губкой, которая, впитав жизнь, насыщает художника и его читателей. Поэтический образ обращен ко всем органам наших чувств: к зрению, слуху, обонянию, осязанию, вкусу.

Пастернак воспринимал жизнь как чудо, и все происходящее рядом, каждый предмет, его окружавший, любое событие в природе были для него необычайны. Но поэт жил «в родстве со всем, что есть, уверяясь». Поэтому в его стихах чувства человеческие и движения природы сближены, а далекие предметы вступают в разговор.

Так в стихотворении «Ночь» ведут себя планеты Венера и Марс, которые рассматривают с любопытством афишу парижского кабаре, а старинный чердак, крытый черепицей, углублен в созерцание звезд:

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

В стихотворении «Ночь» оказывается, что «в пространствах беспредельных» и в сердце человека, летчик он или художник, есть общий ритм непрерывной жизни. И в этом стремлении человека к безграничности, к непрерывному труду и восхищен-

ному созерцанию мира люди прорываются из времени в вечность. Для поэта время — плен, он «вечности заложник», то есть ее носитель, посол. И он должен будить людей.

Так, летчик, отдавший себя ночному полету и вбирающий взглядом мир неба и земли, становится «как звезда».

Дом человека, сад, его окружающий, в поэзии Пастернака постоянно сопоставляются с огромным бездонным миром. Нежно привязанный к дому поэт обожает безграничный мир. Пастернак ценит каждое мгновение жизни, он готов погрузиться в него безоглядно.

В стихах Пастернака всегда происходит открытие, обновление, расширение пространства, движение от дома к миру. Но и в далеком мироздании поэт ищет разные приметы, сближая капли дождя с запонками. Пастернаку необходима и упорядоченность, родная знакомость дома, и беспредельность природной стихии, которая шире человеческих намерений и пристрастий, но не чужда им. И поэтому человеческие чувства расплавлены стихией природы:

На свете нет тоски такой,
Которой снег бы не вылечивал.

Поэзия — соединение человеческой души и природы. В стихотворении «Определение поэзии» об этом сказано так:

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.

Михаил Михайлович Зощенко

(1894—1958)

«Французский писатель Вольтер своим смехом погасил в свое время костры, на которых сжигали людей. А мы по мере своих слабых и ничтожных сил берем более скромную задачу. И своим смехом хотим зажечь хотя бы небольшой, вроде лучины, фонарь, при свете которого некоторым людям стало бы заметно, что для них хорошо, что плохо, а что посредственно» — так заканчивает свою «Голубую книгу» писатель М. М. Зощенко. Он видит свою задачу, описывая в пяти частях своего сочинения пять основных причин «невероятных событий», которые играли «особую роль в истории». Это, по мнению автора, деньги, любовь, коварство, неудачи и удивительные события. Книгу эту посоветовал написать Зощенко М. Горький, «смешную и сатирическую книгу — историю человеческой жизни». Зощенко назвал свой труд «краткой историей человеческих

отношений». И, несмотря на то, что в книге много иронии над глупостью и необразованностью, жадностью и себялюбием, смеха над нелепостями современной автору жизни, в ней, по словам писателя, «больше радости и надежды, чем насмешки, меньше иронии, чем настоящей, сердечной любви и нежной привязанности к людям». Книга эта названа голубой. Зощенко так объяснил выбор именно этого цвета читателю: «Этим цветом надежды, цветом, который с давних пор означает скромность, молодость и все хорошее и возвышенное, этим цветом неба... которое расстилается над нами, мы называем нашу смешную и отчасти трогательную книжку».

Прочитайте рассказ из этой книги М. М. Зощенко «Происшествие» и подумайте над вопросами.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Конечно, об чем может быть речь, — дети нам крайне необходимы. Государство без них не может так гладко существовать. Они нам — наша смена. Мы на них надеемся и расчеты на них строим.

Тем более взрослые не так легко могут расстаться со своими мещанскими привычками. А детишки, может быть, подрастут и определенно выровняют нашу некультурность.

Так что в этом отношении детей мы прямо на руках должны носить, и пыль с них сдувать, и носики им сморкать. Невзирая на то — это наш ребенок или ребенок чужой и нам посторонний.

А только этого как раз мало наблюдается в нашей жизни со стороны обывателей.

Нам вспоминается одно довольно оригинальное событие, которое развернулось на наших глазах в поезде, не доезжая Новороссийска.

— Которые были в этом вагоне, те почти все в Новороссийск ехали.

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабешечка. Такая молодая женщина с ребенком.

— У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе.

Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Все как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ней малютка на руках очень такой звонкий. И орет, и орет, все равно как оглашенный. Он, видать, хворает. Его, как оказалось, в пути желудочная болезнь настигла. Или он покушал сырых продуктов, или чего-нибудь выпил, только его в пути схватило. Вот он и орет.

Одним словом — малютка. Он не понимает, что к чему и зачем у него желудочек страдает. Ему сколько лет? Ему, может быть, три года или там два. Не наблюдая детей в частной жизни, затруднительно определить, сколько этому предмету лет. Только он, видать, октябренок¹. У него такой красный нагрудник повязан.

И вот едет эта малютка со своей мамашей в Новороссийск. Они едут, конечно, в Новороссийск, и, как назло, в пути с ним случается болезнь.

И по случаю болезни он каждую минуту вякает, хворает и требует до себя внимания. И, конечно, не дает своей мамаше ни отдыху, ни сроку. Она с рук его два дня не спускает. И спать не может. И чаю не может попить.

¹ *Октябренок* — ученик начальной школы, член детской организации в СССР.

И тогда перед станцией Лихны она, конечно, обращается до пассажиров:

— Я, говорит, очень извиняюсь, — поглядите за моим крошкой. Я побегу на станцию Лихны, хотя бы супу скушаю. У меня, говорит, язык к глотке прилипает. Я, говорит, ну прямо не предвижу конца. Я, говорит, в Новороссийск еду до своего мужа.

Пассажиры, конечно дело, стараются не глядеть, откуда это говорится, отворачиваются, дескать, еще чего: то орет и вякает, а то еще и возись с ним! Еще, думают, подкинет. Смотря какая мамаша. Другая мамаша очень свободно на это решится.

И хотя в дальнейшем этого не случилось и любящая мать осталась при своем ребенке, однако пассажиры не знали всей этой дальнейшей ситуации, и в силу этого отнеслись к просьбе сдержанно — одним словом, отказали.

И, значит, не берутся.

А едет в вагоне, между прочим, один такой гражданин. Он, видать, городской житель. В кепочке и в таком международном прорезиненном макинтоше. И, конечно, в сандалиях. Он так обращается до публики:

— То есть, говорит, мне тошно на вас глядеть. То есть, говорит, что вы за люди — я прямо дивуюсь! Нельзя, говорит, граждане, иметь такой слишком равнодушный подход. Может, на наших глазах мать покушать затрудняется, ее малютка чересчур сковывает, а тут каждый от этих общественных дел морду отворачивает. Это, ну, прямо ведет к отказу от социализма.

Другие говорят:

— Вот ты и погляди за крошкой! Какой нашелся бродяга — передовые речи в спальном вагоне произносить!

Он говорит:

— И хотя я есть человек холостой, и мне чертовски спать хочется, и вообще не мое дело в крайнем случае за это самое браться, но я не имею такого бесчувствия в детском вопросе.

И берет он малютку на руки, качает его и пальцем его забавляет.

Конечно, молодая женщина очень горячо его благодарит и на станции Лихны сходит.

Уходит она на эту станцию в буфет и долго не является. Поезд стоит десять минут. Эти десять минут проходят, и уже дается сигнал. И дежурный машет красной шапкой. А ее нету...

И уже дергается состав, и поезд бежит по рельсам, а молодой матери нету.

Тут происходят разные сцены. Которые открыто хохочут, которые хватают за тормоза и хотят состав остановить.

А сам, который в сандалиях, сидит побледневший, как сукин сын, и спать больше не может. И речей больше не хочет произносить.

Он держит малютку на своих коленях и разные советы слушает.

Ну, один, конечно, советует телеграмму за свои деньги дать, другие, напротив того, говорят:

— Довезите до Новороссийска и сдайте на станции в охрану. А если там малютку не примут, то усыновите в крайнем случае.

А малютка, между тем, вякает, хворает и с рук нипочем не уходит.

И вот проходят отчаянные два часа, и поезд, конечно, останавливается на большой станции. Который в сандалиях берет свою малютку за ножки и хочет пойти на платформу в транспортную охрану.

Только вдруг молодая мамаша в вагон вкатывается. Она входит в вагон и так защищается:

— Я, говорит, извиняюсь! Я как горячего супу покушала, так меня сразу и разморило, и я нарочно зашла в тот соседний вагон и маленько там подзаснула. Я, говорит, два дня не спавши, а если бы в этот вагон зашла, я навряд ли бы выпалась.

И берет она своего крошку и снова его нянчит.

Который в сандалиях говорит:

— Довольно неаккуратно поступаете, гражданка! Но раз вы поспали, то я вхожу в ваше положение. Дети нам — наша смена, я не против за ними поглядеть.

Тут в вагоне происходит веселый смех, дающий здоровую зарядку. Который в сандалиях говорит:

— Только, конечно, надо предупреждать. А то я за эти два часа много пережил. Вот это нехорошо с вашей стороны.

Тут снова в вагоне происходит веселый взрыв смеха.

И тогда который в сандалиях тоже начинает улыбаться, и вскоре он вполне прощает маленькое коварство, допущенное со стороны матери.

И тогда все кончается к общему благополучию.

Вопросы и задания

1. Что удивило вас в рассказанной истории? Что смешно и что грустно в рассказе?
2. Как характеризуют отношение автора к рассказчику слова: «Конечно, об чем может быть речь, — дети нам крайне необходимы».

Государство без них не может так гладко существовать. Они нам — наша смена. Мы на них надеемся и расчеты на них строим».

3. Как вы представляете себе рассказчика, повествующего об истории, случившейся в вагоне? Почему рассказчик постоянно повторяет свои слова? Например: «Вот она к нему и едет. И вот она едет к мужу».
4. Опишите того, «который в сандалиях», в моменты, когда он берет ребенка у матери и когда он видит, что мать не вернулась со станции Лихны. Чем отличается его реакция от отношения к случившемуся остальных пассажиров?
5. Что вы видите смешного в словах рассказчика: «Не наблюдая детей в частной жизни, затруднительно определить, сколько этому предмету лет»?
6. Автор называет два часа, которые проспала мать в соседнем вагоне, «отчаянными». Кому из героев они такими показались?
7. Почему рассказ написан от первого лица?
8. В конце рассказа дважды в вагоне «происходит веселый взрыв смеха». Почему после второго взрыва смеха «который в сандалиях тоже начинает улыбаться, и вскоре он вполне прощает маленькое коварство, допущенное со стороны матери»?
9. Какое отношение к людям побеждает в рассказе?

Прочитав рассказ «Происшествие», вы, конечно, обратили внимание на то, как Зощенко воссоздает интонацию устной речи, проникнув в тайну ее разговорной конструкции, изобилующую неправильными грамматическими формами. Все это рождает у читателя ощущение непосредственности происходящего и личной сопричастности к ситуации.

Тонкий слух писателя позволял Зощенко чутко улавливать и моментально реагировать на те изменения в лексике русского языка, которые были вызваны наступлением новой исторической эпохи, последовавшей за 1917 годом.

АВТОР И РАССКАЗЧИК В ПРОИЗВЕДЕНИИ

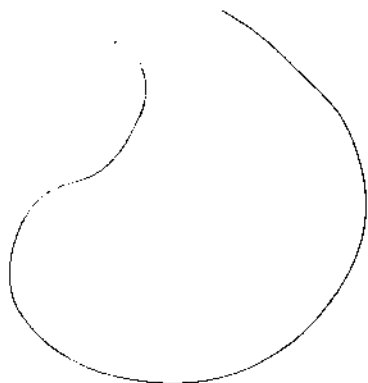
Вы, наверное, обращали свое внимание на то, что не всегда события в литературном произведении описывает сам автор. Иногда он вводит в текст особого героя — рассказчика, от имени которого и идет повествование. Так, в «Повестях Белкина», которые

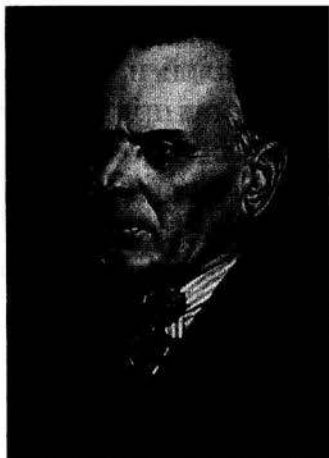
вы читали, А. С. Пушкин уже в предисловии определяет основную линию, связывающую все повести: человек больше, чем он на первый взгляд кажется, он не уместается в рамки представлений о нем других людей или той роли, которую он выбрал в жизни. Автор иронизирует над недоумениями помещика, который как будто бы был другом Белкина, но увидел в его судьбе лишь странности, непривычные для обыкновенного помещика: охоту к чтению и занятиям по русской словесности, замену барщины «весьма умеренным obroком». Станными и неоправданными кажутся соседу и скромность Белкина, и его равнодушие к «питейным излишествам». А между тем, открывая записки Белкина, мы видим пылкий ум и развитый слог Ивана Петровича, так контрастирующий с письмом его соседа. Сосед для автора предстает в роли поверхностного читателя, видящего лишь верхний слой событий и не понимающего их внутренней связи. С самого начала, вводя рассказчика, автор предупреждает нас о необходимости глубокого размышления о мысли, которую мы должны разгадать. В повести «Выстрел» рассказчик включается прямо в действие. Когда вы изучали эту повесть А. С. Пушкина, наверное, было трудно увидеть за внешне подчиненной идее мести жизнью Сильвио его благородную, поднявшуюся до самопожертвования душу. Рассказчик представляет читателю внешнюю сторону жизни Сильвио, это взгляд обывателя, который не видит истинного лица героя, хотя догадывается о его неординарности. Автор не согласен с рассказчиком. Чтобы, читая повесть, мы увидели разные стороны героя, автор через рассказчика предостерегает нас от одностороннего, неглубокого понимания действия.

Так и у Лескова. Автор не равен рассказчику. Вряд ли Лесков приветствует такое безоговорочное подчинение народа жестоким порядкам, как рассказчик. Рассказчик согласен с левшой, что англиские порядки православному человеку чужды. Даже когда англичане пытаются объяснить левше, что они также верят в Иисуса Христа, у них тоже Евангелие, левша говорит: «Евангелие, действительно, у всех одно, а только наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее». Мы слышим иронию автора, ведь объяснения левши, в отличие от объяснений англичан, лишены логики. Автор, скорее всего, жалея соотечественников и восхищаясь их талантами, разделяет гуманное отношение к человеку западных людей. Недаром впервые выражение «шкура овечкина, да душа человечкина» мы слышим из уст англичанина, а в конце сказа автор повторяет его.

В рассказах Зоценко тоже есть рассказчик. Автор намеренно представляет его недалеким обывателем, который и своим косноязычием, и такими же мелкими и нелепыми мыслями сам раскрывает свое скудоумие. В рассказе «Происшествие» он мечтает о том, что «детишки, может быть, подрастут и определенно выровняют нашу некультурность». Желание говорить витиевато, культурно приводит рассказчика к нелепости слога, и мы над ним смеемся. Гражданина, который великодушно решил помочь молодой матери, рассказчик все время называет «который в сандалиях», подчеркивая в нем только внешние, несхожие с остальными пассажирами черты. Рассуждения рассказчика о необходимости детей для государства остаются для всех в вагоне, в том числе и для него, просто лозунгами, они не побуждают их к действию. Реакция пассажиров на то, что мать не вернулась в

вагон и оставила ребенка, очень жестокая: никто не взялся помогать пассажиру, «который в сандалиях». Но после возвращения матери автор дает нам возможность поверить в добрые чувства людей. Именно их смех помогает пассажиру с улыбкой простить уставшую женщину, не видеть коварства в ее действиях. Общий добрый смех преодолевает черствость и недоверие. Наверное, поэтому этот рассказ Зощенко поместил в «Голубую книгу», где надежды больше, чем иронии.

Константин Георгиевич Паустовский

(1892—1968)

Когда в 60-е годы XX века знаменитая на весь мир американская актриса и певица Марлен Дитрих приехала на гастроли в Москву, то на одном из концертов, на котором присутствовал Паустовский, она не могла удержаться от слов благодарности и признательности в его адрес. Для всех стало очевидно, что не только в Советском Союзе, где Паустовский к середине 50-х годов стал одним из самых читаемых авторов, но и во всем мире в сердцах людей нашли отклик его доброта, чуткость и отзывчивость. Во всех произведениях писателя отчетливо слышны его голос, его жизненная позиция и отношение к людям. В этом смысле очень дорога Константину Георгиевичу была его книга «Золотая роза», рассказывающая, по словам автора, о «моем понимании писательства».

и моем опыте». По мнению Паустовского, писатель всегда выразитель мыслей и чувств своих современников, на всем, к чему он прикасается, лежит отпечаток его личности. И всегда в своем творчестве Паустовский утверждал высокие идеалы человечности. Предложенный вам рассказ «Старик в станционном буфете», включенный в книгу «Золотая роза», дает нам возможность почувствовать и авторскую нежность, и авторскую боль души, а значит, заглянуть в собственную душу и стать более внимательными, чуткими к другим людям. Прочитав рассказ, подумайте над вопросом: «Как вы изменились после прочтения этого рассказа»?

СТАРИК В СТАНЦИОННОМ БУФЕТЕ

Худой старик с колючей щетиной на лице сидел в углу станционного буфета в Майори. Над Рижским заливом свистящими полосами проносились зимние шквалы. У берегов стоял толстый лед. Сквозь снежный дым было слышно, как грохочет прибой, налетая на крепкую ледяную закраину.

Старик зашел в буфет, очевидно, погреться. Он ничего не заказывал и понуро сидел на деревянном диване, засунув руки в рукава неумело заплатанной рыбацкой куртки.

Вместе со стариком пришла белая мохнатая собачка. Она сидела, прижавшись к его ноге, и дрожала.

Рядом со столиком шумно пили пиво молодые люди с тугими, красными затылками. Снег таял у них на шляпах. Талая вода капала в стаканы с пивом и на бутерброды с копченой колбасой. Но молодые люди спорили о футбольном матче и не обращали на это внимания.

Когда один из молодых людей взял бутерброд и откусил сразу половину, собачка не выдержала. Она подошла к столику, стала на задние лапы и, заискивая, начала смотреть в рот молодому человеку.

— Пети! — тихо позвал старик. — Как же тебе не стыдно! Зачем ты беспокоишь людей, Пети?

Пети продолжала стоять, и только передние лапы у нее все время дрожали и опускались от усталости. Когда они касались мокрого живота, собачка спохватывалась и подымала их снова. Но молодые люди не замечали ее. Они были увлечены разговором и то и дело подливали себе в стаканы холодное пиво.

— Пети! — снова позвал старик. — А Пети! Ступай сюда!

Собачка несколько раз быстро мотнула хвостом, как бы давая понять старику, что она его слышит и извиняется, но ничего с собой поделать не может. На старика она не взглянула и даже отвела глаза совсем в другую сторону. Она как бы говорила: «Я сама знаю, что это нехорошо. Но ты же не можешь купить мне такой бутерброд».

— Эх, Пети, Пети! — шепотом сказал старик, и голос его чуть дрогнул от огорчения.

Пети снова вильнула хвостом и, сколь могла, умоляюще посмотрела на старика. Она как бы просила его больше ее не звать и не стыдить, потому что у нее самой нехорошо на душе и она, если бы не крайность, никогда бы, конечно, не стала просить у чужих людей. Наконец один из молодых людей, скуластый, в зеленой шляпе, заметил собаку.

— Просишь, стерва? — спросил он. — А где твой хозяин?

Пети радостно вильнула хвостом, взглянула на старика и даже чуть взвизгнула.

— Что же это вы, гражданин! — сказал молодой человек. — Раз собаку держите, так должны кормить. А то некультурно получается. Собака у вас милостыню выпрашивает. Нищенство у нас запрещено законом.

Молодые люди захохотали.

— Ну и отмочил, Валька! — крикнул один из них и бросил собачке кусок колбасы.

— Пети, не смей! — крикнул старик. Обветренное его лицо и тощая, жилистая шея покраснели.

Собачка сжалась и, опустив хвост, подошла к старику, даже не взглянув на колбасу.

— Не смей брать у них ни крошки! — сказал старик.

Он начал судорожно рыться в карманах, достал немного серебряной и медной мелочи и начал пересчитывать ее на ладони, сдувая мусор, прилипший к монетам. Пальцы у него дрожали.

— Еще обижается! — сказал скуластый молодой человек. — Какой независимый, скажи пожалуйста!

— А, брось ты его! На что он тебе сдался? — примирительно сказал один из молодых людей, наливая всем пиво.

Старик ничего не ответил. Он подошел к стойке и положил горсть мелких денег на мокрый прилавок.

— Один бутерброд! — сказал он хрипло.

Собачка стояла рядом с ним, поджав хвост. Продавщица подала старику на тарелке два бутерброда.

— Один! — сказал старик.

— Берите! — тихо сказала продавщица. — Я на вас не разорюсь...

— Палдиес! — сказал старик. — Спасибо!

Он взял бутерброды и вышел на платформу. Там никого не было. Один шквал прошел, второй подходил, но был еще далеко на горизонте. <...>

Старик сел на скамейку, дал один бутерброд Пети, а другой завернул в серый носовой платок и спрятал в карман. Собачка судорожно ела, а старик, глядя на нее, говорил:

— Ах, Пети, Пети! Глупая собака!

Но собачка не слушала его. Она ела. Старик смотрел на нее и вытирал рукавом глаза — они у него слезились от ветра.

Вопросы и задания

1. Какие чувства рождает в вас этот рассказ?
2. Попробуйте составить словесный портрет старика и его собаки.
3. Подумайте, какие жизненные обстоятельства могли сделать жизнь старика такой одинокой и бесприютной?
4. Какой смысл автор вкладывает в слова, когда пишет, что собачка «как бы давала понять, что слышит и извиняется, но ничего с собой поделать не может»? Согласны ли вы с тем, что домашнее животное способно испытывать такие сложные чувства?
5. Почему голос хозяина «дрожит от огорчения», когда собачка не может отойти от стола, за которым едят люди?
6. Что заставляет хозяина так настойчиво убеждать собачку не кланчить еду?
7. Почему старик вызывает такое озлобление у молодых людей?
8. Как вы думаете, почему старик дает собачке только один бутерброд? Для кого предназначен второй?
9. С какой интонацией старик произносит фразу «Ах, Пети, Пети! Глупая собака!» в середине рассказа и в конце его?

Валентин Григорьевич Распутин

(Род. в 1937 г.)

С. Залыгин в предисловии к повестям Распутина написал: «Валентин Распутин вошел в нашу литературу сразу, почти без разбега, и как истинный мастер слова. А повторять, что произведения его значительны, что, минуя их, сегодня уже нельзя серьезно рассуждать о нынешней русской прозе, нет, очевидно, никакой необходимости».

Валентин Григорьевич Распутин родился 15 марта 1937 года в Сибири, в поселке Усть-Уда Иркутской области, возле реки Ангары, в крестьянской семье. И рос в этих же местах, в деревне с красивым напевным именем Аталанка.

Ангара, Сибирь, тайга сыграли главную роль в писательском становлении Распутина. «Когда-то в

неотмеченную минуту вышел я к Ангаре и обомлел — и от вошедшей в меня красоты обомлел, а также из явившегося из нее сознательного и материального чувства Родины», — писал позже В. Распутин.

Он рано остался без отца (арестованного и сгинувшего в тюрьме в конце 40-х годов). Скучное и драматическое, но по-своему чистое детство этих лет описано в автобиографическом рассказе «Уроки французского».

В середине 50-х годов Валентин Распутин — студент историко-филологического факультета Иркутского университета; по окончании учебы в 1959 году несколько лет работал журналистом в Сибири, а в 1966 году он выпустил свою первую книгу «Я забыл спросить у Лешки», которая состояла из очерков и небольших рассказов, написанных под влиянием журналистских впечатлений.

Всероссийская известность писателя началась после опубликования им повести «Деньги для Марии». Затем в течение десяти лет В. Распутин опубликовал еще ряд рассказов и четыре повести, каждая из которых стала событием в литературе: «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой». В 1985 году появилась новая повесть писателя — «Пожар», за которую В. Г. Распутину была присуждена Государственная премия.

Когда Распутину спрашивают о том, как он стал писателем, он отвечает, что писателем человека делает его детство, способность в раннем возрасте увидеть и почувствовать все то, что потом ему дает право взяться за перо.

В Аталанке, научившись читать, Распутин навсегда полюбил книгу. «Свое знакомство с книгами я начал с... воровства. Мы с приятелем одно лето час-

тенько забирались в библиотеку. Вынимали стеклинку, влезали в комнату и брали книги. Потом приходили, возвращали прочитанные, брали новые... За лето я настолько пристрастился к чтению, что, придя в школу, почувствовал себя несчастным человеком: читать-то стало нечего, а без книг я уже не мог... — вспоминает Распутин. — В то время я читывал все, что попадалось на глаза — будь то брошюра, или обрывок газеты, или плакат. А когда перешел в пятый класс, учиться стал в районном центре. Там уже была библиотека. И книги в ней были доступны». Переход в пятый класс не был обычным. Это была целая история, к тому же драматичная, полная переживаний.

Рассказ, с которым вам предстоит познакомиться, автобиографичен, но в нем есть и художественный вымысел. Что вдохновляло писателя? Вот как ответил на этот вопрос сам Распутин: «Написав рассказ «Уроки французского», я считал, что только начал отдавать свой благодарный долг школе и учителю. К сожалению, до конца я его не исполнил. Может быть, еще удастся... Надо бы! Учитель заслужил большего, чем о нем сказано и говорят!»

Прочитайте рассказ В. Г. Распутина «Уроки французского» и подумайте над вопросами и заданиями.

Вопросы и задания

1. Какие эпизоды рассказа взволновали вас больше всего?
2. Если бы вам предложили иллюстрировать рассказ, какие рисунки вы бы нарисовали?
3. Почему рассказ называется «Уроки французского»?

4. Как вы понимаете слова, сказанные Лидией Михайловной: «Иногда надоедает быть учительницей, учить и учить без конца»?
5. Какими вы увидели в рассказе директора школы, учительницу и мальчика? Создайте их словесные портреты.
6. Как характеризуют директора слова автора: «Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину... казалось, будто наглухо застегнутый, оттопыривающийся темный френч двигается самостоятельно, чуть поперед директора»?
7. Напишите диалог директора и Лидии Михайловны о ее «педагогическом преступлении». Открыла учительница истинную причину игры на деньги или нет?
8. В чем автор сходен с героем и чем отличается от него?
9. Почему именно так заканчивается рассказ «Уроки французского»: «Существует та вина, не за то, что было в школе, а за то, что стало с нами после»?
10. Какое впечатление оставляет у вас финал рассказа и как он связан со вступлением?

Задания

1. Подготовьте устный рассказ на следующие темы: «Герой и его сверстники», «Мальчик и школа», «Герой и учительница».
2. Напишите рассказ о том, что произошло с Лидией Михайловной в последующие после «разоблачения» три дня, после чего она уехала.

АВТОР И ГЕРОЙ В РАССКАЗЕ

Своеобразие большого художника раскрывается только благодаря конкретному анализу его произведений. Откроем рассказ «Уроки французского» (1973) и попытаемся выяснить, чем определяется его смысл.

Рассказ «Уроки французского» предваряет авторское посвящение Анастасии Прокопьевне Копыловой, сельской учительнице, матери Александра Вампилова (незаурядной личности, драматурга, сибиряка, друга В. Г. Распутина, с пьесами которого вы познакомитесь в старшей школе).

Повествование ведется от первого лица. Автор рассказывает о своем детстве. Время действия обозначено точно уже с первых строк: «Я пошел в пятый класс в сорок восьмом году». Далее сразу следует характеристика основной ситуации, с которой столкнулся главный герой, одиннадцатилетний мальчик. Оказывается, в деревне, где он жил, была только начальная школа, поэтому матери пришлось отправить сына за пятьдесят километров в районный городок. «Квартировать» ему предстояло у знакомых.

Казалось бы, события эти заурядны. Но есть в рассказе фраза, которая придает тексту знаменательный смысл: «Так в одиннадцать лет началась моя самостоятельная жизнь». Постараемся понять эту жизнь героя, которому было столько же лет, сколько сейчас вам.

В рассказе сурово и правдиво показано тяжелое послевоенное время. Быт, люди не всегда милосердны. Дети плохо одеты, недоедают, иногда голодают, многие обычные сейчас для нас продукты они не только не ели, но и никогда не видели. Но особенно тяжело жить было в городе, так как в деревне голодное время все-таки переносить легче. «Голод здесь совсем не походил на голод в деревне...» — пишет В. Распутин. Из авторского описания городской жизни героя мы узнаем, что учился он хорошо, только один предмет давал-

ся ему с трудом — французский язык. Но не это было самое трудное. Главным «врагом» оставался голод: продуктов, присылаемых матерью, не хватало.

«Голод в тот год еще не отступил, а нас у матери было трое». В. Распутин ничего не говорит об отце мальчика, но нетрудно догадаться, что он, скорее всего, погиб во время Великой Отечественной войны, детей растила одна мать. Непросто мальчишке начинать самостоятельную жизнь в таких обстоятельствах. Немногие детали деревенской жизни героя, сообщаемые автором, оттеняют не только личную судьбу мальчика, но и судьбу народную. Перед нами судьба одиннадцатилетнего подростка, судьба ровесника поколения, обобщенный образ которого и воплотил Распутин, так и не назвав мальчика конкретным именем. С одной стороны, это рассказ-автобиография, с другой — типичная история ребенка послевоенной поры.

Герой В. Распутина знакомится с компанией мальчишек, которые тайком от взрослых играют на деньги в «чику» (подробное описание игры есть в рассказе). Несмотря на то что подобные игры запрещены и расцениваются как серьезный проступок, герой рассказа также вступает в игру. Только в отличие от других «игроков», ищущих развлечения, у него есть особая цель: игра была нужна ему только для того, чтобы «заработать» рубль и купить себе молоко, поскольку молоко — это спасение от голода и слабости, а затем, когда нужда стала сильнее, — и хлеба.

Но он отличается еще и другими чертами характера: «добросовестный», относиться к чему-нибудь

спустя рукава он не умел, «упорный и настойчивый» — он тренирует свой глаз и руку для меткой игры на деньги, так как играть на деньги его побудили именно нужда и голод.

В доме, где он квартировал, его беспощадно обворовывали, тайком забирая продуктовые запасы, но он ни разу не пожаловался на это, так как понимал, что ничего бы не изменилось, кроме того, что ему пришлось бы искать себе другое жилье. Поэтому игра для него — это единственный способ выжить, другого он не знал.

Главным в детской компании был мальчик из седьмого класса по имени Вадик. Он выделяется среди других ребят «своей силой и властью». Но вот слабый, страдающий от недоедания деревенский паренек начинает обыгрывать «рослого и крепкого» Вадика. В конце концов, не желая признать свое поражение, Вадик провоцирует драку и силой прогоняет с игровой площадки своего удачливого противника.

Когда мальчик сталкивается с несправедливостью, упрямство и желание доказать правду берут верх, за что он и был избит.

В. Распутин обобщает, расширяет смысл данной сцены, вводя прямую речь героя: «Откуда мне было знать, что никогда еще никому не прощалось, если в своем деле он вырывается вперед. Эту науку пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре».

После этой сцены конфликт обостряется. Мальчик должен утром идти в школу, а у него на лице ссадины и синяки. Он боится, что классный руководитель (она же учительница французского языка) узнает об игре и что последует суровое наказание,

потому что директор школы человек очень строгий. Но необычность поведения учительницы поражает мальчика. Когда в классе открылось, что он играет на деньги, мальчик ожидает стереотипную реакцию учительницы (потащит к директору), но его ожидание не оправдалось. Лидия Михайловна, понимая, почему мальчик участвовал в запретной игре, не ведет его к директору, а только просит больше не играть на деньги.

Вскоре мальчик обнаруживает, что учительница пытается помочь ему, анонимно прислав на его имя посылку с продуктами. Когда же ученик наотрез отказывается ее принять, Лидия Михайловна велит приходить к ней домой для занятий французским языком, а сама каждый раз приглашает его пообедать вместе с нею. Но гордый и застенчивый мальчик упорно отказывается от этих приглашений. В характере мальчика привлекательна его настойчивость в овладении французским языком. Но в нем мы видим и безответность, и беспомощность, которые сочетаются со стеснительностью, робостью. Он терялся от всякого пустяка. Зная, что плохо одет, прятал ноги, чтобы учительница не видела его обуви. Однако в целом и характер Лидии Михайловны, и характер самого мальчика — удивительно сильный и цельный, способный противостоять всем жизненным обстоятельствам — в чем-то сходны.

Возникает парадоксальная ситуация. Один человек хочет искренне помочь другому в беде, но тот отказывается принять эту помощь.

С психологической точки зрения мы можем найти объяснение, отчего мальчик столь упрямо отталкивает от себя помощь учительницы. Конечно, здесь

сказывается не только его застенчивость, но и то, что Лидия Михайловна для него Учительница, да еще французского языка!

Чтобы преодолеть этот неожиданный барьер, Лидии Михайловне приходится пойти на хитрость: она уговаривает своего ученика сыграть с ней так же, как он играл с другими ребятами. Удивлению героя нет границ, но психологический барьер между учительницей и учеником оказывается сломлен. Мальчик поддается на хитрость учительницы и вновь начинает выигрывать деньги на молоко. Так окольным путем Лидия Михайловна все-таки достигает своей цели помочь одинокому, но одаренному и гордому ученику.

Не только поступки, но и облик учительницы необычны: «Не было видно в ее лице жестокости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре». Мальчика удивляют и слова Лидии Михайловны: «Иногда надоедает быть учительницей, учить и учить без конца... Иной раз полезно забыть, что ты учительница».

В рассказе мы видим определенное сходство характеров мальчика и учительницы. Оба они — люди честные, совестливые, правдивые и упрямые в достижении своей цели. Главное для них — и в этом смысл — выучиться! Ради этого «выучиться» мальчик играет на деньги, и ради этого же учительница предлагает эту опасную игру своему ученику, опасную прежде всего для нее. Но за этим стремлением выучиться стоит более глубокий урок — пожалуй, главный жизненный урок — стать человеком!

Лидия Михайловна знала, что никакой иной помощи просто так мальчик не примет, он возьмет только то, что сам заработал. Но понимает ли мальчик, что игру на деньги она избрала специально? У него вначале были сомнения: «Я по себе знал, что когда что-то не выходит, все делаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься», «Мне казалось, что Лидия Михайловна все время ожидающе присматривается ко мне». Сомнения не оставляли его, когда она пыталась ему подыгрывать, но... затем начала мошенничать. Зачем, с какой целью? Вероятнее всего, она решила его раззадорить, чтобы мальчик не думал, что игра идет ради него.

Между тем условности «школьной морали» вступают в силу, как только директор школы случайно узнает про эти странные отношения двух «игроков». На Лидию Михайловну падает обвинение в нарушении педагогической этики. Повествование завершается острой постановкой проблемы правоты и вины: ведь Лидия Михайловна во имя благородной цели действительно должна была нарушить правила педагогики.

«Уезжая, она сказала — на прощанье — учись спокойно, тебя никто не тронет...» — эти слова побуждают нас довообразить сцену объяснения Лидии Михайловны и директора. Мы можем догадаться, что всю вину учительница взяла на себя и ничего не рассказала директору, да он ее и не понял бы! Поэтому она и вынуждена была покинуть школу.

В описании облика директора есть одна яркая деталь, которая многое проясняет в его характере: «Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперед, в такт широким шагам плечи, каза-

лось, будто наглухо застегнутый, оттопыривающийся темный френч двигается самостоятельно, чуть поперед директора».

Мог ли такой человек-робот, «человек в футляре» наглухо застегнутого френча понять учительницу и ученика? Вряд ли. Ведь и с провинившимися учениками он не разговаривал, а допрашивал, изводя занудством своего вопроса: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» И успокаивался лишь тогда, когда ученик начинал плакать.

Директор сразу же определил поступок Лидии Михайловны как преступление, совращение, растление, еще не разобравшись ни в чем. «Педагогическое преступление» закончилось печально для учительницы. Но мальчик на всю жизнь сохранил благодарность этому человеку. Ее поступок стал для него уроком подлинной человечности. И не случайно потом он испытывал чувство вины перед учительницей.

Таким образом, в рассказе «Уроки французского» суть конфликта в противоречии между формальным и неформальным пониманием событий, между буквой и духом морали.

Рассказ В. Распутина затрагивает одну из вечных проблем человеческой жизни — проблему конкретного понимания нравственной нормы, проблему подлинной человечности. В своем творчестве писатель неоднократно обращался к подобным ситуациям, исследуя их с мастерством художника-реалиста, наделенного глубоким гуманистическим чувством живой правды. Это рассказ о благодарной, совестливой памяти перед учителями. Этот рассказ дает нам уроки подлинной человеческой доброты и милосердия. Мы долго жили в об-

ществе, где слово МИЛОСЕРДИЕ было изгнано из обихода, из жизни целого поколения. Рассказ «Уроки французского» — это рассказ о стремлении к доброте, гармонии, милосердию, нравственности, которые необходимо воспитывать в себе, воспитывать в себе человека совестливого или, как мы говорим, порядочного. Вот почему «существует та вина, не за то, что было в школе, а за то, что стало с нами после».

Антуан де Сент-Экзюпери

(1900—1944)

В старинной рыцарского рода семье графа Лимузенского де Сент-Экзюпери было пятеро детей. Антуану было четыре года, когда его отец умер, и мать одна воспитывала детей. Маленький Тонио (так звали Антуана в семье) так был привязан к матери, что ходил за ней по пятам с маленьким зеленым стульчиком, на котором отдыхал, если мать останавливалась. Мать была очень музыкальным человеком, и Антуан стал играть на скрипке. Страсть к музыке осталась с ним на всю жизнь. Его сестра Симона вспоминала: «Наше детство — это семейный дом, мир животных, мир растений нашего парка». Очень рано в Антуане проснулась страсть к небу, к полетам. К велосипеду он приделал экран из ивовых прутьев и простыни. Он надеялся, что,

разогнавшись, полетит. В 1912 году он впервые летал на самолете — знаменитый летчик Ведрин взял мальчика с собой. С тех пор он бредил небом. В колледже, где он учился вместе с братом, его прозвали Луноглядом за всегда поднятые вверх глаза.

Во время Первой мировой войны мать Антуана становится сестрой милосердия и служит в госпитале до конца войны, а Антуан прерывает свое обучение на архитектурном факультете и записывается добровольцем в истребительную авиацию. С тех пор начинается его судьба летчика. После войны он летал в Африке, где налаживал контакты с местными племенами, а по ночам писал рассказы и сказки. «Я воспитываю лисенка-фенека, зовется также лисой-одиночкой. Он меньше кошки, и у него огромные уши. Он очарователен», — писал Антуан своей сестре Габриэль. Романы и повести Антуана де Сент-Экзюпери начинают печатать, а он продолжает летать. «Оказывается, я не могу писать, если не летаю», — признавался он матери.

Много раз Антуан спасает своих товарищей, сам чудом остается жив, когда отказывает двигатель. За военные заслуги Сент-Экзюпери награжден орденом Почетного легиона — высшей наградой Французской республики. Когда начинается Вторая мировая война, его уже не допускают к полетам по состоянию здоровья, но он рвется на фронт, летать. В 1943 году его все же зачисляют во французскую эскадрилью. «В сорок четыре года я все еще, как юноша, летаю со скоростью восемьсот километров в час... Я, вне всяких сомнений, — старейшина военных летчиков всего мира», — делится Экзюпери с другом. В его последнем письме, найденном уже после того, как 31 июля 1944 года Антуан де Сент-Экзюпери не вер-

нулся из полета, было написано: «Я создан был, чтобы стать садовником».

Леон Верт, друг писателя, сам известный французский писатель и критик, которому Антуан де Сент-Экзюпери посвятил сказку-притчу «Маленький принц», которую вы будете читать, написал о своем друге: «Героизм, который легко изобразить в лубочных картинках, был у него сам собой разумеющимся».

Прочитайте сказку-притчу «Маленький принц» и подумайте над вопросами.

Вопросы

1. С каким чувством вы закончили читать «Маленького принца»?
2. Как автор относится к героям сказки: Розе, обитателям планет, которые посещает принц, Лису?
3. Как выглядел Маленький принц на своей планете и на планете, где жил честолюбец? Как он чувствовал себя в своем мире и в мире взрослых?
4. Как выглядела Роза после того, как Маленький принц покинул свою планету?
5. Объясните фразу Лиса «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».
6. Попробуйте разделить сказку на 4 части. Обозначьте конец каждой части и объясните, почему вы так разделили текст.
7. Почему, любя Розу, принц покидает ее?
8. Когда Маленький принц понял, что любит Розу?

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

С РИСУНКАМИ АВТОРА

В сокращении

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я
посвятил эту книжку взрослому.

Скажу в оправдание: этот взрослый —
мой самый лучший друг.

И еще: он понимает все на свете,
даже детские книжки.

И, наконец, он живет во Франции,
а там сейчас голодно и холодно.

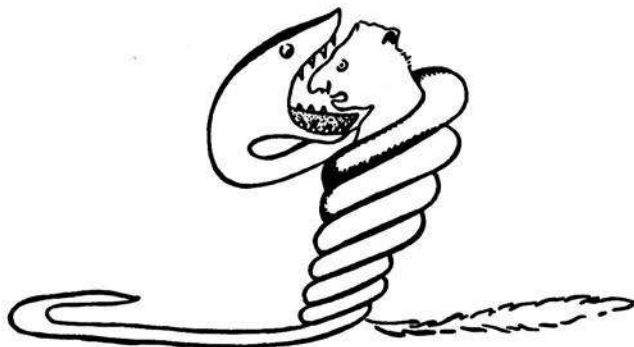
И он очень нуждается в утешении.

Если же все это меня не оправдывает,
я посвящу свою книжку тому мальчику,
каким был когда-то мой взрослый друг.
Ведь все взрослые сначала были детьми,
только мало кто из них об этом помнит.

Итак, я исправляю посвящение:
Леону Верту, когда он был маленьким.

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием
«Правдивые истории», где рассказывалось про дев-
ственные леса, я увидел однажды удивительную кар-
тинку. На картинке огромная змея — удав — глотала
хищного зверя. Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно все объяснять. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень

пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьешься с пути.

На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

Вопросы и задания

1. Можно ли, по вашему мнению, проверить «разумность и понятливость» взрослых, показав им рисунок № 1?
2. Как рассказчик относится к взрослым?
3. Как бы вы охарактеризовали тех взрослых, которые видели в рисунке № 1 шляпу?
4. Почему взрослые посоветовали мальчику не рисовать удавов «ни снаружи, ни внутри»?

II

Так я жил в одиночестве, и не с кем мне было поговорить по душам. И вот шесть лет назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что по-

пробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Надо было исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, — и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

— Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

— А?..

— Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Начал осматриваться. И вижу — стоит необыкновенный какой-то малыш и серьезно меня разглядывает.

Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это

не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые внушили мне, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычное явление.

Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я все-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать.

Он ответил:

— Все равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать: удава снаружи.

И очень изумился, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома все очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал:

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал:

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся:

— Ты же сам видишь, это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому:

Но он и от этого рисунка отказался:

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь надо было поскорей разобрать мотор — и нацарапал вот что:

И сказал малышу:

— Вот тебе ящик. А в нем сидит твой барашек.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много он ест травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

— Не такого уж маленького... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Мой барашек уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

Вопросы

1. Какие детали портрета Маленького принца вас заинтересовали?
2. Почему принц просил нарисовать ему именно барашка? И почему ему понравился рисунок, где самого барашка нет?

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но когда я спрашивал о чем-нибудь, он будто и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне все открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолет (самолет я рисовать не стану, мне все равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолет. Мой самолет. Он летает.

И я с гордостью объяснил, что умею летать. Тогда малыш воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я и спросил напрямик:

— Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

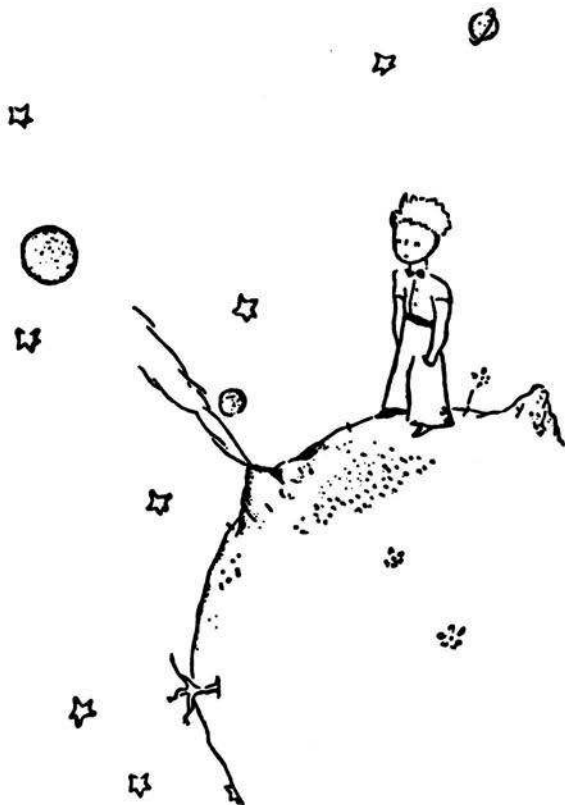
Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая самолет:

— Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чем-то. Потом вынул из кармана барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось мое любопытство от его полупризнания о «других планетах». И я попытался разузнать побольше:

— Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если ты его не привяжешь, он забредет неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдет?

— Мало ли куда? Все прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьезно:

— Это ничего, ведь у меня там очень мало места.

И прибавил не без грусти:

— Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...

Вопросы и задания

1. Почему Маленький принц звонко рассмеялся, когда узнал, что летчик «упал с неба»?
2. Почему Маленький принц, увидевший самолет, был уверен, что «на этом» летчик «не мог прилететь издалека»?
3. Проследите, как меняется настроение Маленького принца в процессе диалога. Объясните, чем вызваны эти перемены. Прочитайте диалог в лицах.

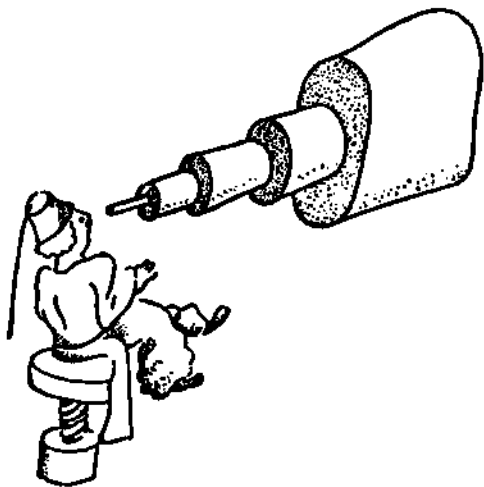
IV

Так я сделал еще одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что, кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, существуют еще сотни других, которым даже имен не дали, и среди них такие маленькие, что их и в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он дает ей не имя, а просто номер. Например: астероид 3251.

У меня есть веские основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется астероид Б-612. Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

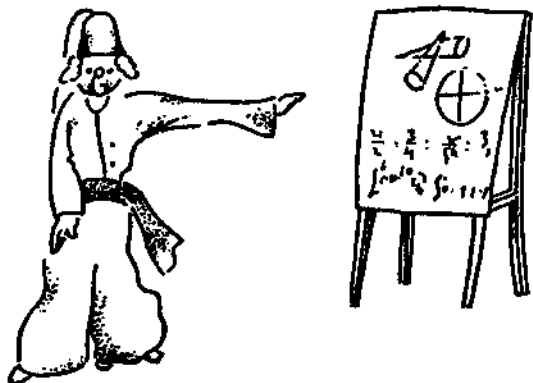
Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но никто ему не поверил, а всё потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрос-

лые! К счастью для репутации астероида Б-612, правитель Турции велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье.

В 1920 году тот астроном снова доложил о своем открытии. На этот раз он был одет по последней моде — и все с ним согласились.

Я вам рассказал так подробно об астероиде Б-612 и даже сообщил его номер только из-за взрослых. Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?» И после этого воображают, что узнали человека. Когда говоришь взрослым: «Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби», — они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: «Я видел дом за сто тысяч франков», — и тогда они восклицают: «Какая красота!»

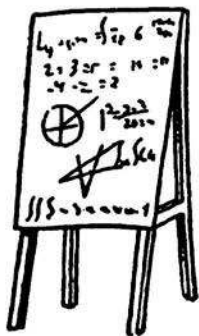

Точно так же, если им сказать: «Вот доказательства, что Маленький принц на самом деле существовал: он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось иметь барашка. А кто хочет барашка, тот уж, конечно, существует», — если сказать так, они только пожмут плечами и посмотрят на тебя, как на несмышленного младенца. Но если сказать им: «Он прилетел с планеты, которая называется астероид Б-612», — это их убедит, и они не станут докучать вам расспросами. Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.

Но мы, те, кто понимает, что такое жизнь, мы, конечно, смеемся над номерами и цифрами! Я охотно начал бы эту повесть как волшебную сказку. Я хотел бы начать так:

«Жил да был Маленький принц. Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга...» Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу увидели бы, что это гораздо больше похоже на правду.

Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книжку читали просто ради забавы. Слишком больно вспоминать и нелегко мне об этом рассказывать. Вот уже шесть лет, как

Не так это просто — в моем возрасте вновь приниматься за рисование, если за всю жизнь только и нарисовал, что удава снаружи и изнутри, да и то в шесть лет! Конечно, я постараюсь передать сходство как можно лучше. Но совсем не уверен, что у меня это получится. Один портрет выходит удачно, а другой ни капли не похож. Вот и с ростом тоже: на одном рисунке принц у меня чересчур большой, на другом — чересчур маленький. И я плохо помню, какого цвета была его одежда. Я попробую рисовать и так и эдак, наугад, с грехом пополам. Наконец, я могу ошибиться и в каких-то важных подробностях. Но вы уж не взыщите. Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он. Но я, к сожалению, не умею увидеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверно, я старею.

1. Что вам показалось смешным в этой главке, а что грустным?
2. Что нового вы узнали о взрослых и об отношении к ним рассказчика?
3. Почему взрослые поверили бы в Маленького принца, прилетевшего с планеты Б-612, и не поверили бы в него, если бы рассказчик начал по-иному историю Маленького принца?
4. Почему Маленький принц никогда ничего не объяснял летчику?
5. Перечитайте последний абзац. О чем грустит летчик?

V

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он ее покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабами.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

- Скажи, ведь правда, барашки едят кусты?
- Да, правда.
- Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

- Значит, они и баобабы тоже едят?

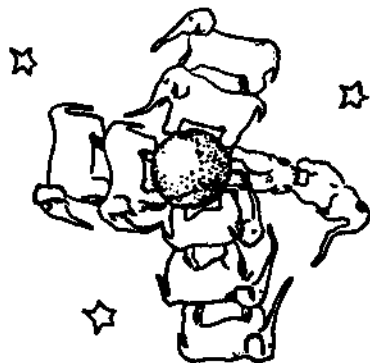
Я возразил, что баобабы — не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и, если даже он приведет целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услышав про слонов, Маленький принц засмеялся:

- Их пришлось бы поставить друг на друга...

А потом сказал рассудительно:

- Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

— Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

— А как же! — воскликнул он, словно речь шла о самых простых, азбучных истинах. И пришлось мне поломать голову, пока я додумался, в чем тут дело.

На планете Маленького принца, как и на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землей, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый, безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть его растет на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать ее с корнем, как только ее узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронижет ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки.

— Есть такое твердое правило, — сказал мне после Маленький принц. — Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли.

— Если им когда-нибудь придется путешествовать, — сказал он, — это им пригодится. Иная работа может и подождать немного, вреда не будет. Но если дашь волю баобабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполол вовремя три кустика...

Маленький принц подробно мне все описал, и я нарисовал эту планету. Терпеть не могу читать людям нравоучения. Но мало кто знает, чем грозят бао-

бабы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадет на астероид, очень велика, — вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной сдержанности. «Дети! — говорю я. — Берегитесь баобабов!» Я хочу предупредить моих друзей об опасности, которая давно уже их подстерегает, а они даже не подозревают о ней, как не подозревал прежде и я. Вот почему я так трудился над этим рисунком и мне не жаль потраченного труда. Быть может, вы спросите: отчего в этой книжке нет больше таких внушитель-

ных рисунков, как этот, с баобабами? Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно.

Вопрос

О какой опасности предупреждает рассказчик детей?

VI

О Маленький принц! Понемногу я понял также, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение: ты любовался закатом. Я узнал об этом наутро четвертого дня, когда ты сказал:

— Я очень люблю закат. Пойдем посмотрим, как заходит солнце.

— Ну, придется подождать.

— Чего ждать?

— Чтобы солнце зашло.

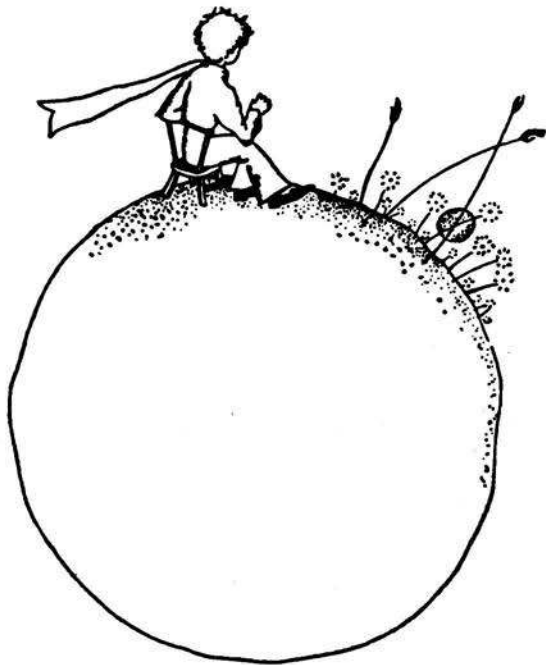
Сначала ты очень удивился, а потом засмеялся над собою и сказал:

— Мне все кажется, что я у себя дома!

И в самом деле. Все знают, что, когда в Америке полдень, во Франции солнце уже заходит. И если бы за одну минуту перенестись во Францию, можно было бы полюбоваться закатом. К несчастью, до Франции очень, очень далеко. А на твоей планетке тебе довольно было передвинуть стул на несколько шагов. И ты опять и опять смотрел на закатное небо, стоило только захотеть...

— Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!

И немного погодя ты прибавил:

— Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...

— Значит, в тот день, когда ты видел сорок три заката, тебе было очень грустно?

Но Маленький принц не ответил.

Вопрос

Почему Маленький принц любил смотреть, как заходит солнце?

VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришел к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

— Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

- Он ест все, что попадетсЯ.
- Даже такие цветы, у которых шипы?
- Да, и те, у которых шипы.
- Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело одну гайку, и я старался ее отвернуть. Мне было не по себе, положение становилось серьезным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

- Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц не отступался, пока не получал ответа. Неподатливая гайка выводила меня из терпения, и я ответил наобум:

— Шипы ни за чем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

- Вот как!

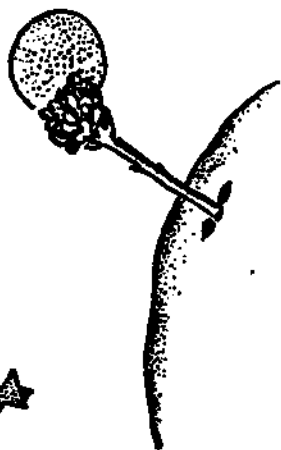
Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

— Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают, если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: если эта гайка и сейчас не поддастся, я так стукну по ней молотком, что она разлетится вдребезги. Маленький принц снова перебил мои мысли:

- А ты думаешь, что цветы...

— Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьезным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Серьезным делом?!

Он все смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

— Ты говоришь, как взрослые! — сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

— Все ты путаешь... Ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он потрянул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

— Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьезный! Я человек серьезный!» — совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

— Что?

— Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

— Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело — понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого

больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмет и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это, по-твоему, не важно?

Он покраснел. Потом снова заговорил:

— Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, — этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...» Но если барашек его съест, это все равно как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Я и думать забыл про злополучную гайку и молоток, про жажду и смерть. На звезде, на планете — на моей планете по имени Земля — плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я не знал, что еще ему сказать. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня? Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез...

Вопросы и задания

1. Почему Маленький принц разрыдался?
2. Что важно и что не важно для Маленького принца?
3. Как он понимает любовь?
4. Подготовьте выразительное чтение главки.
5. *Почему летчик, утешающий Маленького принца, «чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим»?

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались ноутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-нибудь мак.

Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

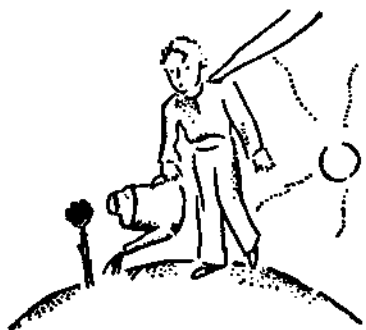
И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позевывая:

— Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

— Как вы прекрасны!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостя не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

— Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

— Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

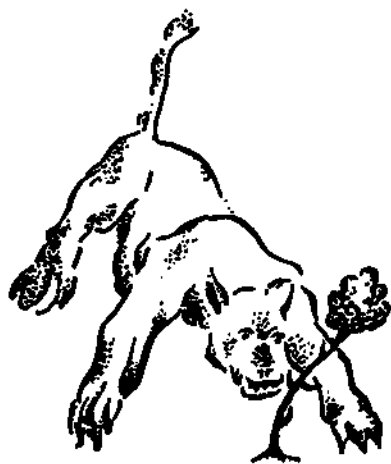
— Я не трава, — тихо заметил цветок.

— Простите меня...

— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

— Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком

холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед ней виноват:

— Где же ширма?

— Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

— Напрасно я ее слушал, — доверчиво сказал он мне однажды. — Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти раз-

говоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать! За этими жалкими хитростями и уловками надо было угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелетными птицами. В последнее утро он старательней обыкновенного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан. «Но, — сказал он, — мало ли что может случиться?» Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана — это все равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Потом Маленький принц не без грусти вырвал последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в то утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть колпаком, ему даже захотелось плакать.

— Прощайте, — сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте, — повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

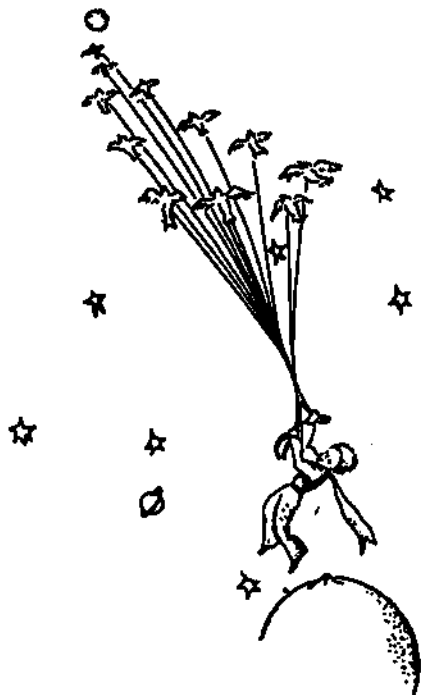
— Я была глупая, — сказала она наконец. — Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц очень удивился. Он застыл, растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя, — услышал он. — Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я — цветок.

— Но звери, насекомые...

— Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, наверно, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти — так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

Вопрос

Почему Маленький принц, любя Розу, покинул ее и свою планету?

Ближе всего к планете Маленького принца были астероиды 325, 326, 327, 328, 329 и 330. Вот он и решил для начала посетить их: надо же найти себе занятие да и поучиться чему-нибудь.

На первом астероиде жил король. Облаченный в пурпур и горноста́й, он восседал на троне, очень простом и все же величественном.

— А, вот и подданный! — воскликнул король, увидав Маленького принца.

«Как же он меня узнал? — подумал Маленький принц. — Ведь он видит меня в первый раз!»

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди — подданные.

— Подойди, я хочу тебя рассмотреть, — сказал король, ужасно гордый тем, что может быть для кого-то королем.

Маленький принц оглянулся — нельзя ли где-нибудь сесть, но великолепная горноста́евая мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал... и вдруг он зевнул.

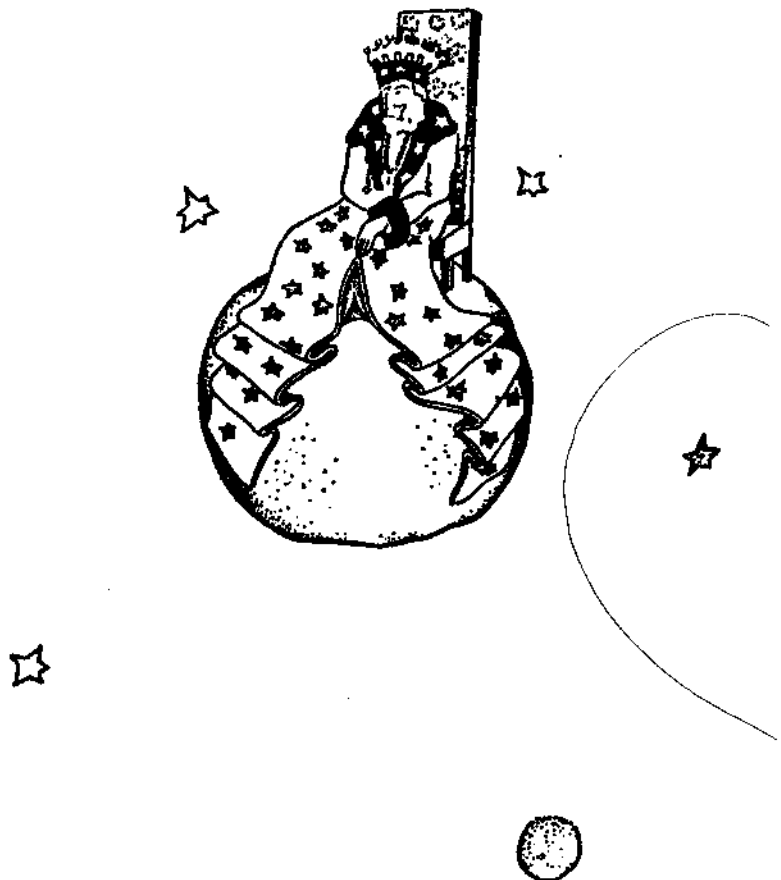
— Этикет не разрешает зевать в присутствии монарха, — сказал король. — Я запрещаю тебе зевать.

— Я нечаянно, — ответил Маленький принц, очень смущенный. — Я долго был в пути и совсем не спал...

— Ну, тогда я повелеваю тебе зевать, — сказал король. — Многие годы я не видел, чтобы кто-нибудь зевал. Мне это даже любопытно. Итак, зевай! Таков мой приказ.

— Но я робею... я больше не могу... — вымолвил Маленький принц и густо покраснел.

— Гм, гм... Тогда... тогда я повелеваю тебе то зевать, то...

Х

Король запутался и, кажется, даже немного рассердился.

Ведь для короля самое важное — чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания.

«Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, — говаривал он, — и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя».

— Можно мне сесть? — робко спросил Маленький принц.

— Повелеваю: сядь! — отвечал король и величественно подобрал одну полу своей горностаевой мантии.

Но Маленький принц недоумевал. Планетка такая крохотная. Где же тут царствовать?

— Ваше величество, — начал он, — можно вас спросить...

— Повелеваю: спрашивай! — поспешно сказал король.

— Ваше величество... где же ваше королевство?

— Везде, — просто ответил король.

— Везде?

Король повел рукою, скромно указывая на свою планету, а также и на другие планеты и на звезды.

— И все это ваше? — переспросил Маленький принц.

— Да, — отвечал король.

Ибо он был поистине полновластный монарх и не знал никаких пределов и ограничений.

— И звезды вам повинуются? — спросил Маленький принц.

— Ну, конечно, — отвечал король. — Звезды повинуются мгновенно. Я не терплю непослушания.

Маленький принц был восхищен. Вот бы ему такое могущество! Он бы тогда любовался закатом не сорок четыре раза в день, а семьдесят два, а то и сто, и двести раз, и при этом даже не приходилось бы передвигать стул с места на место! Тут он снова загрустил, вспоминая свою покинутую планету, и, набравшись храбрости, попросил короля:

— Мне хотелось бы поглядеть на заход солнца... Пожалуйста, сделайте милость, повелите солнцу закатиться...

— Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказаний, кто будет в этом виноват — он или я?

— Вы, ваше величество, — ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц.

— Совершенно верно, — подтвердил король. — С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть прежде всего должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.

— А как же заход солнца? — напомнил Маленький принц: раз о чем-нибудь спросив, он уже не отступался, пока не получал ответа.

— Будет тебе и заход солнца. Я потребую, чтобы солнце зашло. Но сперва дождусь благоприятных условий, ибо в этом и состоит мудрость правителя.

— А когда условия будут благоприятные? — осведомился Маленький принц.

— Гм, гм, — ответил король, листая толстый календарь. — Это будет... гм, гм... сегодня это будет в семь часов сорок минут вечера. И тогда ты увидишь, как точно исполнится мое повеление.

Маленький принц зевнул. Жаль, что тут не поглядишь на заход солнца, когда захочется! И, по правде говоря, ему уже стало скучновато.

— Мне пора, — сказал он королю. — Больше мне здесь нечего делать.

— Останься! — сказал король; он был очень горд тем, что у него нашелся подданный, и не хотел с ним расставаться. — Останься, я назначу тебя министром.

— Министром чего?

— Ну... юстиции¹.

— Но ведь здесь некого судить!

— Как знать, — возразил король. — Я еще не осмотрел всего моего королевства. Я очень стар, для кареты у меня нет места, а ходить пешком так утомительно...

Маленький принц наклонился и еще раз заглянул на другую сторону планеты.

— Но я уже посмотрел! — воскликнул он. — Там тоже никого нет.

— Тогда суди сам себя, — сказал король. — Это самое трудное. Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

— Сам себя я могу судить где угодно, — сказал Маленький принц. — Для этого мне незачем оставаться у вас.

— Гм, гм... — сказал король. — Мне кажется, где-то на моей планете живет старая крыса. Я слышу, как она скребется по ночам. Ты мог бы судить эту старую крысу. Время от времени приговаривай ее к смертной казни. От тебя будет зависеть ее жизнь. Но потом каждый раз надо будет ее помиловать. Надо беречь старую крысу, она ведь у нас одна.

— Не люблю я выносить смертные приговоры, — сказал Маленький принц. — И вообще, мне пора.

— Нет, не пора, — возразил король.

Маленький принц уже совсем собрался в дорогу, но ему не хотелось огорчать старого монарха.

— Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись, — сказал он, — вы могли бы отдать благоразумное приказание. Например, вы могли бы повелеть мне пуститься в

¹ Юстиция — правоведение, совокупность наук о праве.

путь, не мешкая ни минуты... Мне кажется, условия для этого самые что ни на есть благоприятные...

Король не отвечал, и Маленький принц немного помедлил в нерешительности, потом вздохнул и отправился в путь.

— Назначаю тебя послом! — поспешно крикнул вдогонку ему король.

И вид у него при этом был такой, точно он не потерпел бы никаких возражений.

«Станный народ эти взрослые», — сказал себе Маленький принц, продолжая путь. <...>

XV

Шестая планета была в десять раз больше предыдущей. На ней жил старик, который писал толстые книги.

— Смотрите-ка! Вот прибыл путешественник! — воскликнул он, заметив Маленького принца.

Маленький принц сел за стол, чтобы отдышаться. Он уже столько странствовал!

— Откуда ты? — спросил старик.

— Что это за огромная книга? — спросил Маленький принц. — Что вы здесь делаете?

— Я — географ, — ответил старик.

— А что такое географ?

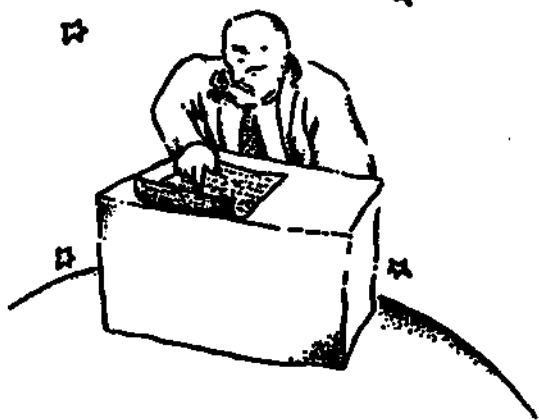
— Это ученый, который знает, где находятся моря, реки, города, горы и пустыни.

— Как интересно! — сказал Маленький принц. — Вот это — настоящее дело!

И он окинул взглядом планету географа. Никогда еще он не видал такой величественной планеты.

— Ваша планета очень красивая, — сказал он. — А океаны у вас есть?

— Это я не знаю, — сказал географ.

— О-о, — разочарованно протянул Маленький принц. — А горы есть?

— Не знаю, — сказал географ.

— А города, реки, пустыни?

— И этого я тоже не знаю.

— Но ведь вы географ!

— Вот именно, — сказал старик. — Я географ, а не путешественник. Мне ужасно не хватает путешественников. Ведь не географы ведут счет городам, рекам, горам, морям, океанам и пустыням. Географ — слишком важное лицо, ему некогда разгуливать. Он не выходит из своего кабинета. Но он принимает у себя путешественников и записывает их рассказы. И если кто-нибудь из них расскажет что-нибудь интересное, географ наводит справки и проверяет, порядочный ли человек этот путешественник.

— А зачем?

— Да ведь если путешественник станет врать, в учебниках географии все перепутается. И если он выпивает лишнее — тоже беда.

— А почему?

— Потому что у пьяниц двойится в глазах. И там, где на самом деле одна гора, географ отметит две.

— Я знал одного человека... Из него вышел бы плохой путешественник, — сказал Маленький принц.

— Очень возможно. Так вот, если окажется, что путешественник — человек порядочный, тогда проверяют его открытие.

— Как проверяют? Идут и смотрят?

— Ну нет. Это слишком сложно. Просто требуют, чтобы путешественник представил доказательства. Например, если он открыл большую гору, пускай принесет с нее большие камни.

Географ вдруг пришел в волнение:

— Но ты ведь и сам путешественник! Ты явился издалека! Расскажи мне о своей планете!

И он раскрыл толстенную книгу и очинил карандаш. Рассказы путешественников сначала записывают карандашом. И только после того, как путешественник представит доказательства, можно записать его рассказ чернилами.

— Слушаю тебя, — сказал географ.

— Ну, у меня там не так уж интересно, — промолвил Маленький принц. — У меня все очень маленькое. Есть три вулкана. Два действуют, а один давно потух. Но мало ли что может случиться...

— Да, все может случиться, — подтвердил географ.

— Потом у меня есть цветок.

— Цветы мы не отмечаем, — сказал географ.

— Почему?! Это ведь самое красивое!

— Потому, что цветы эфемерны.

— Как это — эфемерны?

— Книги по географии — самые драгоценные книги на свете, — объяснил географ. — Они никогда не устаревают. Ведь это очень редкий случай — чтобы гора сдвинулась с места. Или чтобы океан пересох. Мы пишем о вещах точных и неизменных.

— Но потухший вулкан может проснуться, — прервал Маленький принц. — А что такое эфемерный?

— Потух вулкан или действует, это для нас, географов, не имеет значения, — сказал географ. — Важно одно: гора. Она не меняется.

— А что такое эфемерный? — спросил Маленький принц, ведь, раз задав вопрос, он не отступался, пока не получал ответа.

— Это значит: тот, что должен скоро исчезнуть.

— И мой цветок должен скоро исчезнуть?

— Разумеется.

«Моя красота и радость недолговечны, — сказал себе Маленький принц, — и ей нечем защищаться от мира, у нее только и есть что четыре шипа. А я бросил ее, и она осталась на моей планете совсем одна!»

Это впервые он пожалел о покинутом цветке. Но мужество тотчас вернулось к нему.

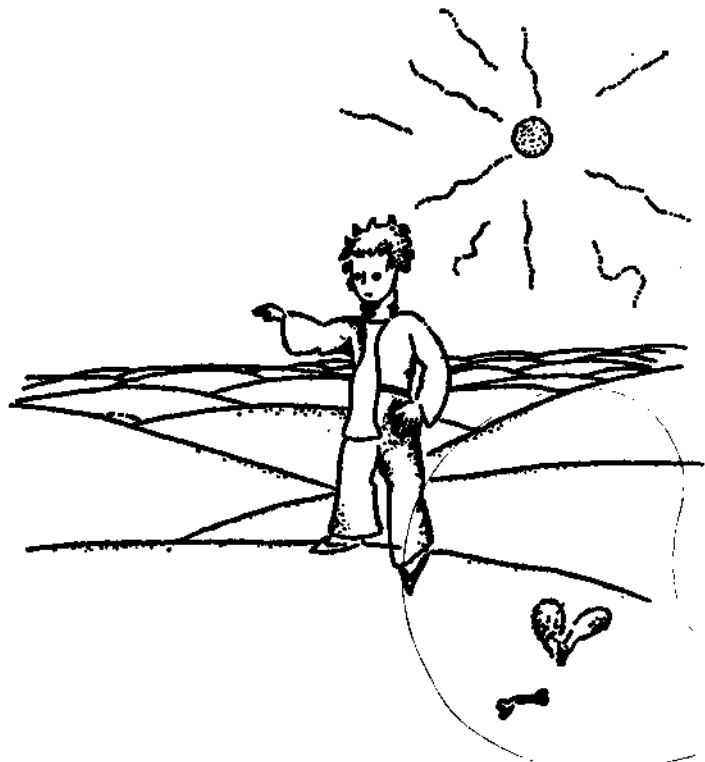
— Куда вы посоветуете мне отправиться? — спросил он географа.

— Посети планету Земля, — отвечал географ. — У нее неплохая репутация...

И Маленький принц пустился в путь, но мысли его были о покинутом цветке.

XVI

Итак, седьмая планета, которую он посетил, была Земля. Земля — планета не простая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, ко-

нечно, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев, итого около двух миллиардов взрослых.

Чтобы дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не изобрели электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков — четыреста шестьдесят две тысячи пятисот одиннадцать человек.

Если поглядеть со стороны, это было великолепное зрелище. Движения этой армии подчинялись точнейшему ритму, совсем как в балете. Первыми выступали фонарщики Новой Зеландии и Австралии. Засветив свои огни, они отправлялись спать. За ними наступал черед фонарщиков Китая. Исполнив

свой танец, они тоже скрывались за кулисами. Потом приходил черед фонарщиков в России и в Индии. Потом — в Африке и в Европе. Затем в Южной Америке. Затем в Северной Америке. И никогда они не ошибались, никто не выходил на сцену не вовремя. Да, это было блистательно.

Только тому фонарщику, что должен был зажигать единственный фонарь на Северном полюсе, да его собрату на Южном полюсе — только этим двоим жилось легко и беззаботно: им приходилось заниматься своим делом всего два раза в год.

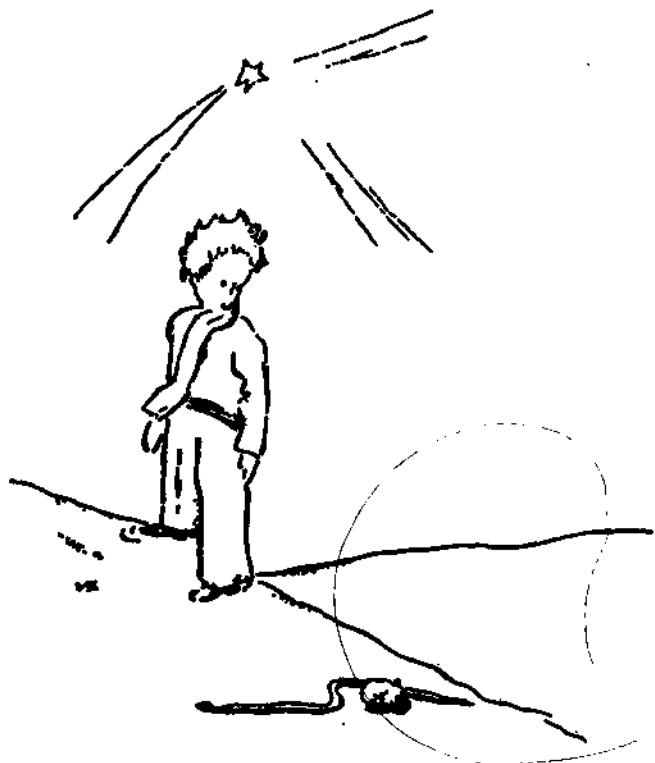
Вопросы

1. Чем Земля в описании рассказчика отличается от предыдущих планет, которые посетил Маленький принц?
2. *Почему рассказчик делает вывод о том, что Земля — «планета не простая»?

XVII

Когда очень хочешь сострить, иной раз поневоле приврешь. Рассказывая о фонарщиках, я несколько погрешил против истины. Боюсь, что у тех, кто не знает нашей планеты, сложится о ней неверное представление. Люди занимают на Земле не так уж много места. Если бы два миллиарда ее жителей сошлись и стали сплошной толпой, как на митинге, все они без труда уместились бы на пространстве размером двадцать миль в длину и двадцать в ширину. Все человечество можно бы составить плечом к плечу на самом маленьком островке в Тихом океане.

Взрослые вам, конечно, не поверят. Они воображают, что занимают очень много места. Они кажутся сами себе величественными, как баобабы. А вы посоветуйте им сделать точный расчет. Им это понравит-

ся, они ведь обожают цифры. Вы же не тратьте время на эту арифметику. Это ни к чему. Вы и без того мне верите.

Итак, попав на Землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-то другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

— Добрый вечер, — сказал на всякий случай Маленький принц.

— Добрый вечер, — ответила змея.

— На какую это планету я попал?

— На Землю, — сказала змея. — В Африку.

— Вот как. А разве на Земле нет людей?

— Это пустыня. В пустынях никто не живет. Но Земля большая.

Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

— Хотел бы я знать, зачем звезды светятся, — задумчиво сказал он. — Наверно, затем, чтобы рано или поздно каждый мог снова отыскать свою. Смотри, вот моя планета, прямо над нами... Но как до нее далеко!

— Красивая планета, — сказала змея. — А что ты будешь делать здесь, на Земле?

— Я поссорился со своим цветком, — признался Маленький принц.

— А, вот оно что...

И оба умолкли.

— А где же люди? — вновь заговорил наконец Маленький принц. — В пустыне все-таки одиноко...

— Среди людей тоже одиноко, — заметила змея.

Маленький принц внимательно посмотрел на нее.

— Странное ты существо, — сказал он. — Не толще пальца...

— Но могущества у меня больше, чем в пальце короля, — возразила змея.

Маленький принц улыбнулся.

— Ну, разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет. Ты и путешествовать не можешь...

— Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль, — сказала змея.

И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.

— Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел, — сказала она. — Но ты чист и явился со звезды...

Маленький принц не ответил.

— Мне жаль тебя, — продолжала змея. — Ты так слаб на этой Земле, жесткой, как гранит. В тот день,

когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...

— Я прекрасно понял, — сказал Маленький принц. — Но почему ты все время говоришь загадками?

— Я решаю все загадки, — сказала змея.

И оба умолкли.

Вопросы

1. Почему Маленький принц все время спрашивает змею о людях? Почему змея говорит Маленькому принцу, что среди людей тоже одиноко?
2. Какие загадки загадала змея Маленькому принцу? Знаете ли вы отгадки?
3. Змея говорит Маленькому принцу: «В тот день, когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь». Как она это сможет сделать?
4. *В чем заключено могущество змеи?

XVIII

Маленький принц пересек пустыню и никого не встретил. За все время ему попался только один цветок — крохотный, невзрачный цветок с трех лепестках.

— Здравствуй, — сказал Маленький принц.

— Здравствуй, — отвечал цветок.

— А где люди? — вежливо спросил Маленький принц.

Цветок видел однажды, как мимо шел караван.

— Люди? Ах, да... Их всего-то, кажется, шесть или семь. Я видел их много лет назад. Но где их искать — неизвестно. Их носит ветром. У них нет корней, это очень неудобно.

— Прощай, — сказал Маленький принц.

— Прощай, — сказал цветок.

XIX

Маленький принц поднялся на высокую гору. Прежде он никогда не видал гор, кроме своих трех вулканов, которые были ему по колено. Потухший вулкан служил ему табуретом. И теперь он подумал: «С такой высокой горы я сразу увижу всю планету и всех людей». Но увидел только скалы, острые и тонкие, как иглы.

— Добрый день, — сказал он на всякий случай.

«Добрый день... день... день...» — откликнулось эхо.

— Кто вы? — спросил Маленький принц.

«Кто вы... кто вы... кто вы...» — откликнулось эхо.

— Будем друзьями, я совсем один, — сказал он.

«Один... один... один...» — откликнулось эхо.

«Какая странная планета! — подумал Маленький принц. — Совсем сухая, вся в иглах и соленая. И у людей не хватает воображения. Они только повторяют то, что им скажешь... Дома у меня был цветок, моя краса и радость, и он всегда заговаривал первым».

XX

Долго шел Маленький принц через пески, скалы и снега и наконец набрел на дорогу. А все дороги ведут к людям.

— Добрый день, — сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

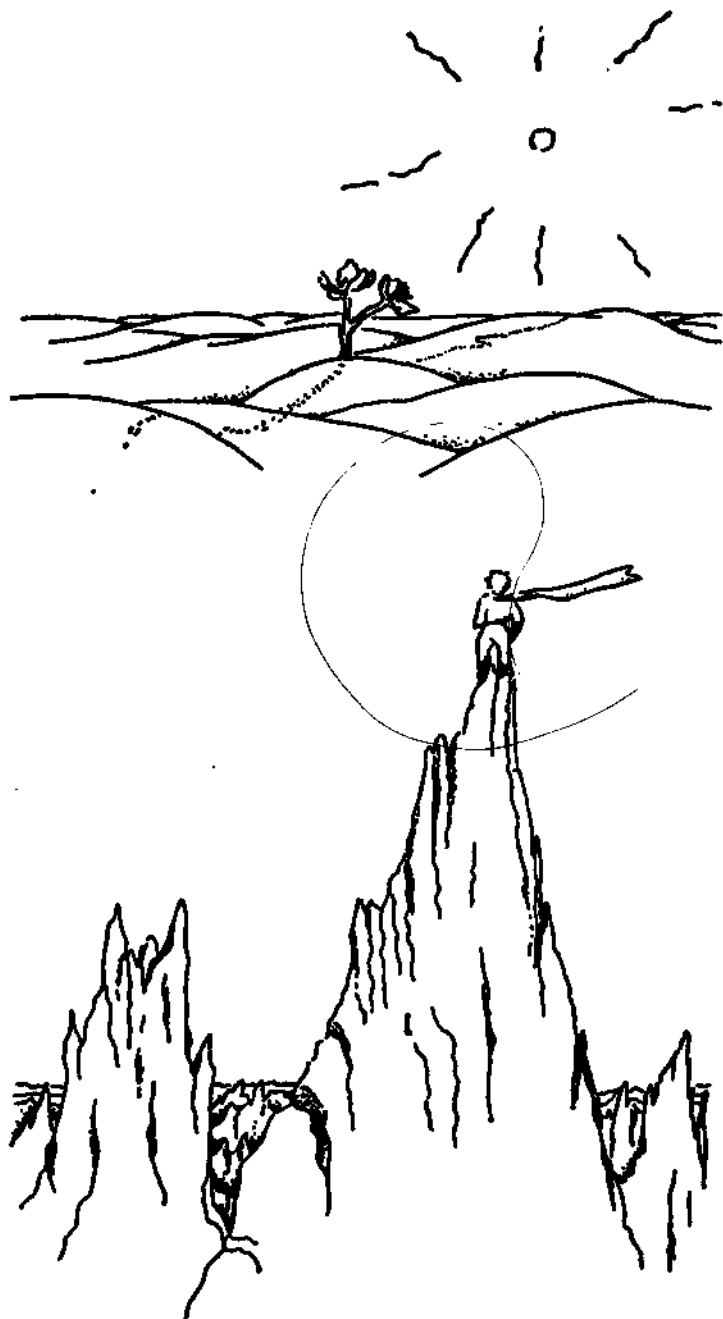
— Добрый день, — отозвались розы.

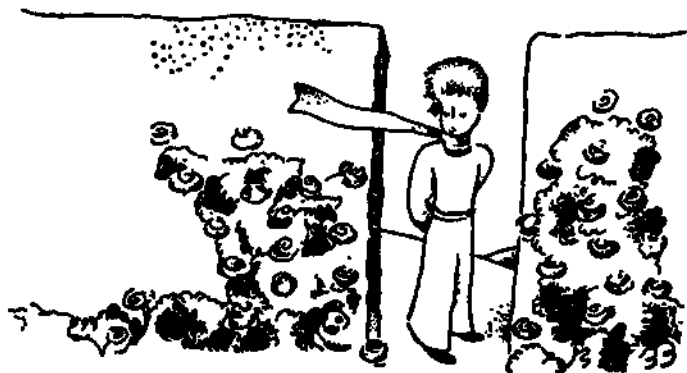
И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

— Кто вы? — спросил он, пораженный.

— Мы — розы, — отвечали розы.

— Вот как... — промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду! «Как бы она рассердилась, если бы увидела их! — подумал Маленький принц. — Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, ведь иначе она и вправду бы умерла, лишь бы унижить и меня тоже...»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было, что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда... какой же я после этого принц...»

Он лег в траву и заплакал.

Вопросы и задание

1. Какой увидел Землю Маленький принц?
2. Опишите картину, на которой изображен Маленький принц и сад, полный роз.

Вот тут-то и появился Лис.

— Здравствуй, — сказал он.

— Здравствуй, — вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

— Я здесь, — слышался голос. — Под яблоней...

— Кто ты? — спросил Маленький принц. — Какой ты красивый!

— Я — Лис, — сказал Лис.

— Поиграй со мной, — попросил Маленький принц. — Мне так грустно...

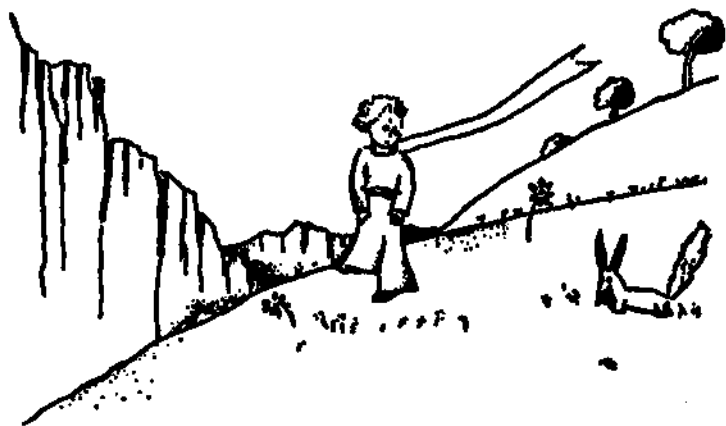
— Не могу я с тобой играть, — сказал Лис. — Я не приручен.

— Ах, извини, — сказал Маленький принц. Но, подумав, спросил:

— А как это — приручить?

— Ты не здешний, — заметил Лис. — Что ты здесь ищешь?

— Людей ищу, — сказал Маленький принц. — А как это — приручить?

— У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И еще они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

— Нет, — сказал Маленький принц. — Я ищу друзей. А как это — приручить?

— Это давно забытое понятие, — объяснил Лис. — Оно означает: создать узы.

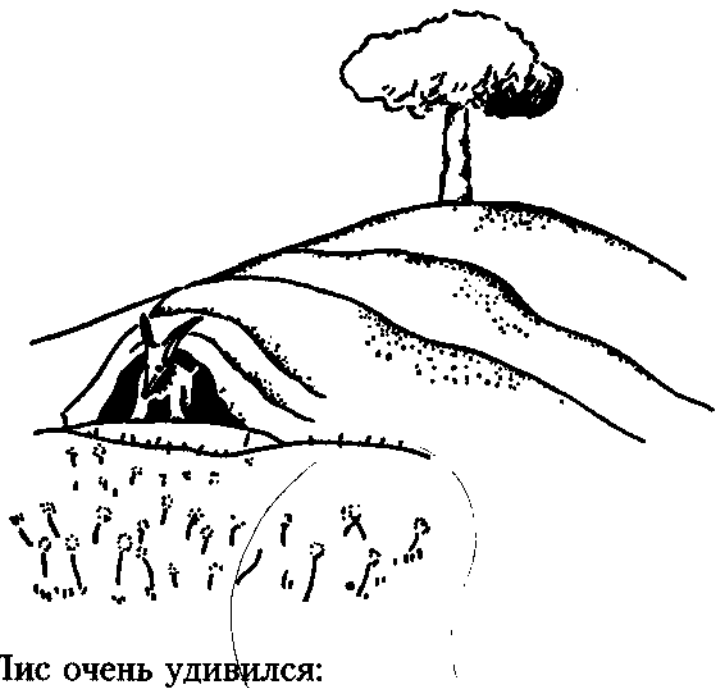
— Узы?

— Вот именно, — сказал Лис — Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

— Я начинаю понимать, — сказал Маленький принц. — Есть одна роза... наверно, она меня приручила...

— Очень возможно, — согласился Лис. — На Земле чего только не бывает.

— Это было не на Земле, — сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

— На другой планете?

— Да.

— А на той планете есть охотники?

— Нет.

— Как интересно! А куры там есть?

— Нет.

— Нет в мире совершенства! — вздохнул Лис.

Но потом он опять заговорил о том же:

— Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живется мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом — смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем

хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

— Пожалуйста... приручи меня!

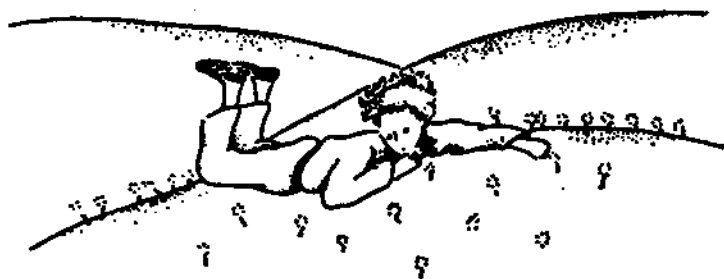
— Я бы рад, — отвечал Маленький принц, — но у меня так мало времени. Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

— Узнать можно только те вещи, которые приручишь, — сказал Лис. — У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах.

Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

— А что для этого надо делать? — спросил Маленький принц.

— Надо запастись терпением, — ответил Лис. — Сперва сядь вон там, поодаль, на траву — вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришел на то же место.

— Лучше приходи всегда в один и тот же час, — попросил Лис. — Вот, например, если ты будешь приходить в четыре утра, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливей. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце... Нужно соблюдать обряды.

— А что такое обряды? — спросил Маленький принц.

— Это тоже нечто давно забытое, — объяснил Лис. — Нечто такое, от чего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час — на все другие часы. Вот, например, у моих охотников есть такой обряд: по четвергам они танцуют с деревенскими девушками. И какой же это чудесный день — четверг! Я отправляюсь на прогулку и дохожу до самого виноградника. А если бы охотники танцевали когда придется, все дни были бы одинаковы, и я никогда не знал бы отдыха.

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

— Я буду плакать о тебе, — вздохнул Лис.

— Ты сам виноват, — сказал Маленький принц. — Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

— Да, конечно, — сказал Лис.

— Но ты будешь плакать!

— Да, конечно.

— Значит, тебе от этого плохо.

— Нет, — возразил Лис, — мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

— Поди взгляни еще раз на розы. Ты поймешь, что твоя роза — единственная в мире. А когда вернешься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошел взглянуть на розы.

— Вы ничуть не похожи на мою розу, — сказал он им. — Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он — единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

— Вы красивые, но пустые, — продолжал Маленький принц. — Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Ее загораживал ширмой, оберегая от ветра. Для нее убивал гусениц, только двух или трех оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она — моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

— Прощай... — сказал он.

— Прощай, — сказал Лис — Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

— Самого главного глазами не увидишь, — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей все свои дни.

— Потому, что я отдавал ей все свои дни... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

Вопросы и задания

1. Как вы поняли, что значит «приручить»?
2. *Почему Лис, зная, что ему будет больно расставаться с Маленьким принцем, все-таки просит себя приручить?
3. Что помогло Маленькому принцу понять, что его роза — единственная в мире?
4. *Согласны ли вы с Лисом в том, что его секрет очень прост?
5. Опишите прощание Лиса с Маленьким принцем.
6. Перескажите содержание главки от лица Маленького принца.

XXII

— Добрый день, — сказал Маленький принц.

— Добрый день, — отозвался стрелочник.

— Что ты делаешь? — спросил Маленький принц.

— Сортирую пассажиров, — отвечал стрелочник. — Отправляю их в поездах по тысяче человек за раз — один поезд направо, другой налево.

И скорый поезд, сверкая освещенными окнами, с громом промчался мимо, и будка стрелочника вся задрожала.

— Как они спешат, — удивился Маленький принц. — Чего они ищут?

— Даже сам машинист этого не знает, — сказал стрелочник.

И в другую сторону, сверкая огнями, с громом пронесся еще один скорый поезд.

— Они уже возвращаются? — спросил Маленький принц.

— Нет, это другие, — сказал стрелочник. — Это встречный.

— Им было нехорошо там, где они были прежде?

— Там хорошо, где нас нет, — сказал стрелочник. И прогремел, сверкая, третий скорый поезд.

— Они хотят догнать тех, первых? — спросил Маленький принц.

— Ничего они не хотят, — сказал стрелочник. — Они спят в вагонах или просто сидят и зевают. Одни только дети прижимаются носами к окнам.

— Одни только дети знают, чего ищут, — промолвил Маленький принц. — Они отдают все свои дни тряпочной кукле, и она становится им очень-очень дорога, и если ее у них отнимут, дети плачут...

— Их счастье, — сказал стрелочник.

XXIII

— Добрый день, — сказал Маленький принц.

— Добрый день, — ответил торговец.

Он торговал самоновейшими пилюлями, которые утоляют жажду. Проглотишь такую пилюлю — и потом целую неделю не хочется пить.

— Для чего ты их продаешь? — спросил Маленький принц.

— От них большая экономия времени, — ответил торговец. — По подсчетам специалистов, можно сэкономить пятьдесят три минуты в неделю.

— А что делать в эти пятьдесят три минуты?

— Да что хочешь.

«Будь у меня пятьдесят три минуты свободных, — подумал Маленький принц, — я бы просто-напросто пошел к роднику...»

Вопросы и задания

1. Почему стрелочник называет плач детей счастьем?
2. Какое представление о жизни людей на Земле мог составить себе Маленький принц после встреч со стрелочником и торговцем?
3. В какой момент своего пути Маленький принц встретил летчика? Когда и почему Маленький принц принял решение вернуться на свою планету?

XXIV

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию, и, слушая про торговца пилюлями, я выпил последний глоток воды.

— Да, — сказал я Маленькому принцу, — все, что ты рассказываешь, очень интересно, но я еще не починил самолет, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

— Лис, с которым я подружился...

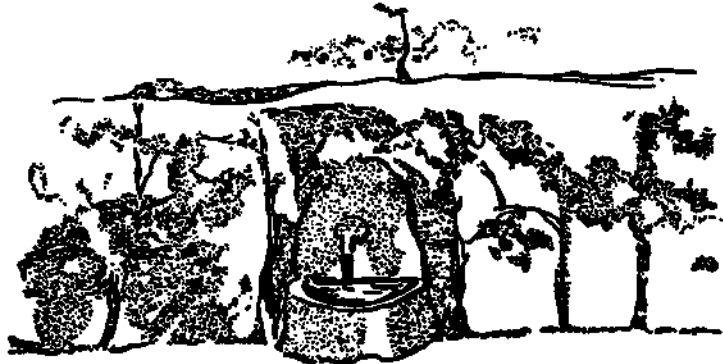
— Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

— Почему?

— Да потому, что придется умереть от жажды.

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

— Хорошо, если у тебя когда-то был друг, пусть даже надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с Лисом.

«Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча...»

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня — и промолвил:

— Мне тоже хочется пить... пойдем поищем колодец.

Я устало развел руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне. Но все-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча; наконец стемнело, и в небе стали загораться звезды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне все вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

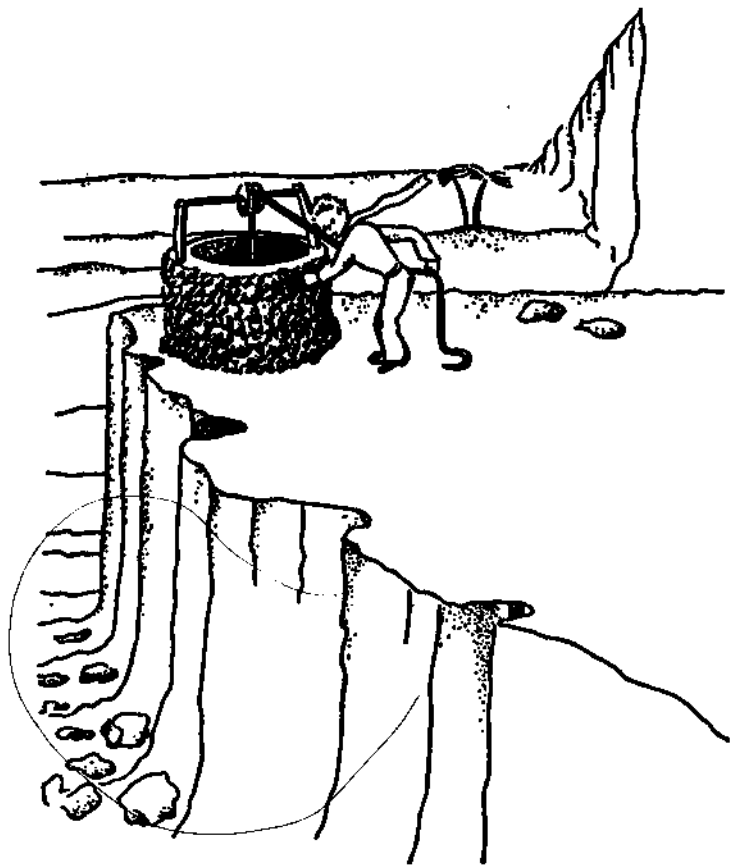
— Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда? Но он не ответил. Он сказал просто:

— Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его расспрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

— Звезды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

— Да, конечно, — сказал я только, глядя на волнистый песок, освещенный луною.

— И пустыня красивая... — прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И все же тишина словно лучится...

— Знаешь, отчего хороша пустыня? — сказал он. — Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражен, вдруг я понял, почему таинственно лучится песок. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме — рассказывали, будто

в нем запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своем он скрывал тайну...

— Да, — сказал я. — Будь то дом, звезды или пустыня — самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

— Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, — отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошел дальше. Я был взволнован. Мне казалось — я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже — ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: все это лишь оболочка. Самое главное — то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе еще: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который лучится в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он даже более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь, порыв ветра может их погасить...

Так я шел... и на рассвете дошел до колодца.

Вопросы и задание

1. Почему Маленький принц, который никогда не испытывал жажды, говорит летчику: «Мне тоже хочется пить... пойдем поищем колодец»?
2. *Согласны ли вы с летчиком, когда он говорит: «Будь то дом, звезды или пустыня — самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами»? Как можно распознать прекрасное, если его не увидишь глазами?

3. *Почему Маленький принц представляется летчику самым хрупким, что есть на Земле?
4. Как вы поняли слова Маленького принца: «Вода бывает нужна и сердцу...»?
5. Как получилось, что летчик дошел до колодца?
6. Опишите идущего по пустыне летчика и спящего на его руках Маленького принца.

XXV

— Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут, — сказал Маленький принц. — Поэтому они не знают покоя, бросаются то в одну сторону, то в другую.

Потом прибавил:

— И все напрасно...

Колодец, к которому мы пришли, был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец — просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но деревни тут нигде не было, и я подумал, что это сон.

— Как странно, — сказал я Маленькому принцу, — тут все приготовлено — и ворот, и ведро, и веревка...

Он засмеялся, тронул веревку, стал раскручивать ворот. И ворот закрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

— Слышишь? — сказал Маленький принц. — Мы разбудили колодец, и он запел...

Я боялся, что он устанет.

— Я сам зачерпну воды, — сказал я, — тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надежно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня еще отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре еще дрожала, и в ней дрожали солнечные зайчики.

— Мне хочется глотнуть этой воды, — промолвил Маленький принц. — Дай мне напиться...

И я понял, что он искал!

Я поднес ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сияньем свеч на елке, пеньем органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками.

— На твоей планете, — сказал Маленький принц, — люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

— Не находят, — согласился я.

— А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

— Да, конечно, — согласился я.

И Маленький принц сказал:

— Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мед. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

— Ты должен сдержать слово, — мягко сказал Маленький принц, снова садясь рядом со мною.

— Какое слово?

— Помнишь, ты обещал... намордник для моего барашка... Я ведь в ответе за тот цветок.

Я достал из кармана свои рисунки. Маленький принц поглядел на них и засмеялся:

— Баобабы у тебя похожи на капусту. А я-то гордился своими баобабами!

— А у лисицы твоей уши... точно рога! И какие длинные!

И он опять засмеялся.

— Ты несправедлив, дружок. Я ведь никогда и не умел рисовать, разве только удавов снаружи и изнутри.

— Ну, ничего, — успокоил он меня. — Дети и так поймут.

И я нарисовал намордник для барашка. Я отдал рисунок Маленькому принцу, и сердце у меня сжалось.

— Ты что-то задумал и не говоришь мне... Но он не ответил.

— Знаешь, — сказал он, — завтра исполнится год, как я попал к вам на Землю...

И умолк. Потом прибавил:

— Я упал совсем близко отсюда...

И покраснел.

И опять, Бог весть почему, тяжело стало у меня на душе. Все-таки я спросил:

— Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты не случайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от человеческого жилья? Ты возвращался к месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел еще сильнее.

А я прибавил нерешительно:

— Может быть, это потому, что исполняется год?

И опять он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит «да», не так ли?

— Непокойно мне... — начал я.

Но он сказал:

— Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе... Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать.

Вопросы и задания

1. Почему Маленькому принцу хочется глотнуть воды из колодца?
2. Почему колодезная вода, которую пьет Маленький принц, навевает на летчика воспоминания о рождественских подарках?
3. Почему колодец, к которому пришли летчик и Маленький принц, «не такой, как все колодцы в Сахаре»?
4. Что «можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды»?
5. Попробуйте посмотреть на людей глазами Маленького принца и объясните, почему они «забираются в поезда» и «выращивают в одном саду пять тысяч роз».
6. Почему Маленький принц покраснел, разговаривая с летчиком?
7. Почему летчик стал беспокоиться о Маленьком принце?

XXVI

Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и еще издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И услышал его голос.

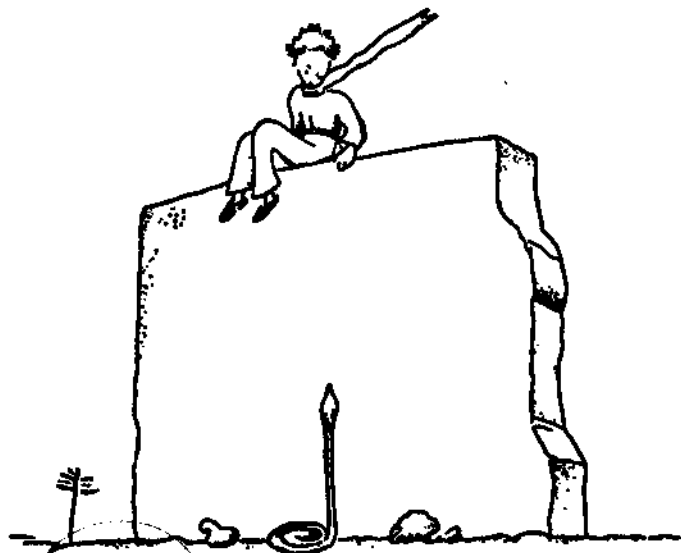
— Разве ты не помнишь? — говорил он. — Это было совсем не здесь.

Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

— Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте.

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

— Ну конечно. Ты найдешь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я все еще ничего не видел.

После недолгого молчания Маленький принц спросил:

— А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце мое сжалось, но я все еще не понимал.

— Теперь уходи, — сказал Маленький принц. — Я хочу прыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза, да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась желтая змейка, из тех, чей укус убивает в полминуты. Нащупывая в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змейка тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеек, и еле слышным металлическим звоном неторопливо скрылась меж камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя и подхватил моего Маленького принца. Он был белее снега.

— Что это тебе вздумалось, малыш! — воскликнул я. — Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Смочил ему виски и заставил выпить воды. Но не смел больше ни о чем спрашивать. Он серьезно посмотрел на меня и обвинил мою шею руками. Я услышал, как бьется его сердце, словно у подстреленной птицы.

Он сказал:

— Я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

— Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки ожиданиям, мне удалось исправить самолет!

Он не ответил, он только сказал:

— И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

— Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Все было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно малого ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, его затягивает бездна, и я не в силах его удержать...

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

— У меня останется твой барашек. И ящик для барашка. И намордник...

И он печально улыбнулся.

Я долго ждал. Он словно бы приходил в себя.

— Ты напугался, малыш...

Ну еще бы не напугаться! Но он тихонько засмеялся:

— Сегодня вечером мне будет куда страшнее...

И опять меня оледенило предчувствие непоправимой беды.

Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня — точно родник в пустыне.

— Малыш, я хочу еще послушать, как ты смеешься...

Но он сказал:

— Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

— Послушай, малыш, ведь все это — и змея, и свиданье со звездой — просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

— Самое главное — то, чего глазами не увидишь... — сказал он.

— Да, конечно...

— Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть на небо. Все звезды расцветают.

— Да, конечно...

— Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была как музыка, а все из-за ворота и веревки. Помнишь? Она была очень хорошая.

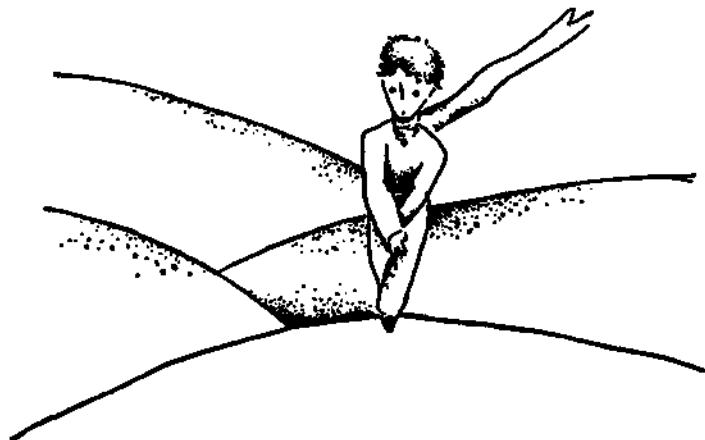
— Да, конечно...

— Ночью ты посмотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто — одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

— Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеешься!

— Вот это и есть мой подарок... это будет, как с водой.

— Как так?

— У каждого человека свои звезды. Одним — тем, кто странствует, — они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они — как задача, которую надо решить. Для моего дельца они — золото. Но для всех этих людей звезды немые. А у тебя будут совсем особенные звезды.

— Как так?

— Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

— И когда ты утешься (в конце концов всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!» И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю...

И он опять засмеялся.

— Как будто вместо звезд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

Он опять засмеялся. Потом снова стал серьезен:

— Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

— Я тебя не оставлю.

— Тебе покажется, что мне больно... покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

— Я тебя не оставлю.

Но он был чем-то озабочен.

— Видишь ли... это еще из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

— Я тебя не оставлю.

Он вдруг успокоился:

— Правда, на двоих у нее не хватит яда...

В ту ночь я не заметил, как он ушел. Он ускользнул неслышно. Когда я наконец нагнал его, он шел быстрым, решительным шагом.

— А, это ты... — сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

— Напрасно ты идешь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

— Видишь ли... это очень далеко. Мое тело слишком тяжелое. Мне его не унести.

Я молчал.

— Но это все равно что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но все-таки сделал еще одно усилие:

— Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиться...

Я молчал.

— Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня — пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...

— Вот мы и пришли. Дай мне сделать еще шаг одному. И он сел на песок, потому что ему стало страшно. Потом он сказал:

— Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

— Ну... вот и все...

Помедлил еще минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновенье он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

Вопросы и задания

1. Удивляет ли вас, что Маленький принц еще до слов летчика знал, что тому удалось починить самолет?
2. Почему смех Маленького принца для летчика «точно родник в пустыне»?
3. Почему сердце Маленького принца билось, «словно у подстреленной птицы»?
4. Почему Маленький принц говорит о том, что потом ему будет намного страшнее?

XXVII

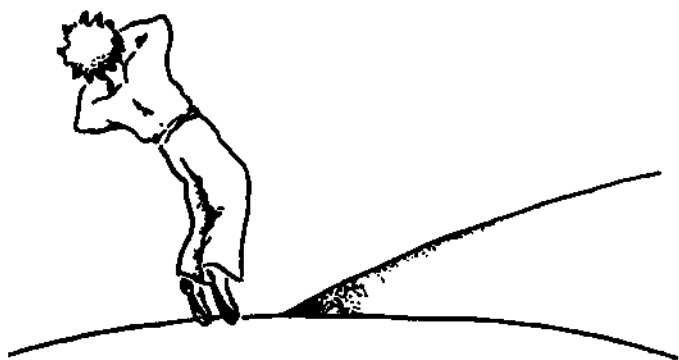
И вот прошло уже шесть лет... Я еще ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

— Это я просто устал...

И все же понемногу я утешился. То есть... не совсем. Но я знаю: он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашел на песке его тела. Не такое уж оно было тяжелое. А по ночам я люблю слушать звезды. Словно пятьсот миллионов бубенцов...

Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?

Иногда я говорю себе: нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стек-

лянным колпаком, и он очень следит за барашком... Тогда я счастлив. И все звезды тихонько смеются.

А иногда я говорю себе: бываешь же порой рассеянным... тогда все может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю... И тогда все бубенцы плачут.

Все это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не все равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в неизвестном уголке вселенной барашек, которого мы никогда не видели, может быть, съел незнакомую нам розу.

Взгляните на небо. И спросите себя, жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел? И вы увидите: все станет по-другому...

И никогда ни один взрослый не поймет, как это важно!

1. С каким чувством вы заканчивали чтение сказки?
2. Полюбили ли вы Маленького принца?
3. Почему «мир становится иным оттого, что где-то в безвестном уголке вселенной барашек, которого мы никогда не видели, может быть, съел незнакомую нам розу»?
4. Согласны ли вы с тем, что «все это загадочно и непостижимо»?

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез. Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклиная вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы уж конечно догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

Сможем ли мы когда-нибудь написать летчику о возвращении Маленького принца?

В сказке много таких выражений, которые запоминаются. Например, слова Лиса: «Зорко одно лишь сердце... Самого главного глазами не увидишь», «Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил». Эти выражения вспоминаются не только тогда, когда мы думаем об истории Маленького принца, они объясняют нам многие случаи из нашей жизни, они как бы находятся вне конкретной ситуации. Поэтому, наверное, так старательно их повторял Маленький принц, чтобы лучше запомнить и чтобы они давали ему направление движения его души.

Сам Маленький принц тоже научил нас многим необходимым вещам с помощью таких выражений. Например: «Есть такое твердое правило... Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету». Мы понимаем, что Маленький принц понимал эти слова буквально, для нас в этой фразе слово «планета» означает все, что мы видим вокруг себя. Можно себя чувствовать хорошо, только когда все вокруг радует нас.

В одной фразе сосредоточен смысл многих размышлений, опыта. Запоминая ее, мы открываем для себя широкие возможности ее применения в разных жизненных ситуациях. Короткие, ясные изречения, основанные на опыте и рассуждении, выражающие некоторый общий для многих ситуаций смысл, часто данный иносказательно, называются **афоризмами**. Происхождение этого слова греческое, и означает оно короткое, емкое высказывание, в котором отражается некоторое правило.

В отличие от пословицы, которая не сочиняется, а рождается сама из народной речи и является ее примером, афоризм всегда авторский. Он сочинен писателем, а уже потом может становиться крылатой фразой, то есть «перелетать» из ситуации в ситуацию, обозначая определенный смысл, заданный автором, но примененный к другим событиям.

I. Напишите обращение к одноклассникам «Советую прочитать».

II. Прочитайте рассказ М. М. Зощенко «Встреча» и ответьте на вопросы.

ВСТРЕЧА

Скажу вам откровенно: я очень люблю людей. Другие, знаете ли, на собак растрачивают свои симпатии. Купают их и на цепочках водят. А мне как-то человек милее.

Однако, не могу соврать: при всей своей горячей любви не видел бескорыстных людей.

Один, было, парнишка светлой личностью промелькнул в моей жизни, да и то сейчас насчет него нахожусь в раздумье. Не могу решить, чего он тогда думал. Кто его знает — какие у него были мысли, когда он делал свое бескорыстное дело.

А шел я, знаете, из Ялты в Алупку. Пешком. По шоссе.

Я в этом году в Крыму был. В доме отдыха.

Так иду я пешком. Любуюсь крымской природой. Красота, можно сказать, неземная.

Одно худо — невозможно жарко. Через эту жару даже красота на ум не идет. Отворачиваешься от панорамы.

И пыль на зубах скрипит.

Семь верст прошел и утомился до крайности.

А до Алупки еще далеко. Может, верст десять. Прямо не рад, что выбрал такой маршрут.

Прошел еще версту. Запарился. Присел на дорожку. Сажу. Отдыхаю. И вижу — позади меня человек идет. Шагов, может, за пятьсот.

А кругом, конечно, пустынно. Ни души. Орлы летают.

Худого я тогда ничего не подумал. Но все-таки при всей своей любви к людям не люблю с ними встречаться на пустынном месте.

Встал и пошел. Немного прошел, обернулся — идет человек за мной.

Тогда я пошел быстрее, — он тоже поднажал.

Иду, на крымскую природу не гляжу. Только бы, думаю, живьем до Алупки дойти.

Оборачиваюсь. Гляжу — он рукой мне машет. Я ему тоже махнул рукой. Дескать, отстань, сделай милость.

Слышу, он мне что-то кричит.

Вот, думаю, черт, привязался!

Ходко пошел вперед. Слышу, он опять кричит.

И теперь бежит сзади меня.

Несмотря на усталость, я тоже побежал.

Пробежал немного — задыхаюсь.

Слышу, кричит:

— Стой! Стой! Товарищ!

Прислонился я к скале. Стою.

Подбежал до меня небогато одетый человек. В сандалиях. И вместо рубашки — сетка.

— Чего вам, — говорю, — надо?

— Ничего, — говорит, — не надо. А вижу — не туда идете. Вы в Алупку?

— В Алупку.

— Тогда, — говорит, — вам по шоссе не надо. По шоссе громадный крюк даете. Туристы тут всегда путаются. А тут вам по тропинке надо идти. Версты четыре выгоды. И тени много.

— Да нет, — говорю, — мерси, спасибо. Я уж по шоссе пойду.

— Ну, — говорит, — как хотите. А я по тропинке. Повернулся и пошел назад. После окликает меня:

— Нет ли папироски, товарищ? Курить охота.

Дал я ему папироску. И сразу как-то мы с ним познакомились и подружились. И пошли вместе по тропинке.

Очень симпатичный человек оказался. Пищевик. Всю дорогу он надо мной смеялся.

— Прямо, — говорит, — тяжело было на вас глядеть. Идет не туда. Дай, думаю, скажу. А вы бежите. Зачем же вы побежали?

— Да, — говорю, — чего не пробежать.

Незаметно, по тенистой тропинке, пришли мы в Алупку и здесь распрощались.

Весь вечер я думал насчет этого пищевода.

Человек бежал, задыхался, сандалии трепал. И для чего? Чтобы сказать, куда мне надо идти. Это было очень благородно с его стороны.

А теперь, вернувшись в Ленинград, я думаю: кто его знает — а может, ему курить сильно захотелось? Может, он хотел папироску у меня стрелнуть? Вот и бежал. Или, может, идти ему было скучно — попутчика искал?

Так и не знаю я в точности. Однако сердце подсказывает мне, что бежал он бескорыстно. Это был простодушный человек. А такие способны совершить то, чего от других не дождешься.

Вопросы и задания

1. Над чем вы смеялись, читая этот рассказ?
2. В чем автор не согласен с героем-рассказчиком?

3. Можете ли вы нарисовать картину крымской природы? Если нет, почему?
4. Представьте себе героя в тот момент, когда он бежит и когда прислонился к скале.
5. Что нелепо во фразе «Через эту жару даже красота на ум не идет. Отворачиваешься от панорамы»?
6. Найдите в рассказе фразы, которые противоречат друг другу.
7. Почему герой побежал?
8. Любит ли герой людей?
9. Что автор осмеивает в этом рассказе?

III. Прочитайте стихотворение Жака Превера
«Кто твоя сестра?» и определите,
какой литературный прием стал
основой композиции стихотворения.

КТО ТВОЯ СЕСТРА?

— Красота, —
отвечает тоска.

Нега, —
отвечает боль.

Жестокость, —
отвечает нежность.

Равнодушие, —
отвечает отчаяние.

Смерть, —
отвечает беда.

А моя сестра, —
отвечает счастье, —
это любовь,
любовь навсегда.

Выберите одну из строф этого стихотворения и напишите балладу. Как видите, белый стих, исполь-

зуемый Провером, не требует рифмовки. Если вас затрудняет рифмование строк, напишите балладу белым стихом.

- IV. Послушайте одну из пьес «Детского альбома»
П. И. Чайковского или «Карнавала животных»
Сен-Санса и напишите рассказ,
подсказанный музыкой, которую вы слушали.

Рекомендательная литература для чтения в 7 классе

- И. С. Тургенев. «Певцы»
Гомер. «Илиада»
А. Платонов. «Юшка»
А. Ахматова. Лирика
У. Шекспир. «Двенадцатая ночь»
Луиджи де Порто. «История двух благородных влюбленных»
Банделло. «Всевозможные злоключения и печальная смерть двух влюбленных», «Близнецы»
А. Пушкин. «Барышня-крестьянка»
К. Паустовский. «Разливы рек»
Ю. Казаков. «Звон брегета»
Н. Гоголь. «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»
П. Мериме. Новеллы
И. Тургенев. «Записки охотника» («Хорь и Калиныч», «Певцы»), «Ася»
А. Н. Островский. «Свои люди — сочтемся»
Н. Некрасов. «Надрывается сердце от муки...», «Мы с тобой бестолковые люди...» и др.
А. Чехов. «Размазня», «Маска», «Свадьба с генералом», «Брак по расчету»
Д. Хармс. «Случай»
М. Горький. «Челкаш», «Старуха Изергиль»
Э.-Л. Войнич. «Овод»
Ч. Айтматов. «Белый пароход»
Ю. С. Рытхэу. «Куда уходят киты»
С. Есенин. Стихотворения (по выбору учителя)
В. Маяковский. «Люблю»

Е. Шварц. «Обыкновенное чудо»

Н. Рубцов. «Старая дорога», «Звезда полей»,
«Русский огонек» и др.

В. Шукшин. «Обида», «Сапожки», «Чудик»,
«Микроскоп» и др.

Б. Васильев. «Не стреляйте в белых лебедей»

А. Вознесенский. «Треугольная груша»

Е. Евтушенко. «Итальянская Италия»

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Сергеевич Тургенев	3
Русский язык	7
Бирюк	—
Конфликт в литературном произведении	17
Николай Алексеевич Некрасов	23
Крестьянские дети	27
Забывшая деревня	31
Михаил Евграфович Салтыков (Н. Щедрин)	33
Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил	35
Понятие о гротеске	46
Николай Семенович Лесков	49
Лёвша	51
Понятие о сказе	84
Антон Павлович Чехов	86
Хамелеон	89
Юмор и сатира	93
О. Генри	97
Дары волхвов	99
Для самостоятельного чтения и обсуждения	108
Максим Горький	—
Детство (фрагменты)	109
Владимир Владимирович Маяковский	137
Поэт необычайности	—
А вы могли бы?	140
Скрипка и немножко нервно	141
Маяковский в 1913 году	143
Хорошее отношение к лошадям	144
Словотворчество и рифма у Маяковского	147
Для самостоятельного чтения и обсуждения	151
Владимир Владимирович Набоков	—
Для самостоятельного чтения и обсуждения	154
Даниил Хармс	—
Иван Тапорожкин	159
Что это было?	—
Во-первых и во-вторых	160
Михаил Аркадьевич Светлов	166
Заметки о моей жизни	—
Песня о Каховке	171
Гренада	172
Трёхсложные размеры стиха. Мужская и женская рифмы	176
Борис Леонидович Пастернак	179
Люди и положения	180
Младенчество	—

Скрябин	183
Июль	187
Ночь	188
Поэтический образ	190
Михаил Михайлович Зощенко	193
Происшествие	194
Автор и рассказчик в произведении	199
Константин Георгиевич Паустовский	203
Старик в станционном буфете	204
Валентин Григорьевич Распутин	208
Автор и герой в рассказе	211
Антуан де Сент-Экзюпери	220
Маленький принц. <i>В сокращении</i>	223
Афоризм	293
Самостоятельная работа	295
Рекомендательная литература для чтения в 7 классе	300